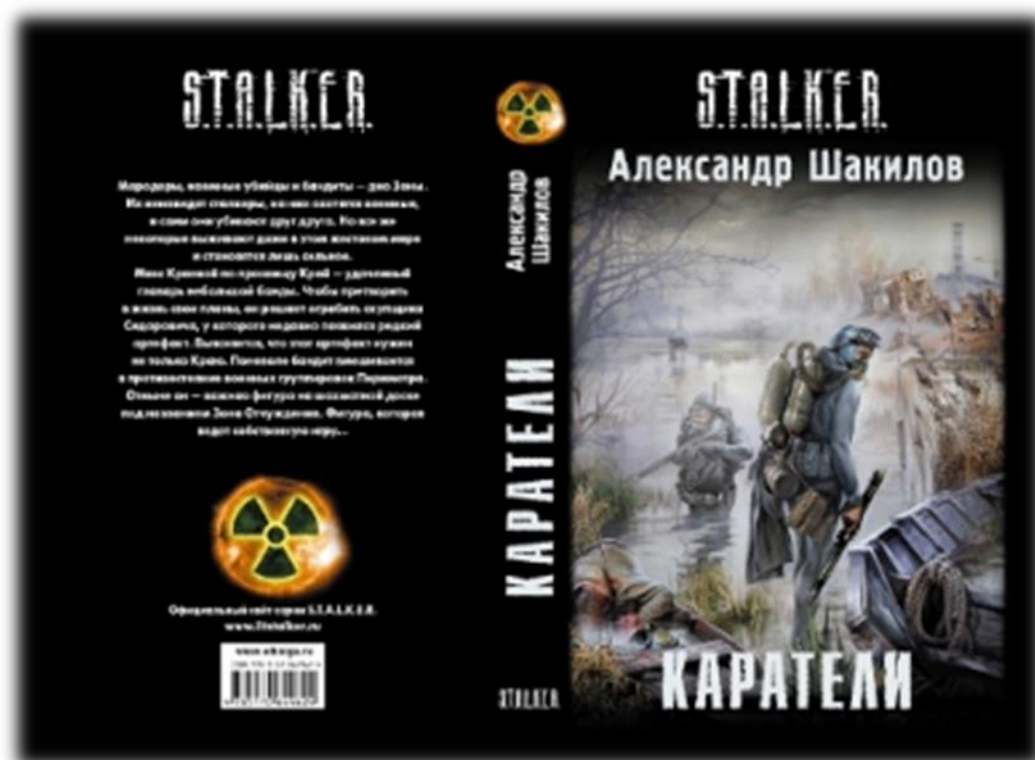

Александр Шакилов Каратели

S.T.A.L.K.E.R. – 35

Аннотация:

Мародеры, наемные убийцы и бандиты — дно Зоны. Их ненавидят сталкеры, на них охотятся военные, и сами они убивают друг друга. Но все же некоторые выживают даже в этом жестоком мире и становятся лишь сильнее.

Макс Краевой по прозвищу Край — удачливый главарь небольшой банды. Чтобы претворить в жизнь свои планы, он решает ограбить скупщика Сидоровича, у которого недавно появился редкий артефакт. Но выясняется, что этот артефакт нужен не только Краю. Поневоле бандит вмешивается в противостояние военных группировок Периметра. Отныне он — важная фигура на шахматной доске под названием Зона Отчуждения. Фигура, которая ведет собственную игру...

Александр Шакилов Каратели

Глава 1. Ночной Грабеж

Мы подошли к берлогу Сидоровича далеко за полночь, когда луну скрыли облака. Нас было трое: я, то есть Максим Краевой, Маховик и Лялька по кличке Брынза.

Говорят, бабам в Зоне не место. Но так говорят только те, кто здесь не бывал. Кое-кто из сталкеров сидит тут безвылазно и носа не кажет за Периметр. Они сбывают хабар скупщикам вроде Сидоровича, у которых и отовариваются снарягой и водкой, едой и стволами. Ну и что, им теперь всю жизнь без женщин обходиться?

К чему это я? Да к тому, что в моей бригаде уже была женщина — Милена, моя сердечная подруга. Три года ее, девчонку еще, учили жить в колонии для малолеток, так что

характер у Милены получился стальной, не укусишь — зубы сломаешь. Теперь ее с нами нет, а почему — отдельная история. Но бойцом она была знатным, потому и Ляльку я приютил без разговоров.

— Есть! — сказала Брынза и хлопнула носом. У нее насморк. Хронический.

Муську, слепую суку, с недавних пор охранявшую подходы к схрону Сидоровича, Брынза сняла из снайперки с глушаком метров со ста. Хорошо, что мы раздобыли ночной прицел, без него даже Брынза не попала бы. А ведь она бывшая биатлонистка, мастак стрелять издалека: с трехсот метров тушкана в глаз бьет.

Ну и местечко выбрал Сидорович для лабаза! Справа, метрах в пятнадцати, кружит в воздухе пожухлая листва — прям пушкинская осень. То ли «трамплин» это, то ли «воронка», в ПНВ не разглядеть. Слева, почти у самого входа, большая лужа зеленеет. А ведь раньше к этому месту легко подойти было со всех сторон, но теперь откуда ни сунься — то аномалия, то «ржавые волосы». Н-да, задачку предстоит решить еще ту. Странно, что я раньше не слышал об этих сюрпризах. Хотя в Зоне что ни день, то новости...

Как только собачий череп в куски порвало, косолапый Маховик наступил на сухую ветку, и та громко хрустнула.

— Тихо ты! — выверился я на Маховика. Но говорил шепотом, чуть слышно. — Или в «холодец» нырять заставлю!

Маховик смолчал. Знал, что я и впрямь на такое способен.

— Теперь вперед двигай, — приказал я.

— Я те чё, отмычка? Самый молодой, да? Впервые в Зоне?

Положим, не впервые. Ну так Брынза и я тоже не по Красной площади гуляем и отовариваемся не в бутиках. А у Маховика за Периметром опыт обширный — он у нас привычный пьяных сталкеров на деньги опускать, это у него в крови.

— Иди, говорю. А не то я Сидоровича сам завалю.

Это на Маховика подействовало. У него с барыгой старые счеты. То ли заломил ему Сидорович непомерную цену, то ли патроны гнилые подсунул, а то и глянул косо — не знаю. Но, услышав, что я иду «проведать» лабаз, Маховик заискрился пуще «электры», мол, возьми в долю, сгожусь. Мне и Брынзы хватило бы — собачку обезвредить, но от лишнего ствола грех отказываться. Мало ли...

И вот теперь Маховик испугался, что торговец без его мести упокоится. Не лень, нет, страх — двигатель прогресса. Особенно в наших местах. Боишься — и всакиваешь, и рвешь вперед, хоть и мечтаешь зарыться в асфальт или нырнуть в полузатопленный подвал, чтоб ни одна дрянь не достала.

А вот я, к примеру, с прогрессом не в ладах. Потому и валяюсь на плащ-палатке, разглядывая в ПНВ ночные пейзажи.

Маховик короткими перебежками помчал вдоль «ржавых волос». По моему приказу Брынза сорвалась вслед за ним. У самого «холодца» Маховик упал, словно его по ногам арматуриной приласкали, и я, собравшийся за подельниками, замер на месте. Что такое?...

Брынза мгновенно вскинула винтовку, направив на дверь схрона, и, не опуская ствола, подбежала к Маховику.

Один только я на ручнике. Ну, это дело поправимое, полминуты — и я тоже в дамках. Упал рядом с Брынзой, с омерзением на «холодец» поглядывая. Не нравится он мне. А тут еще до «ржавых волос» рукой подать. А ну как ветер поднимется? Да в нашу сторону? Нельзя здесь долго разлеживаться.

— Чего завис? — Я в школе компьютерами увлекался. — Жми три педали и вперед.

— А? — разявил варезку Маховик. — Это... тут аккуратней дальше. Растяжки.

Глянул я — и обомлел. Таки да, растяжки. А про них Пельмень, помощник Сидоровича, мне ни полслова. Вот так, на аномалии заморочившись, простую проволоку и не заметишь. А потом — хлоп! — похороните меня в белых тапочках. Хитёр Сидорович, ничего не скажешь.

Аккуратней? Это мы умеем, особенно если знаем куда смотреть.

— Маховик, ты вороной кричать можешь?

— Чё?... А-а, да.

— Так кричи давай.

Пожав широкими плечами, Маховик закаркал, а я мысленно взмолился, чтобы Сидорович не проснулся раньше времени. Ну, удумал Пельмень — ворону ночью изображать. Любого это насторожило бы, но что поделаешь... Помощник Сидоровича передал мне клочок бумаги с коммерческим предложением и планом операции. В баре он вроде как поскользнулся и вцепился мне в плечо, чтоб не упасть. Я для конспирации, конечно, отвесил ему подзатыльник. В итоге в кармане у меня оказалась ценная записка: вот он, шанс, которого я ждал так давно. Обговорить что-то, изменить возможности не было.

Что за бар? Точно не «Шти». Кто меня в это пафосное заведение пустит? Не прозрачное, нет, я пил сивушный мутняк в кабаке без вывески. И те шлюхи, что здесь промышляли, танцевать стриптиз не умели. От беспробудного пьянства они едва стояли на ногах.

Каркать — еще ладно, а вот забыть о растяжках — преступление. Штраф за халатное отношение Пельмень точно заслужил.

Землянка у Сидоровича будь здоров. Сам-то я в гостях ни разу не был — не приглашали, — но наслышан. Снаружи маскировка — вроде как предбанник сельского амбара, зато на глубине обстановка взрослая.

За ветхой с виду дверью, обитой гнилой дранкой, что-то шевельнулось. Я скорее почувствовал движение, чем услышал. И зачем было с Пельменем дружбу водить, если эти опилки я, не напрягаясь, плечом вынесу? Но когда дверь отворилась, я понял, что был не прав. Лист брони толщиной с ногу продырявил бы разве что выстрел из РПГ. А дранка — это так, для виду, чтоб залетные не польстились.

Что-то негромко щелкнуло, дверь зафиксировалась в открытом положении. Ослепленный вспышкой Маховик вскинул «калаш». Хорошо хоть сразу не открыл огонь, ведь это сам Пельмень пожаловали. У него, что называется, «во лбу звезда горит» — фонарик хороший, диодный. На голове крепится, у многих сталкеров такой есть. Неужто и Пельмень за хабаром ходит? Или ходил когда-то? Глядя на его щуплую фигуру, узкие глазки и артритные ручонки, в подвиги не шибко поверишь. А прозвище свое он получил из-за крупного носяры, мясистого нароста посреди костлявого лица.

— Сидорович? — шепнул я.

— Спит, — хихикнул Пельмень, и мне сразу захотелось двинуть ему в глаз, чтоб серьезней относился к делу. — Стаканчик принял — и без задних лап. Обмыл удачную сделку.

— Хабар?

— Закинули, а как же, все по плану. Вот он и обмыл, а я тут как тут.

Я кивнул. По плану — это хорошо.

Чтобы спуститься в подземелье, надо было пройти несколько метров по неосвещенному пространству. Мне это сразу не понравилось, поэтому я тактично пропустил даму вперед. Меня мама учила: женщинам место надо уступать. Ляля презрительно хмыкнула и шагнула во тьму. Впереди, под уходящим вниз потолком, тускло мерцали сороковатки сквозь запыленные плафоны.

— Позвольте, а почему так темно?... — возмутился Пельмень, оглядываясь вокруг, отчего свет его «звезды» заметался по стенам.

— Назад! — прошипел я, но было поздно.

На что наступила Лялька, какой невидимый луч пересекла, не знаю, но сигналка взревела сиреной гражданской обороны.

Оттолкнув Брынзу, прыгая через три ступеньки, я скатился в узкий коридор, ведущий к логову Сидоровича. И как раз успел увидеть, как со скрежетом захлопнулась массивная стальная дверь, из-за которой выскочил сам скупщик — рукава закатаны по локти, ствол наперевес. Да не просто ствол, а «бульдог». Глаза торгаш выпучил, губы под усами тряслись, и ругался он при этом — уши закладывало. Нельзя так громко в наших местах разговаривать, примета плохая.

Лялька с Маховиком меня вмиг догнали. И застыли на месте.

— Кто такие?! Стоять! Руки вверх! Подходи по одному! — принялся выкрикивать Сидорович речевку из старых, еще советских боевиков.

Со страху и не такое наговоришь. А вот гранатометом он зря пугал. Из «бульдога» в закрытом помещении долбить — чистейший суицид. Проще себе горло перерезать, и то больше шансов выжить. Всем известно, что шкуру свою Сидорович любит безмерно, почти как деньги, может, чуточку меньше. И рассудительности ему не занимать. И потому было ясно, что лысый пень точно стрелять не станет.

— Эй, Сидорович, не гневи судьбу, роняй свою игрушку. Только нежно, а то не дай бог... — Понимая, что это глупо, я отступил за широкую спину Маховика. Если Сидорович пальнет, и за десятком таких спин не спрячешься. — Ты ж схватил что под руку попало, верно? Хорошая вещица, нам в хозяйстве пригодится.

Мне нельзя рисковать. Я слишком близко подобрался к своей мечте.

— Это кто там гавкает?! — прищурился Сидорович, но «бульдог» не опустил. — Пошли вон отсюда!!!

Меня изрядно раздражал вой сирены, из-за которого сказанное угадывалось лишь по движению губ. Да и несговорчивость Сидоровича нервировала. Поэтому я просто шагнул из-за спины Маховика и всадил три пули в плечо торгаша. Покатились под ногами гильзы из старенького ПММ. Самая та машинка, когда долбишь почти в упор.

Барыгу опрокинуло на спину, гранатомет он уронил. Меня на мгновение окатило ледяной волной, почудилось, что он таки успел нажать на спуск. И... ничего не случилось.

«Обошлось», — с удивлением подумал я и прыгнул вперед, с ходу вбив мысок ботинка в ребра Сидоровича. Надо бы грохнуть его. Пулю в лоб — и все компромиссы. Но — чуть позже. Сначала, Макс, разберись с той партией хабара, что торгашу сгрузили накануне, а уже потом защищай мирное население.

— Ну ты, Край, попер, как трактор по бездорожью... — шевельнулись губы, намазюканные фиолетовой помадой. — Он же всех нас мог...

Пока я проверял карманы скупщика, Лялька стояла вся бледная, что вовсе не в ее стиле. Бой-баба. С такой и в гамаке комфортно, и кабана валить не страшно. Хорошая девчонка, вот только сердцу не прикажешь...

— Мог, да не смог, — отрезал я. — Чё стоим?! Я один дело делаю, а хабар поровну?

— Мы так не договаривались! — Пельмень вдруг схватил меня за рукав кожанки.

Вот уж кому рта лучше было не раскрывать. На месте этого недоноска я бы дышал через раз и молился Хозяевам Зоны.

Я взглянул на Маховика, тот кивнул в ответ, мол, занесу в протокол показания свидетеля.

По части протоколов он — профи. Третью ходку поймал по «мокрой» статье, и тут как раз отменили мораторий на смертную казнь. Оценив состояние экономики Украины как плачевное, Маховой Виталий Иванович проявил сознательность и избавил державу от расходов на казенные похороны. Проще говоря, спланировал и осуществил дерзкий побег: заложник плюс три трупа в форме ВВ. Кстати, заложник, кум колонии, тоже оказался не долгожителем...

Схватившись за расквашенный нос, Пельмень слушал лекцию об отхожих местах, где ему надлежит прописаться в кратчайшие сроки, а я искал чертов рубильник, который заткнул бы сигналку.

— Пельмень, не зли меня! Выруби это!!! — Я так рассвирепел, что готов был вскрыть предателю горло, если тот не выполнит мою просьбу.

Оттолкнув Витальку, Пельмень мазнул ладошкой по ближайшему выключателю в две клавиши. Я-то думал, это для лампочек Ильича, которые под потолком, но ошибся.

В наступившей тишине я услышал стук собственного сердца. Молотило оно о грудную клетку дай боже. Еще бы, от налета мое будущее зависело. Или пан, или пропал.

И опять мой взгляд уткнулся в запертую дверь. Толстенная сталь, еще круче, чем наверху. Взрывчаткой только и возьмешь. Или прямой наводкой. Или... Я поднял «бульдог»

и разочарованно хмыкнул: не заряжен. Ну, ничего, я на бонус и не рассчитывал, есть у меня ключик от любой двери. В тротиловом эквиваленте. Только бы заряд правильно рассчитать, чтобы схрон не завалило.

— Ах вы суки... ай суки... — подтекая алым, стонал на полу торгаш.

— Пельмень, калитку осилишь? — Я прищурился, уже зная ответ, но еще надеясь, что обойдется без шума и пыли.

Носатый испуганно мотнул головой, подозревая, что мне это не понравится. Он угадал. Я двинул его ногой в живот. Пельмень согнулся вдвое и умудрился выдавить из себя:

— Моя доля... я... доля-а-а...

— Где хабар спрятан?

Помощник Сидоровича быстро глянул на дверь и ничего не ответил. Мелкая, гадкая, мерзкая личность — раз. Не предупредил о растяжках, чем мог сорвать всё, — два. Открыв схрон, прохлопал сигналку — три. Не знает, как открыть вторую дверь, — четыре... Бесполезный кусок мяса. Я кивнул Маховику, и тот с радостью нажал на спуск. Короткая очередь вмиг лишила Пельменя порочного стремления разбогатеть, а заодно и жизни. И все бы хорошо, да только грохот Виталькиной «гадюки» заглушил другой выстрел, из-за которого все пошло наперекосяк.

До того момента еще можно было переломить расклад, как-то выкрутиться, но выстрел...

Я вдруг увидел, как побелела рожа Маховика. Он уронил ствол, чего с ним никогда не случалось. Зная, что голова его оценена за Периметром в небольшую, но приличную сумму, Маховик не расставался с «гадюкой» даже в бане. А тут — чуть ли не на пол швырнул.

Меня аж передернуло. В Зоне оружие потерять — что без рук ширинку расстегивать, когда совсем неумоготу. То есть результат плачевный обеспечен.

Но я Маховика не виню. Он увидел, как сползает по стене наша биатлонистка. Из рта Ляльки протянулась аккуратная струйка, марая камуфляж бурым. Пуля попала ей в грудь, пробила легкое и, если сердце не зацепила, то очень рядом шмыгнула. Брынза презирала броню, а зря. Вот так на одного снайпера в моей команде стало меньше.

Присев, я кувыркнулся к ступенькам. Над головой грохнуло, свистнуло и высекло из стены пыльный фонтанчик штукатурки. Это, приподнявшись на локте, стрелял раненый Сидорович. Паршиво, значит, я его обыскал. И потому именно я виноват, что шесть граммов стального сердечника в оболочке ударили Маховика в затылок. Он как раз обнял Лялю, доживавшую последние секунды.

Я всегда виноват... Я был виноват, когда загремел в доблестные вооруженные силы и попал в часть, которую правительство решило отправить к черту на кулички с благородной миротворческой миссией. Но больше всего я провинился, вернувшись домой: буквально на второй день своей новой жизни я заступился за девчонку из соседнего подъезда, которую мутузили почем зря три здоровенных жлоба. Был солнечный день, по улице, отвернувшись, вышагивали толпы прохожих, и только мне показалось, что бить ногами упавшего человека — к тому же женского полу — как-то нехорошо. Пару недель спустя, выслушав прокурора, я понял, что вообще напрасно родился, что мне не место среди нормальных людей. На суд девчонка из соседнего подъезда не явилась, показаний не дала. Адвокат мой разве что не зевал. Я пытался защищаться, но... Кому, скажите, больше доверия: мне, чуть выше среднего роста наглецу с колючим взглядом и руками в татуировках и шрамах по числу зачищенных от повстанцев деревень, или приличному молодому человеку в стильном костюме, юристу по образованию и помощнику депутата городского совета?... Да, я забыл сказать: двое жлобов померли, не доехав до больницы. От острого приступа совести, наверное...

Две пули — два трупа, это на уровне рефлексов. Кем был в прошлом Сидорович, я не знаю, но мыслишки появились. За экономию боеприпасов палачей премируют. Как бы то ни было, но разглядеть пистолет в руке Сидоровича я смог в подробностях — «Макаров». Макса Края удивить практически невозможно, но тут я удивился конкретно. При достатке

торгаша надо палить из «пустынного орла» по консервным банкам. Каждый день. Утром и вечером. Значит, мы оба поддерживаем отечественного производителя.

Следующий заряд предназначался мне. Замешкайся я хоть на миг, и пуля проткнула бы мне лоб. Надо отдать должное Сидоровичу, он разил метко, да только и я не так уж прост. Жизнь научила уходить со смертельной траектории до того, как мои извилины на стенах и на полу станут поводом для генеральной уборки.

Я патронов не экономил. В магазине их оставалось девять штук, а значит, еще трех для торговаша не жалко. Там, где меня учили стрелять, вместо мишеней были люди, которым надоело подыхать от СПИДа, бесплатно вламывая на плантациях местного царька.

Что-то такое появилось в глазах торговаша, когда я выдернул из его скрюченных пальцев оружие. Такой же взгляд был у бананового диктатора, когда мы бежали по взлетной полосе, догоняя последний «тюльпан», а обезумевшая от ненависти толпа ломала ограждение аэропорта. Хозяину жизни не нашлось места у нас на борту, и он очень удивился. Сидорович тоже удивился, пялясь на меня, живого и невредимого.

Я обратил внимание, что у него аккуратно обрезанные, полированные ногти. И это почему-то меня разозлило. Два трупа — раз плюнуть, а корчит из себя чистюлю! Каблук моего ботинка раздробил ухоженные пальчики. Теперь у него куда меньше шансов выстрелить мне в спину. Разве что он умеет держать оружие ногами.

Торгаш взревел, как недорезанный вебрь, и поклялся выгрызть мне печень. Улыбаясь, я терпеливо ждал, когда он сообразит, что с каждой секундой в его теле остается все меньше крови и тратить силы на крики — глупо. Он попытается договориться — это точно. Я даже не буду ему угрожать. Пусть сам предложит, пусть принесет мне хабар на хрустальном блюде с не важно какой каемкой.

Весь мир подчиняется лишь одному закону: сожри ближнего своего. И я в этом смысле самый законопослушный гражданин.

— Что тебе надо? — Лицо Сидоровича блестело от пота.

Прямо сейчас он мог отключиться. Или сдохнуть. Но я заставил себя не думать об этом.

— Код замка?

— Да ты ж меня все равно убьешь! — Сидорович, похоже, наивно верил, что безвыходных ситуаций не бывает, надеялся, что еще не все потеряно. Вступив в переговоры, он решил выиграть немного времени.

Оптимизм — это врожденная глупость? Или анестезия?

— Не убью, — соврал я. — Зоной клянусь.

Кривясь от боли, охая и скрипя зубами, он назвал мне цифры кода и подробно объяснил, где расположены ловушки и как их обойти. Его откровенность едва не вызвала у меня слезы умиления. Честность — качество благородное. Стоило вырвать чеку и сунуть гранату под спину Сидоровичу так, чтобы любая попытка пошевелиться гарантировала смерть, — и сразу он стал человеком общительным и откровенным.

Всё-таки я умею ладить с людьми, находя светлое в самых отъявленных негодях.

Ноутбук и тусклая лампа на громадном столе, тройной сейф в углу и стены, наполовину облицованные болотного цвета плиткой. Обстановка не то чтобы спартанская, но предельно рабочая. Ничего лишнего.

Я осторожно шагнул в комнату. До сейфа, в котором спрятан хабар — мой пропуск в рай, оставалось метра три, когда я вдруг почувствовал, что дело пахнет керосином. Ощущение было настолько сильное, что я не раздумывая вернулся к двери и, прижав палец к губам, показал Сидоровичу, что в его интересах хранить молчание. Выставив пистолет перед собой, я начал медленно — и главное, бесшумно! — подниматься по лестнице. Когда до выхода из схрона оставалось всего ничего, я пригнулся и, надвинув на глаза окуляры ПНВ, быстро выглянул наружу.

То, что я увидел, мне не понравилось. Да так, что хоть плачь. К схрону короткими перебежками двигались вооруженные люди в военной форме. Один, два, три... пять... я насчитал десять человек. Первой мыслью было кинуться вниз, подобрать «гадюку» и снайперку, потом сразу назад — и принять бой. Я никому не позволю помешать мне, когда

до мечты остался лишь крохотный шаг. Почти год я отслеживал трафик артефактов, я покупал сведения и пытал несговорчивых, я разобрался в системе поставок и вычленил нужного мне торговца. Я проделал колоссальную работу. И все это крысе под хвост?!...

Пальцы дрожали, глаза затянуло багровой пеленой, но я усилием воли заставил себя успокоиться. Сорваться с нарезки сейчас — непозволительная роскошь. У меня всего одна жизнь, это не игра, заново уровень не пройдешь.

Жаль, но похоже, не только тебе, Макс Край, пришла в голову идея этой ночью завладеть хабаром Сидоровича.

Прозвучала отрывистая команда. Бойцы, подчинившись приказу, встали в полный рост и двинули к схрону. Видать, их командир решил, что дальше группе ничего не угрожает. Скорее всего, он уже был здесь и тогда рядом с подземельем Сидоровича аномалиями и не пахло. Распространенная ошибка и верный признак новичка — запоминать безопасные маршруты.

Мысленно прикинув, смогу ли завалить всех вояк, я чуть не взвыл от бессилия: шансов не было. То есть вообще.

Однако поднимать руки и сдаваться я не спешил — еще успею. Затаившись у наружной двери, я смотрел, как люди в камуфляже бодро шагают по «ржавым волосам», как один из них наступил в «холодец», а второму осталась всего пара шагов до растяжек...

Тихо сплунув, я безошибочно определил командира отряда и поймал в прицел его мордашку.

Глава 2. Чудеса В Зоне

Чудес не бывает даже в Зоне. Если стоишь у кирпичной стены под дулами автоматов, знай: смерть достала тебя.

Что ж, я долго избегал свиданий с этой дамой. Она пряталась в телах мутантов, надевала военную форму и гнала сталкеров по болотам вслед за моим отрядом. Смерть долбила очередями из подвалов и заманивала в ловушки аномалий. Но лишь здесь, за Периметром, на одной из действующих военных баз, она назначила мне встречу, и я не смог ей отказать.

Зато теперь я имею право посмотреть на перекошенные лица своих убийц. И по сторонам — напоследок.

Хорошо вокруг! Весна накинула на деревья маскхалаты листвы, небо ясное-ясное, словно личико младенца. В такой день даже умирать приятно. Вот только тело мое не похоронят с почестями: не будет оркестра и венков с лентами, и безутешная вдова не прольет ни слезинки из прекрасных глаз. Ничего этого не будет. Меня швырнут в овраг за бетонным забором, а как стемнеет, часовые на вышках со скуки пальнут разок-другой в слепых псов, грызущихся из-за падали.

Но это будет потом. А сейчас автоматчики нервно перетаптываются, нацелив оружие мне в живот.

Рожу одного, широкоплечего, я видел впервые, а второго, доходягу, звали Васькой Гримовым. Этому мелкому гаду я как-то набил морду в одном баре за Периметром. Будучи в самоволке, Васька забрел туда пьяный в дым. Кто бы мог подумать, что наши дорожки вновь пересекутся, да еще вот так?

Теперь-то, щербато ухмыляясь, он глядел на меня поверх прицела. Он мог безнаказанно расквитаться со мной за два выбитых зуба и был этому несказанно рад.

Толстый молодой сержант в отглаженном камуфляже, подслеповато щурясь, читал с бумажки в полиэтиленовом файле:

— ...также Максим Краевой по кличке Край признан виновным в смерти трех солдат регулярной украинской армии во время планового рейда антитеррористического подразделения «Зевс» в ночь с шестнадцатого на семнадцатое апреля возле укрепрайона Лыбидь...

Ах ты крыса штабная! Стрелочки наутюжены, ботинки начищены. Сразу видно, что в грязи не валялся, пороха не нюхал. «Укрепрайон Лыбидь» — ну что за бред?! Вояки так называли хутор в одну улицу, в конце которой располагался притон, известный на всю округу. Отряд мой остановился там, чтобы скоротать время до рассвета. А ночью заведение атаковала спецбригада из пятнадцати разведчиков-убийц. Была настоящая бойня, и я... Да что уж теперь-то вспоминать?

Сержант закончил обвинительную речь. Спрятал бумагу в папку, потер слезящиеся глаза и кивнул автоматчикам. Те только того и ждали — приникли к оружию.

Я стоял спиной к стене, и кладка позади меня была исклевана выбоинами от пуль. Вояки с базы устроили здесь лобное место. Их командира я давненько знаю: который год Григорий Кажан точит на меня зуб, и вот пан майор дождался своего часа. Неисповедимы пути Хозяев Зоны — как все совпало: мои планы и замыслы Кажана, которого я буду вспоминать «нэзлым тыхим», пока жив, то есть минуту максимум.

Словно опасаясь, что его обрызгает, сержант брезгливо отвернулся и поднял руку. А я не моргая глядел на этих шутов в форме. Видеть жизнь как можно дольше, до последнего мгновения — единственно верно. Глаза закрывают только трусы и глупцы. «Сейчас рука опустится, — подумал я, — и конец Максиму Краевому».

И рука опустилась, и пальцы легли на спусковые крючки.

* * *

— Стоять!!! — Хриплый, прокуренный голос властно гаркнул на всю базу — миномет тише бахает по площадям.

Уверен, последняя крыса под плинтусом вздрогнула и обделалась от страха. Что уж говорить о людях, особенно таких сырых и убогих, что признают Кажана командиром? Незнакомый мне автоматчик отреагировал верно: ствол поднял, вытянулся по стойке смирно, хоть такой команды и не было. Правильный воин желания начальства предугадывает. Зато Васька открыл огонь.

Умирать сегодня, даже с поправкой на отличную погоду, я не собирался. Еще до того, как я услышал крик, мои ноги подломились в коленях, я резко присел, и пули из Васькиного ствола ударили в стену над моей головой. Замешкайся я хоть на миг, валялся бы уже с ранениями, несовместимыми с жизнью.

Кирпичным крошечком сыпануло на голову, я прищурился, чтобы не запорошило глаза. Тут бы и сказочке конец, ведь голос с хрипотцой дал понять, что Максу Краю рановато на тот свет, но Гримов не понимал с первого раза. Он машинально повел стволом вслед за ускользящей целью — длинная очередь впилась в пустоту, где только что располагалось мое тело.

Падая на бок, я вдруг понял, что на следующий финт меня не хватит. Я сработал на опережение, но резерва в долю секунды больше не было. И слыша нарастающий грохот, я...

— Прекрати, твою мать!!!

В поле зрения возникла долговязая фигура лейтенанта Бондарева. Вот уж кому в баскетбол надо играть, закладывая мячи в кольцо одной левой. Подтверждая это, Бондарев прыгнул к Гримову, в полете широко размахнувшись. Ох и смачно лейтенант засхал Ваське кулаком в ухо! Оружие замолчало, последняя пуля вспорола ткань рубахи на моем плече. Я выругался. Васька опрокинулся навзничь и выронил автомат.

— Ур-род! Сгною!!! — заорал лейтенант.

Отшатнувшись, толстый сержант выставил перед собой папку, будто она могла защитить его не только от гнева Бондарева, но и от ядерного взрыва.

С лейтенантом я уже пересекался и потому отлично знал о его крутом нраве. Несмотря на нескладную фигуру с длинными руками и ногами, мужик он сильный, точно матерый кровосос.

Лейтенант без замаха пнул Ваську в бок. А если учесть, что у Бондарева особые ботинки, сшитые на заказ, не завидую я Гримову. У обувки той, как у сталеварской, передняя часть металлическая, покрашенная в черное.

Солдат, только встав на колени, опять опрокинулся на лопатки, скривился от боли и всхлипнул. Пару-тройку ребер Бондарев ему точно сломал.

— Замочил бы Края — я б тебя самого к стенке! — взъярился Бондарев, будто в самом деле переживал за мою судьбу. — Оглох, Гримов?! Три наряда для проверки слуха! Толчки драить! Потом — боевое дежурство в Зоне, ночное! С двумя рожками и штык-ножом!

— Так точно! — Слегка пошатываясь, Васька вытянулся по стойке смирно рядом с широкоплечим сослуживцем.

— А что тут у нас?... — Бондарев склонился надо мной и, увидев кровь на рубаше, вновь выверился на Гримова: — Да ты зацепил его, сволочь!

Пуля лишь расцарапала мне плечо, но кому интересны подробности? Пока у доблестного лейтенанта «хорошее» настроение, надо пользоваться моментом. Когда еще повезет чужими руками — и ногами! — отомстить человеку, который только что чуть не отправил меня к праотцам? И вообще, переломы — самое то для поддержания дисциплины во вверенном подразделении.

Но на этот раз Бондарев лишь показал кулак нерадивому Ваське. Лейтенант торопился, иначе экзекуция была бы полноценной.

— Слушай мою команду! — Он повернулся к сержанту, разжиревшему на ворованной тушенке. — С пленного наручники снять, плечо перевязать, морду отмыть. И к командиру — срочно! Пять минут на все. Вопросы?

— Никак нет! — проблеял сержант. Взглянув на мое приветливое лицо, порубанное шрамами и обожженное радиацией, он побледнел так, словно ему приказали искупаться в соляной кислоте.

— Выполнять! — Бондарев зашагал прочь, широко размахивая руками.

Щелкнул замок наручников. Освободившись от оков, я выставил перед собой правую руку и направил в спину лейтенанта указательный палец. После чего, прищурившись, сказал:

— Бах! — И подмигнул сержанту, мол, все ты правильно понял: следующий — ты.

Сержант побледнел еще больше и уронил свою драгоценную папку.

* * *

Ночь. Схрон Сидоровича. Навожу ствол на командира диверсионной группы. Его я сразу вычислил по манере держаться... Это я вижу отчетливо, а вот дальше — темнота беспросветная.

Нажал я на спуск или нет? Не могу знать, все как в тумане, не получается восстановить последовательность событий. От умственных упражнений только голова сильнее разболелась. Судя по шишке на затылке, кто-то от души саданул меня в череп. Сзади атаковали? Или измывались над бессознательным телом?

Я представил, как раненый Сидорович поднялся, схватил раздробленными пальцами что-то тяжелое — «бульдог», к примеру, — и бесшумно подкрался ко мне по лестнице. Ну-ну. Для полноты картины ему оставалось только демонически расхохотаться...

Как говаривал мой взводный: «Что уж после боя карточки огня рисовать?» В общем, очнулся я в побеленной комнатухе, под высоким потолком которой на проволоке висела одинокая, но яркая лампочка. Ни окон, ни топчана с тюфяком, только узкая деревянная лавка, за ножки прихваченная ржавой цепью к стене. Высидеть на той лавке хотя бы десять минут не получалось — ломило спину, затекали ноги. Чтоб такую мебель мастерить, большой опыт нужен. Это вам не кожаными диванами люксы обставлять.

Сколько времени прошло с момента пленения, я не знал. Но вряд ли много. Если человек теряет сознание больше чем на пятнадцать минут, то дело его дрянь. В моем же случае явно не обошлось без внутривенной дозы снотворного. Ну да это меня не волновало вовсе. Куда интересней было узнать, почему меня не шлепнули на месте. Наверное, просто

спутали с кем-то нужным. К примеру, с помощником Сидоровича — не удивлюсь, если он предал своего хозяина дважды...

Скрипнув, распахнулась обитая жестью дверь. «А вот теперь, — подумал я, — разобравшись что и почему, меня шлепнут без суда и следствия».

— Руки за спину. Лицом к стене, — скомандовал дюжий детина с неуставными казацкими усами.

Второй воин, чуть ниже ростом, с АК на плече, маячил в коридоре. Молодое его лицо портила готовность в любой момент открыть огонь, предотвратив побег особо опасного преступника. Меня то есть.

Сразу видно: конвоиры — профи. Оценив свои шансы на свободу как унижительно близкие к нулю, я прикусил губу.

— Закурить есть? — спросил я, хоть и не жалую эту вредную привычку.

У Периметра что военные, что милиция мало отличаются друг от друга: и те и другие вооружены, сыты, одеты по форме и всегда стреляют на поражение. Причем ооновский контингент буквально за месяц службы становится неотличимым от украинских или российских коммандос, за кэмэ благоухая самогоном, сигаретами без фильтра и многодневным потом. Что охотник на бабуинов, что хохол с великороссом — в Зоне все люди становятся братьями. До первого залпа в спину.

— Нэ палю и тоби нэ советую.

Крепкие руки прижали меня грудью к стене, наручники впились в запястья, во рту стало тесно от кляпа. Накинув на голову мешок и хорошенько двинув по почкам, меня куда-то потащили.

Пружиной притянутая к косяку дверь хлопнула позади. Десятка через два шагов конвоиры остановились, и я тут же обвис у них на руках — чтоб жизнь малиной не казалась. Даже вопреки смраду грязного мешка я почувствовал запах весны. Сквозь дыры в камуфляжных штанах легкий ветерок охлаждал ноги.

— Наш клиент? — Новый, невидимый мне персонаж с неделю уже не просыхал. Его появление полностью вытеснило весну.

— Ага. Ваш.

Внезапно меня отпустили, и я рухнул на асфальт, больно ударившись коленом. Жаль, из-за кляпа я не мог поведать доблестным конвоирам историю их сомнительной наследственности. Макса Края передали палачам для исполнения приговора.

Те куда-то меня повели, и каждый последующий шаг мне давался в разы тяжелее предыдущего. А когда процессия остановилась, я замычал и дернулся.

— Последнее слово? — Голос показался мне знакомым. — А ну-ка, пусть погавкает. Заодно припомнит свои грешки!

С меня сорвали мешок, изо рта вытащили кляп.

— Ну на, жмурик, любуйся.

...Что было дальше, вы знаете. Спасибо лейтенанту Бондареву, пока что я жив.

* * *

— Данько, Гримов, пленного в спортзал, в душевую! И стволов с него не спускать! — скомандовал пышнотелый сержант.

В спортзал так в спортзал. Я шел, куда толкали, и любовался пейзажами.

В небе над базой стрекотали патрульные вертолеты, издали фиксируя аномальную, биологическую и прочую активность и по возможности тут же ее подавляя. Громадные бронированные ворота у КПП прикрывали два Т-90, еще парочка стояла у штаба, и один — у склада ГСМ, который издали можно было узнать по пустым бочкам из-под масла, выставленным наружу. Вертолетную площадку прикрывала «шилка» с зенитными автоматами калибра двадцать три. Агрегат старенький, но надежный, как и вся техника у Периметра: на полутора километрах в поднебесье вороне хвост побреет. Строй срочников,

отупевших от муштры и издевательств «дедов», выдвинулся на плац, чтобы приступить к обязательной дрессировке — равняйся, смирно, шагом марш.

Как же я далек от всей этой суеты! Улыбаясь, я наблюдал за размеренной жизнью базы. А ведь было время, когда и сам я тянул носок, ненавидя взводного и мечтая пристрелить его в первом же бою...

— Но-но! Даже не думай! — Сержант по-своему истолковал выражение моего лица. — Вокруг базы минные поля. И забор у нас высокий, и вышки с пулеметами. Даже не думай!

Однако, он прав. Майор Кажан, что тот барон, оборудовал свой замок так, что длительная осада ему не страшна. Запасов пищи-воды хватит, чтоб пол-Китая прокормить, а боеприпасов — на год стрелять.

— Думать вредно. Мысли пачкают мозги! — сообщил я сержанту мудрость, вычитанную в какой-то фантастической книжечке.

Для солдатского досуга в пристройке у казармы была организована тренажерка. Не иначе коллеги из НАТО расстарались. На оружие денег жалко, а штанги и гантели — пожалуйста. Бодибилдинг — залог демократии. Главное, при зале имелась душевая комната, для солдат, конечно, недоступная. Ведь воин должен плескаться в бане, для этого даже специальный день назначен.

Чтобы смыть с себя грязь, пяти минут оказалось мало. Да и не рвался я на свидание с майором Кажаном. Будь он блондинкой с талией и ногами от затылка — еще ладно, а так...

Сержант нервничал, я не обращал внимания. Приказывали ему, не мне.

— Побриться бы... — Слово призрак Зоны, я вынырнул из клубов пара, испугав конвоиров до заикания.

— П-па-атом... — У толстяка сегодня не день, а сплошной стресс. — Майор ждет. Нельзя опаздывать.

А ведь Макса Края действительно можно испугаться. Жизнь любит делать на моей коже зарубки, как плохой снайпер — уродовать приклад винтовки.

Щетина кололась, но я не настаивал на бритье. Потом так потом. Я зачем-то нужен майору. И не просто нужен, но очень нужен. А раз так, могу позволить себе чуточку расслабиться.

— Пивка бы!... Холодненького, жигулевского!... Сгоняешь, а? — Примеряя к разгоряченному телу свою рванину, я будто с разбегу нырнул в нечистоты.

— Что-о-о?! — округлил глаза сержант.

— Забудь, — отмахнулся я. — Шутка.

Перед тем как натянуть тельняшку с обрезанными рукавами, я взглянул на свое отражение в большом, во всю стену зеркале. И сравнил с портретами забугорских качков, наклеенными на стене. Что ж, мои бицепсы в разы меньше, да и ростом я не дотягиваю до суперменских стандартов. Но на плече моем набит скорпион под парашютом, а не бессмысленный орнамент с китайскими иероглифами. Я безразличен к стероидам, зато, если надо, отобедаю кузнечиками и ящерицами. И пару суток без перерыва я могу тянуть на горбу мешок с хабаром, а на сколько минут в Зоне хватит этих намазанных маслом молодчиков?...

Хмыкнув, я позволил вывести себя из тренажерки.

Эх, напрасно я так спешил. Надо было еще пару минут поплескаться да поглазеть на свою рожу. Глядишь, и не угодил бы под клыки разъяренного кабана-мутанта.

* * *

Зверь был гораздо крупнее своих сородичей — в холке мне по темечко, а то и выше. Рыча и повизгивая от возбуждения, он мчал прямо на меня и моих сопровождающих. И лучше бы не стоять у него на пути.

В первый момент я подумал, что меня слишком сильно ударили по затылку. Откуда, скажите, за Периметром, в месте, со всех сторон огороженном, взяться припять-кабану?! Неужто зверь прорыл подкоп, чтобы записаться добровольцем и маршировать по плацу? Удивительно, но я оказался недалеко от истины — что касается плаца.

Ни широкоплечий Данько, ни Васька, ни сержант отреагировать на появление кабана не успели. Даже оружие не направили на атакующего монстра — из-за чего я еще раз усомнился в своем психическом здоровье: а вдруг и правда галлюцинация?

Но на всякий случай я отбежал обратно к двери пристройки и громко хлопнул в ладоши, отвлекая клыкастое чудовище на себя. Кабан резко изменил направление движения. Его бесцветно-мутные глаза устали на новую цель — на меня. Лысая голова зверя была сплошь покрыта коричневыми пятнами, какие появляются на руках стариков, только в разы крупнее. Но даже глубокие морщины на рыле не могли обмануть меня, я точно знал, что зверь молод — двигался он быстро и не выказывал утомления.

Когда между мной и кабаном оставались считанные метры, я подпрыгнул и вцепился в раму козырька, подвешенного над входом в пристройку. Подняв ноги так, чтобы коленями коснуться лица, я вдруг с ужасом понял, что конструкция, которой я доверил жизнь, закреплена на стене абы как. Стальные уголки посажены на обычные шурупы, а не как положено — на анкера; к весу самой рамы и листов жести добавились еще и мои неполные семьдесят килограммов. В итоге козырек со скрипом поплыл.

...падаю, кабан накалывает меня на клыки, топчет мою грудь острыми копытами...

Картинка мелькнула перед глазами и сгинула. Мне повезло — кабан оказался быстрее. По инерции его грузная туша с грохотом воткнулась в дверь. Удар был таким сильным, что ДСП треснула, пропуская монстра внутрь помещения. Кабан исчез в проеме.

Я разжал пальцы, встал на ноги и тут же отпрыгнул в сторону. Позади с грохотом упал козырек. Ничего, потом сделают как надо. А то зимой насыпало бы снега и все это сооружение по-любому свалилось бы кому-нибудь на голову.

В тренажерке грохотало и звенело — это кабан метался по помещению, сбивая со стоек штанги и круша зеркала.

— Чего стоим?! — рявкнул я конвоирам, которые удивились встрече с мутантом ничуть не меньше, чем я. — Стволы на дверь, только появится — огонь!

Автоматы тут же вскинулись, сержант сильнее вцепился в свою папку. В принципе залп из двух АК должен если не завалить кабана, то изрядно испортить ему жизнь. Или хотя бы настроение.

— По глазам бейте!

Не было времени объяснять, что череп у монстра крепкий, а мозг крохотный, попасть в ЦНС достаточно тяжело, а вот ослепить мутанта необходимо. Кабан не собака, ему никак без органов зрения.

На лицах воинов отразилась готовность нещадно уничтожать всю мутагенную фауну, какая только есть и будет. Вот-вот кабан выскочит из дверного проема, подставится под пули, и...

Жаль, но такого удовольствия моим конвоирам зверь не доставил. Он решил уйти по-английски — не прощаясь, то есть через окно. Кабан просто вышиб собой стекло и, встав на четыре копыта, очень похожих на когти, рванул к плацу. Еще не успели осколки рухнуть на асфальт, а зверь уже преодолел половину расстояния до марширующих новобранцев. По пути он снес две урны и поднял на клыки бойца, подметавшего территорию «отсюда и до обеда». Еще не сознавая, что тяжело ранен, воин взвился в воздух вместе с крепко сжатой в руках метлой. Упал он на живот и больше не шевелился.

Передняя часть у зверя лысая, отметил я, зато тыл порос длинной клочковатой шерстью. И хвост у мутанта, в отличие от его нормальных предков, вовсе не короткий, а типа коровьего, с кисточкой на конце, но при этом еще и чешуйчатый.

Здрав голову к голубому весеннему небу, монстр зарычал, четыре его разновеликих уха встопорщились. Разогнавшись, он врезался в строй шагавших по плацу солдат, в секунду прорубив в людской массе проход и смешав стройные ряды.

Я видел, как асфальт забрызгало алым. Мои конвоиры опешили, они ничего не могли поделать. Стрелять по кабану в толпе молодых? Не факт, что завалишь зверя, зато в сослуживцев попадешь точно.

Иначе решил караульный на вышке. Заметив неладное, этот идиот начал долбить по плацу из пулемета — пули выворачивали куски асфальта. Первой же очередью зацепило двух солдат — ноги в ошметки. В общем, начался бедлам. Кто-то, крича, метался по площадке, кто-то упал и обхватил голову руками, надеясь так себя защитить...

Уходя из-под обстрела, кабан метнулся к кирпичному забору — к тому самому, где меня едва не расстреляли. Хитер мутант: сообразил уйти в мертвую для пулемета зону. Но это не смутило караульного — он продолжал выдавать очередь за очередью, усиливая панику и разрушения.

Внезапно пулемет смолк. Наверное, заклинило ленту. Повезло солдатам на плацу, у них появился шанс выжить.

Мутант вдоль забора добежал до склада ГСМ, где принялся расшвыривать по сторонам пустые бочки из-под масла. Безобразничал он с такой яростью, будто бочки его смертельно обидели. Жесть грохотала по асфальту, мутант рычал и бил копытами. Я все ждал, что объявят боевую тревогу, откроют оружейку и выдадут бойцам автоматы. Но этого не случилось. Впору было подумать, что зверь оказался на базе неслучайно.

Расшвыряв бочки, кабан проворно вскочил на танк, что стоял у склада. Протоптавшись по шлемофону механика-водителя, который высунул голову на шум, кабан принялся чесать свою уродливую башку о ствол пушки. Похоже, зверю понравилось то, как его копыта касались брони. Мутант устроил самые настоящие песни и пляски. Он мелко семенил по танку, запрокидывал к облакам распахнутую пасть, щелкал клыками, испачканными кровью, и при этом рычал и повизгивал.

Из склада выскочили пятеро рабочих в промасленных комбинезонах. Один на ходу вытирал ладони о ветошь, остальные вооружились ломami, разводными ключами и баграми. В общем, кому что под руку попало. Мужики так и замерли, разинув рты.

Кабан же перебрался на башню, оттуда соскочил на крышу силового отделения и, оттолкнувшись всеми лапами, взвился в воздух. Я никогда не видел, чтобы припять-кабаны прыгали, я не знаю, типично ли для них такое поведение, но зверь пролетел метров пять, развернувшись вокруг своей оси, и точно встал на копыта. Механики и размахнуться не успели, а кабан уже оказался рядом. Да и что можно сделать с ломом, выйдя против кабана-мутанта?... Матери и жены получают похороны: их мужчины погибли смертью храбрых, ликвидируя последствия второго взрыва на ЧАЭС.

— Куда смотрите?! — услышал я голос сержанта. — С пленного стволов не спускать!!!

Взревел движок, повернулись гусеницы — танкист направил боевую машину на мутанта. Я был уверен, что у парня проломлен череп, но даже если и так, он нашел в себе силы на то, чтобы раскатать зверя по асфальту. Жаль, кабан легко увернулся от танка и, раззадоренный легкой кровью, вновь ринулся к пристройке — как говорится, по кратчайшему расстоянию с перебросочной скоростью.

Мутант приближался, а мои конвоиры вместо того, чтоб открыть прицельный огонь на поражение, раззявили рты, наведя оружие на меня, как и велел им сержант. Чем не повод для гордости: Макс Край опаснее разъяренного чудовища!

Сержант стоял чуть впереди меня. Его и кабана-переростка разделяли метров десять, не больше, когда я понял, что помощи ждать неоткуда. Я вырвал автомат из ослабевших рук Гримова и вскинул к плечу, но нажать на спуск не успел.

Общая суматоха и рев танкового двигателя заглушили грохот выстрела. Откуда стреляли, кто — я не заметил. Но из черепа кабана вырвало кусок. На мгновение в воздухе повисло яркое облачко брызг. Зверь по инерции пробежал еще чуть-чуть, его передние лапы подогнулись, он ткнулся мордой в асфальт и в агонии засучил копытами.

На всякий случай я выпустил в кабана полный рожок. Лишние три десятка пуль еще ни одному мутанту не помешали. Тот, кто остановил монстра, — настоящий снайпер, но я не раз видал зверье, которое никак не могло выжить от полученных ран, но вставало, ползло и клало клыками. Если не надо беречь боеприпасы, лучше перебдеть. Оружейные склады у Периметра бездонны, а я нынче не в Зоне, где каждый патрон на счету.

Автомат замолчал, я извлек опустевший рожок, к которому изоляцией был примотан второй, полный. Так удобней перезаряжать — быстрее.

На миг в голове мелькнула шальная мысль: прорваться с боем? Но я тут же подавил в себе безумный порыв. Танки, забор, винтокрылые машины и пулеметы на вышках... Предположим, я перебью весь гарнизон, человек эдак триста. А как я пересеку минное поле? Минное поле на пути — это всегда плохая примета. Я же бандит, а не камикадзе. Моя задача — выжить, а не героически погибнуть. Выжить и при этом извлечь максимальную выгоду. В конце концов, у меня есть планы, и армия не платит за простой.

— Держи! — Я швырнул Гримову автомат.

И вдруг почувствовал: я был на прицеле, а как только расстался с оружием, опасность миновала. Неприятное ощущение. Надеюсь, тот, кто любовался мною в оптику, остался доволен небритой рожей Макса Края.

Поймав свой АК, Васька ойкнул, ведь ему пришлось протянуть руку, а ребра так быстро не срастаются. На парне совсем лица нет, вот-вот хлопнется в обморок.

Я покачал головой:

— Эй, сержант, отправил бы Ваську в санчасть. Он хоть и сволочь, а всё-таки жалко, если очухнется, молодой еще.

Толстяк сделал вид, что не услышал. Я пожал плечами: мол, дело ваше, я хотел как лучше. Мимо нас прошелестели три смазливые девчонки в белых халатах. На миг мне захотелось оказаться на плацу и быть немножко раненым.

— А зверушка откуда взялась? На территории?

Сержант вновь проигнорировал мой вопрос, но непроизвольно повернул голову к штабу, трехэтажному кирпичному зданию, до которого было метров сто.

Проследив за взглядом военного, я увидел на крыльце человека в камуфляже. Высокий, хорошо сложенный, в натовской конфедератке, будто приросшей к черепу, он показался мне слишком чужим для местного пейзажа. В руке он держал не какой-нибудь «Винторез» или однозарядку, похожую на противотанковое ружье времен Великой Отечественной, но классическую СВД. Едва заметно кивнув мне, стрелок скрылся за дверью штаба.

Тушу кабана уложили на носилки и унесли, а мне велели меньше вертеть головой и быстрее топать. Проходя мимо склада ГСМ, я заметил здоровенную дыру в рабице. Сетка прикрывала с трех сторон площадку, примыкающую к стене склада. Судя по зловонию и громадному тазу с объедками, именно здесь секачу устроили временную прописку. М-да, странно, что он вырвался на волю только сейчас, при такой-то ограде.

А потом я услышал надрывный лай, который ни с чем не спутаю. Очень плохо, что среди соляры и бензина содержат животных. И особенно если эти животные — слепые собаки Зоны. Исключительно из гуманных соображений мутантов надо уничтожать, пока они маленькие и похожи на обычных щенков. Гниющих заживо сук и кобелей тоже рекомендуется валить направо и налево, без разбору и наплевав на общечеловеческие ценности.

— Собаки-то вам зачем? — спросил я и, конечно, не дождался ответа.

Минимум три группы сталкеров и редкие одиночки вроде Лесника промышляют отловом мутантов. Это очень выгодный бизнес, если знаешь, кому сбывать товар. Принеси я крысу или тушкана в зоомагазин Чернобыля-4, меня тут же сдали бы ментам или пристрелили, как бешеного псевдопса. Ходить в Зону за артефактами — это одно, а тащить оттуда всякую дрянь — другое.

Военные ловят монстров? Отстреливать, нещадно выжигать лежбища и норы — это их работа, а вот живьем брать... Кому-то из ученых понадобились экземпляры для вивисекции? Может быть. Но на базе я пока не повстречал ни одного яйцеголового. Что-то здесь нечисто. Кажан затеял очередную аферу?...

Устроили зоопарк, блин. Логично предположить, что кто-то наблюдает за поведением зверья. Но если этот кто-то не научник, зачем ему это надо?...

У меня был только один ответ на эти вопросы. В вотчине Кажана гостит человек (или группа людей), которому заблаговременно, до выхода в Зону, надо познакомиться с

особенностями поведения мутагенной фауны. Но кабан случайно вырвался из клетки, и его пришлось пристрелить из снайперской винтовки Драгунова.

Перед глазами встала картинка: плац, тела, лужи крови... Я покачал головой: все у нас через тыл. Могли ведь сетку двойную сделать, а еще лучше тройную? Да, могли, но не сделали! Кто-то схалтурил, а в результате пострадали люди...

Наверное, я чересчур расслабился, думать вредно. Стоило отвлечься, шагая по коридору, застеленному ковровой дорожкой, как мне сразу же двинули прикладом в затылок. Ну, Гримов, вот сволочь!...

Падая, я почувствовал, как что-то холодное обхватило мою шею. Что-то мерзкое и смертельно опасное.

Милена, всплыло вдруг имя. Ну почему я вспомнил о тебе именно сейчас?...

Глава 3. Месть

Подумаешь, в детстве я дергал ее за косы. Если вам одиннадцать лет, а перед вами сидит прелестное существо с голубыми глазами и косой до попки, разве можно удержаться от того, чтобы разок-другой не тронуть пахнущие шампунем волосы?!

— Алла Семеновна, а Краевой опять! — Голос у Милены ломкий, плаксивый.

— У-у, ябеда-корябеда, соленый огурец, на полу валяется, никто его не ест!...

— Краевой, встань! — Голос у географички Аллы Семеновны громкий, властный.

Она учила еще мою мать, поэтому слыла большим авторитетом в нашей семье.

Я тут же вскочил, всем своим видом выражая готовность понести заслуженное наказание. И даже схватил дневник, чтобы по первой же отмашке ринуться к учительскому столу.

— Краевой, подготовь-ка к следующему уроку доклад о высокогорном озере Титикака. В качестве наказания за поведение.

Класс дружно прыснул в кулаки — топоним показался жутко смешным.

— А что вы смеетесь? Есть такое озеро. — Алла Семеновна указательным пальцем переместила очки на лоб. — И Краевой нам о нем расскажет. А чтобы Краевому одному не скучно было готовить доклад, ему поможет... Милена.

Я от удивления даже рот открыл. И в этот момент задребезжал звонок. Радостный, я выскочил в коридор — Алла Семеновна так и не попросила мой дневник! Мать меня не накажет, отец не отругает!

Лучше бы все обошлось дневником. Тогда бы много лет спустя я не угодил в тюрьму, а оттуда — в Зону.

Но разве мог об этом знать одиннадцатилетний мальчишка?

* * *

Настойчиво трезвонил телефон. На том конце провода явно не собирались сбрасывать вызов.

— Алло... Да. День добрый... Да. Сейчас позову этого оболтуса. — Батя подмигнул мне: — Тебя.

Я подошел, взял трубку и услышал голос. Ее голос. Она сказала:

— Привет. Нам на завтра доклад надо подготовить. Об озере Титикака. Забыл?

Если честно, у меня это озеро напрочь вылетело из головы.

— Нет. Не забыл.

— У нас дома Интернет. Поищем инфу?

Впервые девочка приглашала меня в гости. И не просто девочка, но первая красавица класса, а то и школы. По крайней мере, для меня никого красивей не было. Во рту у меня пересохло. Я с трудом выдавил из себя:

— Ага.

— Через час, — сказала она и положила трубку.

Ровно через час — специально засек время — я стоял у обитой дерматином двери и топтался в нерешительности. Звонок выдал трель соловья.

— Входи. Раздевайся, — улыбнулась Милена, и я сразу же оттаял.

Я так осмелел, что даже поинтересовался:

— А где твои родители? И где мы будем готовиться к докладу?

— Родители на работе, — нехотя ответила она. — Мы пойдем в папин кабинет, я ключ взяла. Там компьютер стоит.

В полосе ее прозвучала какая-то особая интонация. И мне бы заострить на этом внимание, но я... У меня, мальчишки, тогда еще не было опыта общения с роковыми женщинами.

— А можно? — спросил я. — Отец ругать не будет?

Она скривилась так, будто ее заставили съесть полкило лимонов.

Дверь в кабинет располагалась за шторами, которые нависали над ней, словно саван. При виде этих штор меня охватила тревога. Я не мог объяснить, что не так, но чувствовал: за дверью притаилось какое-то зло. Там — опасно.

— Слушай, а может, не надо? — робко предложил я. — Пойдем лучше погуляем. На углу есть отличное интернет-кафе.

— Нам надо сделать доклад! — Голос Милены звякнул сталью, голубые глаза превратились в две маленькие льдинки. Прямо как в сказке о Снежной Королеве.

Она повернула ключ в замке и резко распахнула дверь:

— Входи!

До сих пор понять не могу, почему я послушался ее. Заворожила она меня, что ли? Я шагнул в кабинет, и дверь за моей спиной захлопнулась.

Я аж подпрыгнул на месте от неожиданности.

А потом началось нечто несусветное. Под потолком взвыла сирена, на оконный проем упали стальные жалюзи.

Развернувшись, я ударил плечом в дверь, но та не поддалась. Милена закрыла ее на ключ. Подлая девчонка! Когда я выберусь отсюда, разговор у нас будет короткий. Да и о чем разговаривать с человеком, который заманил тебя в ловушку? Я сразу сообразил, что попал в беду.

Я в чужой квартире, в кабинете, который оборудован сигнализацией. Решат, что я вор. И кому какое дело, что я ничего не взял? Я попался. Скоро сюда явятся сотрудники правоохранительных органов. Или амбалы из охранного агентства. И еще неизвестно, что для меня хуже... Мне вдруг стало так жаль себя, что слезы брызнули из глаз.

Сирена выла высоко под потолком. Она издавала ужасный звук, способный довести до умопомешательства. А еще она слепила меня яркими вспышками. Каждая вспышка на миг освещала комнату, к боковым стенам которой крепились стеллажи; на стеллажах стояли банки. Затем наступал миг тьмы, скрежета и воя. И снова вспышка, и опять тьма...

Я заметил какое-то движение в углу и вроде бы услышал, как разбилось стекло. Но я вовсе не был в этом уверен. Что не удивительно при таком-то шуме...

Вряд ли тогда я рассуждал именно так. Память запросто может сыграть со мной в поддавки. Но что-то очень похожее я испытал. И уж точно мне не понравилось увиденное на полках.

Сначала я подумал, что это маринованные огурцы, помидоры или грибы-маслята. А то и варенье. Обожаю варенье. Особенно — клубничное. Моя мама каждый год закатывала в банки на зиму много всего. Вот мне и стало интересно, чего это отец Милены в рабочем кабинете консервацию разместил.

Я шагнул к стеллажу и подвинул к себе первую попавшуюся под руку банку. Вспышка осветила ее содержимое. Я закричал, но крик мой заглушила сирена. Отшатнувшись, я сбросил банку на пол. Банка разбилась, залив ковер формалином или спиртом, или в чем там хранят препарированных животных. По ковру покатила голова какого-то жуткого чудовища, у которого вместо рта были присоски, как у осьминога.

Тогда я еще не знал, как выглядит кровосос. Экземпляр, череп которого угодил в банку, был одним из самых мелких, что мне случалось видеть с тех пор. Я который год в Зоне, но пока не встречался с потомством кровососа. Если б не тот случай в детстве, я был бы уверен, что мутанты появляются на свет уже будучи здоровенными опасными тварями.

Вспышка зеленоватого света. Щупальца. Полный злобы, навсегда застывший взгляд. Сердце мое едва не разорвалось на части. Банка разбилась, и я мало того что испугался, так еще и умудрился наступить на осколок стекла. Больно было жутко. Пятку я разрезал до кости.

Стиснув зубы, я вытащил из ступни осколок. На раненую ногу невозможно было стать, а балансировать на одной не очень-то получалось. Из-за вспышек ориентация в пространстве нарушилась, мне казалось, что я вот-вот упаду. Поэтому я оперся на стеллаж, изо всех сил стараясь не смотреть на банки, которыми он был густо заставлен. Я уже знал, что там вовсе не клубничная вкусяттина.

И вдруг я разозлился. Меня окончательно вывела из себя сирена. Я схватил еще одну банку — маленькую, в таких продают детское питание — и швырнул в мигалку. Я старался не смотреть, но всё-таки заметил, что в банке утопили здоровенного жука, эдакого таракана-переростка.

Брезгливость добавила мне сил. Банка угодила в плафон, разбила его и разбилась сама. Комнату озарила паутина молний, на ковер посыпались осколки, запахло жженой изоляцией.

И среди осколков на ковер упало что-то, сверкающее зеленым.

Тогда я еще не знал, что подобные штуковины называют кристаллами. И уж тем более я не знал, что передо мной искрил один из самых дорогих и опасных артефактов Зоны Отчуждения. Тот самый артефакт, который позволяет фауне Зоны существовать в мире людей. Из-за которого образцы, собранные в этой комнате, не портились. И мало того — артефакт, извлеченный из-под фильтров, снижающих уровень его воздействия, реанимировал препарированных мутантов.

Жук из банки вдруг перевернулся на лапы, расправил крылья и взлетел.

Света, исходящего от кристалла, хватило, чтобы увидеть, как мутант взвился к верхним полкам, где принялся толкать к краю банку чуть больше той, в которой еще недавно мариновался он сам.

— Вот фигня! — выругался я и не узнал собственного голоса — так он дрожал.

Страшнее ругательства я не знал.

Сирена стихла. Теперь я отлично слышал все, что происходило в комнате. Из банки, которую столкнул жук, выскочила крыса. Точнее — крысёныш. Страшный, весь в язвах и худой. Его рвало той жидкостью, в которую он был помещен. Чуток оклемавшись, крысёныш бросился на меня. Его лапки проворно семенили между осколками, а я... Я не придумал ничего лучше, как схватить с полки еще одну банку, литров на пять, и швырнуть ее в грызуна. Уж больно он мне не понравился. Показался опасным.

И самое интересное, что я попал. Зверька раздавило. Но взамен я выпустил на свободу тварь более крупную и опасную. Больше всего она походила на тушканчика, которого я видел на канале Animal Planet. Только больше и зубастей.

Это сейчас любой малыш знает, что представляют собой монстры Зоны. А в пору моего счастливого детства эту информацию тщательно скрывали. Была даже специальная служба, которая глушила зарубежные трансляции, в которых упоминались Зона и существа, ее населяющие. Табу. Нет этого и не было. Живите счастливо, меньше знаете — лучше спите.

Тушкан прыгнул на меня. Он пролетел метра три, клыки его клацнули в опасной близости от моего тела — я извернулся, пропустив мутанта мимо. Он ударился в стеллаж и свалился на пол — грузно шлепнулся на спину и смешно задрогал лапами, издавая натужное сопение.

Вдруг взволновалась жидкость в большом аквариуме рядом со мной. Я прикусил губу, глядя на собаку, которая скребла когтями по стеклу изнутри, явно желая разодрать мне горло. У собаки не было глаз, и в зеленоватом свечении кристалла слепая морда выглядела особенно жутко.

Во всех банках на стеллажах началось шевеление. Наверху жук двигал к краю очередную емкость с заточенным в ней монстром.

Тушкан наконец перевернулся на лапы. Вообще-то эти твари проворнее. Но тот, увиденный мною в детстве, еще не очухался от анабиоза. Только это и спасло меня тогда от смерти. Вряд ли одиннадцатилетний мальчишка сумел бы противостоять пусть мелкому, но очень агрессивному хищнику. Тут я не питаю ни малейших иллюзий. Я не супергерой и никогда им не был. Супергерои не попадают в ловушки и не режут себе пятки осколками стекла.

Тушкан вновь прыгнул — и не промазал. Он вцепился мне в левую руку, в предплечье, и повис, извиваясь и дергаясь. Боль шарахнула вверх по плечу так, что аж в голове зазвенело. Я ударил мутанта кулаком по уродливой голове, но тот не разжал челюстей. Я бил его и бил, но он продолжал меня грызть!

Жук столкнул еще одну банку. Собака в аквариуме настойчиво рвалась на волю. Я вдруг понял, что обречен. Я погибну, если не придумаю, как остановить зверье — всё и сразу. Я ведь не могу сразиться с каждым монстром в этом запертом кабинете. Их тут сотни!

...Спустя много лет я все еще пытаюсь понять, что это было. Подсказка свыше? Интуиция? Мальчишеская смекалка? Не знаю. Очевидно одно — я выжил. А значит, я поступил верно...

На одной ноге я прыгнул к кристаллу, что, мерцая, лежал на полу. И конечно же поранил вторую стопу! Я упал и уткнулся руками в россыпь стекла. Заодно досталось и тушкану, который вцепился в мое предплечье. Его тельце напшиговали осколки, он стал похож на ежа. И всё-таки мутант не отпустил меня — он продолжал дергаться, калеча мне руку!

Я не стал тратить время на то, чтобы избавиться от тушкана. Нужно было решить проблему одним махом.

Из-под потолка спикировал жук. Он шлёпнулся мне на затылок и впился жвалами. Испугавшись, что тварь продырявит мне череп и выест мозг, я истошно заорал, упал на бок — стекло! сколько же на полу стекла! — и потянулся к кристаллу правой рукой, свободной от тушкана.

И тут же все закончилось. Свет кристалла померк. Предметы вокруг стали расплывчатыми, нечеткими. Но самое главное — мутанты больше не рвались растерзать меня.

Тушкан замер. Мне удалось разжать его челюсти. Потом я сбросил с затылка жука. Ненавижу тараканов! Что может быть хуже, чем таракан размером с мобильник? Который к тому же летает и кусается?... Вот именно, только два таких таракана!

Сколько времени я просидел на полу, баюкая кристалл, не знаю. Вряд ли долго. А потом я заметил у окна большой стол с офисным креслом, а на столе — ноутбук.

В полнейшей прострации я включил компьютер, а когда загрузилась операционка, вошел в Сеть. Запустив поисковик, я ввел одно слово. И слово это было «Титикака». Оно до сих пор у меня означает конкретные неприятности.

Я кликал по ссылкам и читал все подряд. Я узнал, что Титикака — озеро пресноводное, соли в нем менее одного процента, а находится оно на границе Перу и Боливии. И есть легенда, что инки спрятали на дне озера почти две тонны золота, чтобы оно не досталось испанцам...

Я с пользой провел время. Я боялся смотреть по сторонам — вдруг монстры в банках ожили и подкрадываются ко мне со спины?! Лучше уж пялиться в ноутбук. Если не знаешь об опасности, ее нет. Наивная детская философия...

А потом дверь кабинета распахнулась, включился свет. Только тогда я смог оторваться от компьютера. Крутанувшись вместе с креслом, повернулся к двери.

Передо мной стояли трое в длинных черных плащах. В руках вошедшие держали матовые серебристые пистолеты с глушителями. И один такой пистолет был направлен на меня.

— Ты кто такой? — спросил самый высокий, тот, что взял меня на мушку.

— Знаете, как переводится название Титикака? — прошептал я одними губами, но меня услышали.

— И как же? — Пистолет в руке чуть дрогнул.

— «Священный камень», — сказал я и протянул высокому кристалл.

Мужчина отшатнулся, его спутники навели на меня оружие.

Представьте, что вы входите в комнату и видите ребенка, который истекает кровью. Целиться в раненого мальчишку из пистолетов — разве это нормальное поведение для взрослых мужчин? А как же первая помощь? Как же охи-вздохи?

— Миля, это ты устроила? — услышал я строгий голос в коридоре.

Миля? Ту девочку, из-за которой я оказался здесь, звали Миленой. Значит, дома ее называют Милей. Забавно, да...

— Папочка, я... — Одноклассница попыталась оправдаться, но строгий голос перебил ее:

— Марш в свою комнату! И не высовывай носа, пока я не позову!

Хлопнула дверь — это Снежная Королева удалилась в тронный зал. А я, как дурак, протягивал троице кристалл, но никто не спешил его взять. И вот появился отец Милены. Я сразу понял, что это именно он — уж слишком уверенно держался. Так входит хозяин, а не тот, кто заскочил на минуту, чтобы проучить вора.

Высокий, седой, в светлой кожаной куртке, он, чуть прищурившись, смотрел на меня, будто прикидывая, что со мной делать. Он ничего не спросил, но я почему-то принялся тараторить:

— Понимаете, нам по географии доклад, Миленка сказала, что Интернет и вместе, договорились через час, я не хотел, я пришел, она — вот там кабинет, там компьютер, я зашел, а она...

— Достаточно! — прервал меня отец Милены и кивнул троице: — Спрячьте оружие. Совсем охренели?! Ребенок же!

— Какой, на, ребенок?! Профессор, очнись! Это ж мутант какой-то! — Тот, который с самого начала угрожал мне пистолетом, принялся кричать на хозяина кабинета.

По-моему, зря он так. На некоторых людей лучше не повышать голос. Целее будете. Но, похоже, крикливый считал иначе:

— Он же разогнанный топаз в руках держит, и ему хоть бы хны! Пацан его реально погасил! Собой, тля будо, погасил!

Я понял, что речь идет обо мне, а кристалл — «разогнанный топаз». Что такое «топаз», я хоть и смутно, но представлял. Камень такой, ювелирный. А вот что значит «разогнанный»? Странное слово, неправильное.

— Грохнуть его, и все дела, профессор!

— Заткнись. — Отец Милены говорил спокойно, хотя лицо его искажала гримаса недовольства. — Как был ты уркой, так и остался. Тебе бы всех грохать и валить. Ничему тебя жизнь не научила, Косой. Ты ж видишь, парень необычный, а хочешь его в расход пустить, как сталкера какого. Нельзя так, Косой, кадрами разбрасываться.

А вот что было дальше в том кабинете с банками, я не знаю. Глаза мои заволокло пеленой, и я потерял сознание.

* * *

Очнулся я дома. Рядом сидела и тихонько плакала мама. С кухни доносились голоса: возмущенный отца и спокойный, даже самоуверенный, профессора, отца Милены.

— Это ж сын мой! Не дам, ты что?!... — Отец грохнул кулаком по столу. — Не в Зоне, здесь закон есть, я на вас управу найду!

Судя по грохоту, батя уже изрядно выпил. Бутылку перцовки в себя влил, не меньше.

— Ты, сталкер, мебель не ломай, — устало сказал профессор. — Ты налей себе, чего уж. И мне налей. Ты думаешь, я все это затеял, потому что зла твоему парню желаю? Я ж не заставлял тебя в Зоне детей делать...

А потом дверь на кухню захлопнулась, и я больше не услышал ни слова. Сталкер? Профессор назвал моего отца сталкером? Наверное, я брежу. И я опять провалился в забытие...

Когда раны на руках и ногах полностью зарубцевались, уже настала весна. Ко мне каждый день приходил кто-нибудь из одноклассников, приносил домашнее задание.

Семья Милены съехала на следующий день после того случая в кабинете. Отец сказал, что я больше никогда не увижу эту гоп-компанию, но мне придется раз в месяц ходить в поликлинику для обследования. Или чаще — если попросят сделать какие-нибудь особые анализы. А через пару месяцев отца уволили с завода за прогулы, и он запил вчерную. Мать тоже ушла с работы, но деньги в нашей семье теперь почему-то не переводились.

Я часто вспоминал Милену. Я все никак не мог понять, зачем она заперла меня. Неужели хотела таким образом отомстить за то, что я дергал ее за косички? Знала про мутантов, знала, что я могу погибнуть, но все равно заперла?...

Я отказывался в это верить. Моя Снежная Королева не способна на такую подлость. Это случайность, Милена ни в чем не виновата...

Я пообещал отцу, что забуду о том, что случилось, и никогда никому не расскажу. Помнится, батя наорал на меня, когда я спросил его, куда переехал профессор со своей семьей.

— Не смей даже думать о них! Не смей искать эту дрянную девчонку! Я не позволю тебе загубить свою жизнь!...

Прошло почти семь лет, прежде чем я вновь встретился с Миленой.

Глава 4. Ошейник Для Карателя

Раньше я никогда не носил ошейников. И поныне не испытываю тяги к садо-мазо. Даже без золотых цепочек и крестов-висюлек запросто обхожусь. А вот ведь довелось примерить особый обруч, спасибо товарищу майору. Хорошо хоть не намордник...

Словно прочитав мои мысли, Кажан ухмыльнулся:

— Радуйся, Край, что не намордник.

Я кивнул, изо всех сил изображая на лице довольство жизнью. Но актер из меня — как из пластилина пуля, такое лицедейство принято освистывать, топая и крича: «Не верю!».

Григорий Иванович Кажан — мужчина с брюшком, свисающим над ремнем, — приподнялся из-за большого дубового стола, опираясь на широко разведенные ладони. Брови у майора кустистые, идеальные для того, чтобы хмуриться, придавая взгляду значительность.

— Радуйся, Край, что не шлепнули тебя, что жив еще.

Я вновь изобразил умиление и благодарность. Даже не очень требовательный зритель швырнул бы в меня гнилой помидор.

Майор кутался в фуфайку цвета хаки, с которой не расставался даже в июльский полдень. У него проблемы с кровообращением. После того как у Янтаря его зацепила «жарка», он постоянно мерз. Если бы не фуфайка, Кажан имел бы вполне respectable вид, будто и не офицер ВС Украины. Под верхней одеждой он носил рубашки от Армани, к губе прилипла дымящаяся сигара, толстая и дорогая. Пробор в волосах, едва тронутых благородной сединой, пропитался хорошим одеколоном. Ни дать ни взять — светский лев. Я всегда завидовал представительным мужчинам. По крайней мере, пытался изображать зависть.

— Что это за бижутерия? — Я осторожно потрогал обруч, обхвативший мою шею: в сечении овал примерно в два пальца толщиной. На ощупь обычный пластик. Гладкий.

Сзади засопел сержант, пытаясь скрыть смехок. Надо же, у толстяка есть чувство юмора. Как-нибудь потом я напому ему эту шутку, вместе посмеемся. А вот Васька Гримов в кабинет майора не попал — и не потому, что рожей не вышел, а потому что от перенапряжения вырубился в коридоре. Оно, знаете, вредно для здоровья — бить людей

сзади, можно и сдачи получить. Зато напарник Васьки, Данько, то и дело втыкал мне меж лопаток ствол АК. Чтоб я лучше изображал и чаще соглашался.

Помимо Кажана и моих конвоиров, в помещении присутствовали еще четверо. Двое — то ли мусульмане, то ли еще кто. Короче, брюнеты с карими глазами. По мне, они — братья, а там хрен их, кудрявых, разберет. Одеты моджахеды — мысленно я их так окрестил — были в серенькие затрапезные пиджачки, на ногах — потертые туфли. Прямо сельские учителя в районном центре. Вот только скажите мне, какого хека два интуриста-педагога забыли у границы Зоны Отчуждения, а? И зачем им оранжевые украшения, такие же, судя по всему, как у меня на шее?

Третьего гостя, щеголявшего оранжевой побрякушкой, я знал. Ну кто ж не знает бродягу Ворона, чтоб ему посреди Москвы в аномалию вляпаться?! О нем позже, ибо описание его нелегкой судьбы — разговор не на пять минут.

Четвертым был тот самый стрелок, который технично завалил бегущего кабана. Я мазнул взглядом по нашивкам и не смог скрыть удивления — натовские ведь нашивки. Неужто намечается что-то совместное? Америкосы наконец решились открыть второй фронт? Нет, что-то тут не так... Да и личико стрелка меня смущало. Такие рожи не производят в Вашингтоне, это отечественный продукт: с равной вероятностью Рязань, Винница или Минск.

— Бижутерия, говоришь? — Манера Кажана отвечать вопросом на вопрос невероятно меня раздражала, и, чтобы не выдать себя взглядом, я уставился на ботинки натовца. — А ты сильнее подергай и узнаешь. Кстати, мои хлопцы давеча твоего знакомого в гости пригласили. Желаете полюбопытствовать?

Ствол автомата Данько больно ткнулся мне в хребет, и я шагнул к окну. Еще в коридоре, у кабинета майора, мне опять надели наручники, поэтому хорошенько двинуть кулаком в челюсть я не мог. Только это спасло ретивого солдатику от визита к стоматологу.

Внизу, у железного щита с текстом присяги, едва стоял на ногах обнаженный по пояс Бегемот. Узнать его можно было лишь по короткой бородке и горделиво задранному подбородку. Лицо бандита распухло, тело покрывали струпья. Видно, били моего старого товарища много и не единожды. И вот теперь решили показать мне. Зачем?

— Заметил, у дружка твоего такая же прикраса на шее?

Я кивнул. Действительно, и Бегемота цацкой не обделили.

— Сван, продемонстрируй.

Снайпер повесил винтовку на плечо, вытащил из внутреннего кармана камуфляжной куртки пульт с маленьким дисплеем и кнопками, который я поначалу принял за старинный мобильник. Кнопки едва слышно попискивали, когда с их помощью вводилась нужная комбинация. Секунда, две, еще... Наконец снайпер довольно причмокнул и кивнул мне — мол, не на меня смотри, за окном интересней.

Ствол автомата Данько убедил меня в том, что он прав.

А внизу Бегемот, как назло, пялился именно в то окно, за которым стоял я. Наши взгляды встретились, и Бегемот даже открыл свой разбитый рот, чтобы сказать мне что-то, но...

В этот момент верхнюю часть его туловища разорвало на тысячу кусков и кусочков. Был человек — осталась нижняя половина, кусок по пояс, и его почему-то не опрокинуло взрывной волной, от которой едва не вышибло стекла в штабе. Кусок этот шагнул вперед, поближе ко мне. Ноги разъехались в стороны — и то, что еще недавно было Бегемотом, упало. Сам Бегемот обязательно пошутил бы: «Бензин закончился».

Уже не пошутит.

— Готово, — отрапортовал Сван. Лицо его сияло от удовольствия, будто он не человека убил, а выпил бокал отличного вина.

— Готово? — откликнулся Кажан, будто не слышал грохота взрыва. — Что ж, спасибо за демонстрацию наших возможностей. Как тебе, Край? Понравилось?

Я кивнул. Сегодня у меня один ответ на все вопросы. Но впредь я буду знать: если мне надевают ошейник, это очень плохая примета. Настолько плохая, что Ворон тут же кинулся на Свана.

* * *

Ворон был быстр, ну очень быстр. Он мгновенно преодолел четыре с лишком метра, что разделяли его и снайпера с пультом. При том своими грязными сапожищами Ворон протоптался по шкуре медведя, расстеленной на паркете. За одно только это майор должен был расстрелять его на месте.

Выставленные перед собой руки сталкер нацелил на горло Свана. Но пощупать кадык снайпера ему не довелось. Сван резко ушел в сторону, пропуская Ворона мимо, и рубанул атакующего пультом по затылку. Колени сталкера подогнулись, он рухнул на пол, из носа полилось, марая кожу.

Я был уверен, что Кажан лично пристрелит Ворона, но он лишь сильнее прикусил сигару и сказал:

— Сван, объясни, что это у тебя такое. Кстати, знакомьтесь. Это ваш командир Сван, майор спецназа ГРУ. В отставке. Форма его одежды пусть вас не смущает, у нас намечается небольшой, но очень забавный маскарад.

Вот так, играючи, сбить Ворона с ног?... Я внимательней взглянул на свое новое начальство. На голову выше меня, черты лица правильные, особых примет нет, глаза серые. «Ваш командир» — это мой, моджахедов и Ворона. В этом кабинете только мы щеголяли взрывоопасными ошейниками. Командиру, похоже, такой цапки не хватило. Что ж, я с удовольствием отдам ему свою. Остальные, думаю, тоже поделятся.

— Отечественная разработка. Активно используется в программах реабилитации преступников на Новой Земле. Но наш вариант усовершенствован согласно требованиям предстоящей миссии. Предупреждаю сразу: чтобы избежать активации ОСП-3, то есть ограничителя свободы перемещений, куратор должен каждые четыре часа вводить код подтверждения — семизначную комбинацию, уникальную для каждого подопечного. Куратор — это я. Максимальный срок эксплуатации изделия составляет двести сорок часов, после чего происходит самоликвидация. При нарушении герметичности — самоликвидация.

Сван замолчал, давая нам возможность переварить услышанное и осознать, в какую же мы встряли.

Тишину нарушил Ворон, который пришел в себя после удара по голове и поднялся на ноги:

— Это... майор, а память у тебя хорошая? Или на бумажке циферки записаны? Я, знаешь, не за себя переживаю, я человек конченный, а вот ребята здесь собрались хорошие, особенно Край, я его с пеленок помню, мальчонкой еще, я...

Ворон мог бы молотить чепуху еще долго. С тех пор как он остался один, поговорить с живым человеком — лучшее для него удовольствие. Сталкер тронулся умом, это отчетливо заметно. С пеленок он меня помнит, надо же!...

Ворон — человек в Зоне знаменитый и очень востребованный. В смысле, его голову требуют главари двух крупных сталкерских группировок. Наемник-следопыт Ворон когда-то отправился в глубь зараженных территорий с большой экспедицией «долговцев» — человек двадцать с ним шло, не меньше. А вернулся он один, клятвенно уверяя, что на его команду напали сталкеры «Свободы». Конечно, «Долг» не мог такое оставить без внимания, между группировками вспыхнула война — в полную силу, на уничтожение. В результате погибло много людей. А потом, пару месяцев спустя, известный на всю Зону бродяга Химик случайно наткнулся на лагерь, где на обратном пути остановилась экспедиция Ворона. Химик нашел там останки пристреленных и зарезанных людей. Осмотрев место происшествия, он с удивлением понял, что бойцы не оказали никакого сопротивления. Сталкер взял образцы тканей. Уж больно его заинтересовало, что же случилось на самом деле. Выяснилось, что все «долговцы» были отравлены. Стало понятно, что их убил сам

Ворон, позарившись на хабар, добытый экспедицией. А чтобы замести следы, он имитировал кровавую баню. В общем, не повезло Ворону с дотошным Химиком.

Убийцу едва не взяли, когда он кувырчался с двумя милашками в борделе на окраине Чернобыля-5. Но Ворону повезло, он сумел сбежать и скрыться в дальних районах Зоны. На него началась охота — такая же яростная, как и война между кланами перед этим. «Долг» и «Свобода» объявили награду за голову Ворона. Многие сталкеры из других группировок позарились на эти деньги. Да что там сталкеры — мародеры хлынули в Зону, наплевав на риск, уж слишком заманчив был кусок.

Я сам участвовал в той травле и даже побывал в гостях у Болотного Доктора, после того как поговорил с Вороном тет-а-тет. Но это уже другая история... Как бы то ни было, охота так ничем и не закончилась. Ворон пропал. Считалось, что он погиб. Но, оказывается, его приютили военные.

— Память у меня отличная, — перебил Ворона мой новый командир. — Никаких бумажек, всё здесь! — Сван постучал себя пальцем по виску, и мне жутко захотелось ударить туда же кулаком. Помочь, так сказать, не словом, но делом.

Определенно, надо внимательней присмотреться к Свану, ведь его придется холить и лелеять — вовсе не из любви к ближнему, а чтобы не повторить фейерверк, устроенный Бегемотом.

— Отличная, значит, память, да? А теперь, после того как вы уяснили, что к чему, предлагаю перейти непосредственно к повестке дня. Есть возражения? — Когда Кажан начинал корчить из себя бюрократа, весь его светский лоск мгновенно улетучивался. — Значит, нет возражений? Ну и отлично. Товарищи, вам предстоит ответственная миссия в Зоне Отчуждения. — Майор замолчал, наблюдая за нашей реакцией. Сигара едва заметно дымилась в углу рта.

Нужно было как-то выразить свое отношение, и я пожал плечами. Ворон хмыкнул — он другого и не ожидал. Сван изначально был в курсе. А вот братья-моджахеды очень расстроились, узнав пренеприятное известие: яростно жестикулируя, они что-то залопотали на своем языке. Интересно, чего они ожидали у границы Зоны? Десантирования на борьбу с урожаем в соседний колхоз? Чую, нелегко придется с абреками. Вот ведь удружил Григорий Иванович Кажан. Впрочем, от майора подарков на Новый год я никогда не получал...

— В Зоне Отчуждения, да? — Кажан с силой впечатал в столешницу пятерню, моджахеды тут же заткнулись. — Сержант, свободен!

Когда за моими конвоирами захлопнулась дверь, Кажан подмигнул нам:

— Задание очень деликатное. Такое деликатное, что вы его узнаете лишь после того, как дадите искреннее согласие на участие в операции.

В комнате установилась гнетущая тишина.

— А те, кто откажется, не доживут до заката.

Естественно, согласились все.

Я даже попытался изобразить благодарность за оказанную мне честь и чуть не брякнул насчет военных сталкеров — мол, почему бы не задействовать штатных чудо-богатырей? Но вовремя прикусил язык.

Во-первых, мало ли, вдруг такая сложная мысль не посетила майора? И он, с моей подсказки сообразив, что военсталы куда лучше выполняют задачу, решил избавиться от Макса Края и его товарищей по несчастью?

Во-вторых, Григорий Иванович Кажан, тридцати двух лет от роду, вовсе не дурак. Спецы — это хорошо, но ходки по Зоне подчиняются непосредственно штабу Объединенного Командования и какой-то майор им не указ. Сделай запрос, обоснуй необходимость привлечения к операции — и вперед. А Кажану, видимо, очень не хотелось извещать начальство о своих делишках на зараженных территориях.

* * *

Выяснилось, что к городу Припять скрытно выдвинулся небольшой моторизированный караван. Что именно везет караван и каков его состав, о том Максиму Краевому знать не надо, не его ума это дело, информация секретная, на месте, товарищи, разберетесь.

Суть задания такова: во что бы то ни стало уничтожить технику и весь личный состав каравана до прибытия в Припять. Вот так простенько, но с душком.

Угу, расклад ясен. Был Макс Край благородным бандитом, а станет кровавым карателем, убивающим людей, ничего плохого ему не сделавших. А то и вообще никому не навредивших.

Кажан разрешил закурить и сесть, чем сразу воспользовались братья-моджахеды. В смысле, закурили. Присесть в кабинете было не на что, только под сиденьем самого Кажана поскрипывало добротное кресло с подлокотниками. В этом кабинете бывали исключительно подчиненные, люди второго сорта — для них, что ли, посиделки устраивать?... А для визитов начальства в штабе была оборудована отдельная комната с картами на стенах, знаменем и портретом президента.

Разговор получился долгий, в комнате стало душно, вентиляции никакой, окна плотно закрыты. Кажан много говорил об оплате труда и свободе, которая ждет нас после выполнения задания. Он так расписывал нули на счете в банке на Каймановых островах, что я твердо уверился: не получу ни копейки.

— И вообще, вы ведь добровольцы и сами вызвались помочь Родине в нелегкую годину, — подытожил пан Григорий и замолчал.

— Так, может, ошейники снимем? Ну, раз мы добровольцы? — не удержался я. — А то жмет что-то.

— Ошейники? Да это так, для поддержания морального духа. А раз жмет — спадать не будет, не потеряется.

В общем, выводы у меня однозначные: сами вояки не могут провести карательную операцию в Зоне. Это неминуемо будет замечено, другие группировки военных поднимут шум, дойдет до прессы... Нет, все должно быть сделано тихо и чужими руками. И чтоб ни тени подозрения не упало на Кажана и тех, кто за ним стоит. Мало ли откуда взялись эти странные личности — моджахеды, беглый сталкер, бандит и господин в форме вероятного противника? А я и Ворон нужны, чтобы группа не сгинула в Зоне буквально через минуту после начала операции. Грушник-отставник — доверенное лицо и координатор. Кудрявые братья — пушечное мясо, отмычки.

Расчет у Кажана на пять баллов. Это даже не тактика, это стратегия международного уровня.

Во что я вляпался, а?!

Глава 5. Байкеры

Музыкальный автомат бубнил хриплым голосом о дороге в ад, а я высматривал, у кого бы из байкеров одолжить транспортное средство. Ведь мы, каратели, не только должны завалить кучу народу в кратчайшие сроки, но и найти себе колеса. На топтобусе и пешкарусе моторизированный обоз не догонишь.

Я возмутился по этому поводу еще у ворот базы, куда нас проводили под конвоем. «Организация оставляет желать лучшего, — сказал я. — И вообще, какие сюрпризы нас еще ждут?». На ходу проверив аккумулятор ПДА, Сван успокоил меня тем, что снарягой Кажан нас всё-таки обеспечит. Тайник уже организован в Зоне.

— А ты хотел бэтэр с полным баком и номером части на борту? А еще лучше — на вертолете махнуть? И накрыть караван одним ракетным залпом? Сам понимаешь, ничто не должно указывать на Кажана. Так что давай без истерик, Край. Ни к чему это. Отсчет начался, времени у тебя и у твоих дружков все меньше и меньше.

Это уж точно. Жизнь — мелодия с обязательным финальным аккордом, а в моем случае пластинка может заглохнуть досрочно.

Ворота захлопнулись, часовые на вышках потеряли к нам интерес. Весна всюду бушевала вокруг. Я вдохнул поглубже и изложил командиру свое видение ситуации. Ворон одобрительно кивнул, моджахеды не подавали признаков жизни с тех пор, как узнали, что им предстоит прогулка в Зону, а Сван... А какие у него были варианты? Ему оставалось только надеяться, что я не заманю группу в ловушку.

Нам повезло: не пришлось стирать ноги о десяток с гаком кэмэ, разделяющих базу Кажана и точку, в которой я решил разжиться транспортом. Из-за поворота выехал, грохоча длинным пустым прицепом, трактор Т-150-К — стальное колесное чудовище, сделанное на заводе, на котором всю жизнь проработал мой отец. Я счел это добрым знаком и поднял руку. Трактор остановился, нам нашлось местечко в прицепе.

И вот мы в «Звере между ног». По мне, отличное название для бара. Светить здесь сталкера нельзя было ни в коем случае. Уж слишком многие хотели заполучить его голову. Поэтому Ворон отдыхал, пока мы работали.

В сизом табачном дыму мелькали фигуры в клепаных кожаных куртках. Громко сталкивались бильярдные шары, повизгивали шлюхи, которых щипали за груди и хлопали по пышным задкам — за умеренную плату, засунутую в кружевные трусы. Под потолком чисто символически вращал лопасти вентилятор.

— Максимочка, здравствуй, дорогой! — прильнула ко мне Изабель, миниатюрная блондинка с внушительным бюстом. Вообще-то по паспорту она Татьяна, но кому интересны эти грустные подробности?

Иногда у нас возникали порывы взаимной страсти. К сожалению, нынче я занят, а после того, что я сегодня сделаю, в этот бар мне путь заказан.

— Привет, малыш, — откликнулся я. — Водки, а? И моим друзьям. Америкос угощает.

Изабель подмигнула, слепила из губ напомаженный бантик и исчезла в клубах дыма. Сладкая девочка, в самый раз, чтобы скоротать бессонную ночь. И поговорить любит. Через минуту все любознательные завсегдатаи будут знать, что Макс Край привел толстого спонсора из-за океана.

— Садимся во-он за тот столик, — показал я на колченогое пластиковое убожество, которое никто и не подумал протереть после прежнего клиента. — Эмир, Душан, дам знак — по-своему начинайте лопотать. А как завертится канитель, я уж как-нибудь сам...

Эмир и Душан — это наши моджахеды. Ну то есть не совсем моджахеды, они из Черногории. Кстати, родные братья, тут я четко угадал.

Вряд ли в Подгорице отыщется хоть один полицейский, который не хотел бы лично задушить этих родственников. С полгода назад в инете был большой шум вокруг серийных убийств полицейских в Монтенегро. Сидя в грохочущем прицепе трактора, я с помощью нетбука навел справки о своих новых коллегах. Оказывается, Эмир и Душан на спор пообещали, что в течение месяца каждый день будут убивать по одному копу. И обещание свое парни выполнили. Вот что значит держать слово. А с виду — сельские увальни...

— Добар дан! — Братья поклонились залу и прошествовали к столику, на который я указал.

Блин, они б еще книксен изобразили перед местным отребьем.

— Ме, молим те, лоше кутије пива. — Эмир улыбнулся подошедшей официантке так обаятельно, что та прям расцвела в ответ.

— И ја. — Душан оскалился в тридцать две клавиши.

По пиву на брата? Я ж водки заказал! С другой стороны, тоже верно: горилка без пива — плохая примета.

Вскоре прибыл мой заказ: Изабель принесла пять стаканов прозрачной желтоватой жидкости. Сван, как и требовала легенда, расплатился баксами. Официантка ослепительно улыбнулась и, конечно, забыла о сдаче. Ох уж эта девичья память!

— Это водка? — усомнился командир.

— Это лекарство! — заверил я.

Сван хмуро пододвинул к себе стакан, понюхал и поморщился. Не успел я произнести тост, как он одним махом вогнал в себя двести граммов, крикнул, смахнул набежавшую слезу и просипел:

— Это не водка!

— Это лекарство! — подтвердил его догадку я.

Как бы ряженный американец не выдал своей сущности. Весь мой логистический план строился на том, что Сван — уроженец солнечной Аляски или Нечерноземья Техаса. Но гражданин США, лакающий самогон стаканами?! Нет, настоящий буржуин обязан пить мелкими глоточками, смакуя букет и восхищаясь вкусом. Будем надеяться, что посетители «Зверя между ног» не примут усиленный вывод радионуклидов из организма за прокол в легенде и легенда майора не сыграет в ящик еще до того, как мы попадем в Зону.

А вот братья порадовали: лишь только пригубив «Хиросиму» — именно так назывался нектар в стаканах, — они наотрез отказались травиться. Заявили, что дождутся пива. Мол, солод и хмель полезней. Я не стал отговаривать моджахедов. В конце концов, это их здоровье и только им решать, чем его портить.

Вскоре на столе появились две запотевшие кружки и большая стеклянная пепельница. Чтобы все это разместить, мне пришлось смахнуть на пол рыбы очистки и две грязные пластиковые тарелки.

Музыкальный автомат разразился гитарным ревом и завываниями на английском о том, что, мол, смердит здесь подростковым духом. По мне, в баре воняло потом, воблой и сивухой. И вот тут из табачного тумана вынырнула самая мерзкая рожа, которую только можно встретить в злых заведениях у Периметра. Встречайте хлебом-солью! Гордей Юрьев пожаловали!

Я поднялся из-за стола и протянул руку главарю моторизированной банды, контролирующей все подступы к номерным Чернобылям, а также торговлю автозапчастями и топливом в наших беспокойных местах. Титул у Гордея был грозный, а вот прозвище несерьезное и даже подозрительное — Рыбачка Соня. Я повидал десятка два глупцов, распятых у перекрестков за то, что они сочли это прозвище забавным.

— Выпей с нами, Рыбачка! Мой импортный друг угощает!

Сван мрачно кивнул, хотя должен был улыбнуться. Видать, его не очень прельщала перспектива поить непонятно кого. Дурень, неужели он не понимает, что деньги на дорожные расходы должны быть потрачены с умом и своевременно? То есть здесь и сейчас. Простите, но что делать с купюрами в Зоне? Подтираться ими? Я жестами показал Изабель, что именно мы желаем увидеть на столе.

Гордей пожал мне руку, не сводя взгляда с рожи Свана, покрасневшей после алкогольного взрыва в желудке. Изабель тут же выставила три стакана и две кружки.

Гордей сел, величаво всосал дозу, облизнулся и сказал то, что я никак не ожидал от него услышать:

— Ты меня уважаешь?!

И ткнул пальцем в грудь Свана.

* * *

Нет, я, конечно, рад, что utility uniform ввела Рыбачку в заблуждение, но не до такой же степени! Поначалу и меня смутили Свановы камуфляжные штаны, зелено-коричнево-черная куртка и замшевые ботинки с оливковой майкой в придачу. Ну кто, скажите, в нашем захолустье по весенней грязи топает в замшевых ботинках?! А кто таскает восьмиугольную конфедератку с вышитой эмблемой Корпуса морской пехоты США — орлом, восседающим на земном шаре, проткнутом якорем?!

Сван мог нажраться вдрызг, обложить всех по матушке на языке Пушкина, и все равно завсегдатаи «Зверя» решили бы, что американец просто чуточку перебрал, а вообще-то он мужик ничего, почти наш!

Первая часть мерлезонского балета удалась, сейчас начнется вторая. Правда, я не ожидал, что события будут развиваться столь активно.

— Ты меня уважаешь?!

Вопрос и жест были классические, вот только цели палец не достиг, потому что был перехвачен на полпути и с хрустом сломан.

Сработали инстинкты, грушник действовал автоматически, я ни в чем его не виню. Глупо было надеяться, что грабеж обойдется без членовредительства. А ведь то, что мы собирались сделать, называлось именно грабежом. Опустить «Ангелов Зоны» — это событие из ряда вон. Я никогда не слышал, чтобы кто-то на это отважился.

Палец хрустнул, Рыбачка, стиснув зубы и покраснев, едва сдержал крик, а Сван как ни в чем не бывало схватил свой стакан и в мгновение опорожнил его. Рыбачка явно не рассчитывал, что с ним обойдутся так круто. Давно миновали те славные времена, когда ему приходилось драться за каждый кусок хлеба. Он обрюзг, оброс жирком и редко бывал трезв. Свернутый набок нос приобрел устойчивый вишневый цвет.

— Ё-моё! — Гордей Юрьев поднял на меня полный обиды взгляд. Мол, это ты, Край, во всем виноват.

По умолчанию мой визит в бар в компании толстого спонсора расценивался как предложение поделить добычей. И конечно, рядовые байкеры не рискнули приблизиться к нашему столику, ведь Изабель в подробностях расписала, как плотно упакован натовец. Зато Гордей намек понял. Подсаживаясь за наш столик, он вроде как невзначай положил правую руку на столешницу, растопырив пальцы. Это было братское предложение: разойдемся по полста процентов? Я тогда кивнул. Вот так быстро мы подписали контракт, напроочь отвергая возможность форс-мажоров. Все честно: Рыбачка разбирается с лохом, а мне половина содержимого портмоне за поистине царскую наводку.

А что же получилось в результате?

Мужественно встретив взгляд Гордея, я пожал плечами и кивнул на эмблему на конфедератке. Ведь не просто орел, но с якорем, и кто знал, что америкос не такой уж и лох?

Откуда-то сзади подступили мрачные фигуры. Бильярдные кии в их руках были похожи на выбеленные солнцем кости доисторических животных. Длинные волосы, татуировки на предплечьях и лицах... сброд, самый настоящий сброд. По мне, мародеры, промышляющие у границ Зоны, куда благороднее тех, кто наводит ужас на мирное население и забывает отстегивать ментам проценты с барышей.

Чья-то волосатая рука легла мне на плечо. Рыбачка схватил со стола пепельницу, в которой дымились два окурка, и без замаха саданул ею Эмира по роже. Из разбитой губы потекло.

Тоже верно. Кидаться на американца — опасно, но надо как-то показать своим людям, что ты не терпишь оскорблений и позор привык смывать кровью. Пусть и кровью случайного соседа.

Эмир схватился за лицо, а его братец Душан, опрокинув стул, вскочил и проявил недюжинные познания в русском языке. Ему тут же двинули по загривку, он картинно упал и скорчился на полу. Актерского таланта у черногорца было на порядок больше, чем у меня.

Я попытался встать, но волосатая лапа вдавила меня обратно.

— Что вы себе позволяете?! Это произвол! Мои друзья — иностранные граждане! Это международный скандал! — заголосил я. — Я этого так не оставлю! Вы все свидетели! Вы, вы и вы! Вы мне ответите!...

Ошалевший от моего визга Рыбачка не выдержал и шлепнул меня по лицу. Он явно хотел как лучше, ведь оплеухами в кино успокаивают молоденьких истеричек. Но благими намерениями вымощена только одна дорога — та, о которой бубнил хриплый голос, когда мы вошли в бар. Я подался навстречу удару и развернулся так, чтобы Рыбачка попал мне в нос. И он таки попал, и рубиновые струйки омыли мои губы и подбородок. Отлично! То, что нужно!

— Милиция! — заверещал я, перекрикивая гитарные запылы в дребезжащих динамиках. — Помогите! Убивают!

Бар грохнул хохотом: Краю в Зоне радиацией мозги совсем проело. Ах, как веселились эти бородатые ребята! Как ржал Рыбачка, позабыв о своем сломанном пальце!...

А вот и напрасно. Я регулярно занимаюсь профилактикой лучевой болезни: по сто граммов дважды в день ну просто обязательно вливаю в себя, даже если и хочется. Без этого в наших местах никак. Так что с извилинами у меня все в порядке.

Зато когда в баре вырубилось электричество, а снаружи взвыли сирены и дурной голос заорал в мегафон, чтобы все выходили по одному, руки за головы, хохот сразу смолк.

И вот тогда рассмеялся я. Хорошая примета — смеяться последним.

* * *

Замерцали лампы под потолком и вновь вспыхнули в полный накал. Музыкальный автомат попытался выдать замшелый хит, но штекер выдернули из розетки, и он смолк.

— Это капитан Новак! Бар окружен! Выходить по одному с поднятыми руками! Считаю до пяти и приказываю открыть огонь!

В «Звере» стало так тихо, будто снаружи рыскала химера, ожидая, что добыча выдаст себя звуком дыхания. Новак — мент серьезный, он слов на ветер не бросает. Как-никак командир местного ОМОНа.

Его скуластое лицо частенько мелькало в блоках новостей, посвященных событиям в Зоне и в ее окрестностях. Благородный офицер — ни тени улыбки, заметные залысины и морщины на лбу — скороговоркой выдавал отчет об очередной разгромленной банде мародеров. Причем говорил он всегда на ходу, всем своим видом давая понять, что спешит, его ждут великие дела. На сетевых форумах ролики с интервью Новака пользовались бешеной популярностью у молоденьких посетительниц. Я слышал, что в Харькове наладили выпуск постеров — лицо мужественного капитана в три четверти. Поговаривали, что он собирался баллотироваться в Верховную Раду. Но при этом мало кто знал, что рыльце у Новака в изрядном пуху, что он контролирует сеть импорта очень своеобразного дорогостоящего товара. И что бизнес этот — такой криминал, что торговля героином в сравнении с ним — детская забава.

Именно я помог Новаку взять контроль над этим бизнесом, убив предыдущих воротил — Петра Могила и Белоглаза. Так что за капитаном был должок, и он вернул его при первой же возможности. Новак поднял по тревоге дежурную группу, загрузил в бронированные автобусы и пригнал по указанному адресу.

— ...Три! Четыре!

— Не стреляйте! Выходим!

Первыми из бара выползли мы, униженные и оскорбленные, избитые и чуть ли не ограбленные. Хм, а может, нас взяли в заложники?... Такой вариант мне в голову не приходил, но обойдемся без экспромтов. Заложники — это серьезно, это шумиха и телевидение, а мою рожу светить категорически противопоказано. По пути я растер по куртке кровь, чтобы выглядело натуральней. Бойцы в черной форме, в шлемах с забралами и в бронежилетах перехватили нас у входа и оттащили в сторону. Рядом возник следователь в штатском, который тут же принялся снимать показания. Братья-моджахеды закурили. Сван, скрестив руки на груди, с интересом наблюдал за происходящим.

— Только и всего? — расстроился следователь, выслушав мой доклад.

Видать, ему хотелось славы и собственного портрета крупным планом в вечерних новостях.

— А разве этого мало? — Я изобразил на лице искренне возмущение. — Нас избили, ограбили и вообще!

Я благоразумно умолчал о том, что мои спутники — гости из-за рубежа. Уж следак клюнул бы на это быстрее байкеров.

Новак распорядился, чтобы к нам подвели Рыбачку, и подошел сам.

— Доигрался, Гордей? А ведь я тебя предупреждал. Решишь полюбовно — считай, повезло тебе. А нет... — Челюсти главного омоновца хищно сомкнулись, резче обозначились скулы.

Рыбачка посмотрел на меня так пронзительно и печально, что у меня защемило сердце. Но никак нельзя было иначе. Никак! Прости, Гордей...

Мы договорились полюбовно, следак вернул мне заявление, я тут же порвал его и сжег. А взамен потребовал у «Ангелов Зоны» четыре байка: два с колясками и два без. Я лично выбрал мотоциклы из длинного ряда у обочины перед баром, осмотрел и проверил, чтобы баки были залиты по максимуму. Еще две двадцатилитровые канистры я велел поставить в коляску. Подумав чуток, потребовал принести десяток фляг с «Хиросимой» — крепкой перцовой настойкой, от которой во рту бушует пожар. Без лекарства в Зоне долго не протянешь.

Рюкзак с флягами я принял из напудренных ручек Брунгильды, хозяйки «Зверя между ног». Она вышла из бара, чтобы презрительно плюнуть мне под ноги. Что ж, и я не привык цацкаться с этой здоровенной широкоплечей дамой. С некоторых пор неприязнь у нас взаимная.

— О, кого я вижу?! — Для того чтобы искренне скривиться, мне не понадобилось играть. — Киска, привет и пока. И спасибо за «Хиросиму».

— Не за что, она отравлена.

Сверкая глазами, Брунгильда обняла Рыбачку за плечи. К парочке неспешно подошел Эмир, смачно затянулся и выдул дым в лицо главарю байкеров. Рыбачка дернулся, кулаки сжались, но хозяйка злчного заведения не зря обхватила его за плечи. При ее комплекции, для того чтобы удержать пару таких, как Рыбачка, не надо даже напрягаться.

— Куртку хочу, холодно тут. — Черногорец не моргая посмотрел байкеру в глаза.

Холодно ему... Меня от этого запроса продрало так, что весь хмель выветрился, как и не было. Нет страшнее оскорбления байкеру, чем отобрать у него косуху с цветами банды. Смертельная обида гарантирована.

Гордей медлил. Он сжал челюсти, ноздри его широко раздувались, с шумом втягивая воздух. Эмир скорчил плаксивую мину и обернулся к Новаку — мол, как же так, мы договаривались, а этот патлатый и в ус не дует?!

Новак махнул омоновцам, что стояли чуть в стороне, держа на прицеле завсегдатаев бара. Бойцы вскинули стволы и дали очередь по неоновой вывеске. В стороны полетели куски пластика, посыпались осколки ламп. Но света на площадке перед зданием не стало меньше — врубилась прожектора, установленные на бронированных автобусах.

— Что ж вы творите, беспредельщики?! — Брунгильда так быстро помогла Рыбачке снять косуху, что тот даже пискнуть не успел.

Беспредельщики? Ну уж нет. В разговоре по телефону, а потом с глазу на глаз мне пришлось изложить Новаку суть наезда на «Ангелов». Капитан давно хотел разобраться с бандой, но ему нужен был повод. Да не просто какая-нибудь анонимка или наскок на ура, а *правильный* повод. Чтоб у людей, занятых в особом бизнесе Новака, не возникло вопросов. Чрезмерная агрессивность криминального авторитета — признак серьезного разлада в психике. А иметь дело с маньяком хлопотно. Что ж, я опять помог будущему депутату.

А он помог мне. Так что все честно.

Я взобрался на поллитровую «ямаху». Ключ провернулся легко, будто я воткнул его в манную кашу. Движок самурайского байка приветливо зарокотал. На сиденье старичка «эмтэшника» вскарабкался Эмир, на трофейной куртке красовалась крупная надпись «Angels of Zone». Его брат Душан оседлал стального горбунка, до переделки бывшего «ижом-юпитером». Оба родственника выбрали мотоциклы с колясками. Свану достался «харлей». Иначе и быть не могло. Мужчина в форме морской пехоты США верхом на корейском «хайсонге»? Это даже не смешно!

— Сенкью вери мач! — козырнул Сван то ли главарю «Ангелов», то ли капитану ОМОНа.

У меня акцент и то незаметнее, а ведь в школе я учил немецкий.

— Счастливо, капитан. У меня предчувствие, что скоро ты станешь очень знаменит. Знаменитее, чем папа римский.

Сказав это, я увидел, как напряглось лицо Новака. Небось что-то почувствовал. Поживете с наше у Зоны, погуляете по ней, и у вас появятся всякие противоестественные для человека способности.

А вообще, он правильно почувствовал опасность. С год назад на одной подпольной «ферме» Новака запечатлел на видео один безбашенный стрингер. Парнишка погиб, но накануне трагической кончины он пил пиво в «Звере между ног» и был так рассеян, что просто грех было не пощупать его карманы. Я тогда сидел на самой мелкой мели, которую только можно представить, и не гнушался ничем. Я стал владельцем весьма занимательной видеозаписи, а бедолага-оператор действительно не знал, куда делась флэшка и к кому посылать своих палачей...

Покачиваясь на ухабах в кузове трактора, я залил этот ролик на форум banditskaya zona, выставив завтрашнюю дату. Очень скоро новая тема появится в общем доступе и поклонники мужественного капитана смогут лицезреть его в новом качестве.

Да, я частенько бываю на этом форуме. Иногда закидываю легенды о Хозяевах или фотографии артефактов.

Хобби у меня такое. А что вы думаете, мы в Зоне только водку ведрами жрем и валим друг дружку очередями от бедра? Не-а, не так все просто. Не лешие мы, прелести цивилизации нам не чужды. По крайней мере, не чужды мне. У меня для этих целей есть отличный нетбук, портативный и удобный.

Я отвернулся, зная, что Новак сейчас отдаст приказ людям в черном и те примутся грузить задержанных в автобусы, а затем перевернут вверх дном весь бар. Так и случилось. Новак махнул рукой, его игрушечные солдатики масштаба один к одному приступили к операции. Брунгильда запричитала насчет того, что как же так, они ведь договорились, на что капитан ответил ей, что она договорилась с Максом Краем, но не с ним. Он, капитан Новак, с преступниками переговоров не ведет.

Дальше я не слушал, дальше я катил на байке прочь.

Все верно, «Ангелы Зоны» дали откупного мне и моим товарищам по несчастью. С капитаном Новаком соглашений они не заключали, я готов подтвердить это под присягой.

Мне показалось, или ветер действительно донес до меня проклятия Изабель, которая изо всех сил вырывалась, когда ее сажали в бронированный автобус?...

Мотоцикл Эмира ревел, как стадо припять-кабанов, поднятых гоном и с разбегу влетевших в мясорубку. С глушителем надо будет что-то сделать, не годится в Зоне так шуметь. Надо, надо, и это надо, и то... Но с мотоциклом я разберусь чуть позже, сейчас есть дела поважнее.

Я балдел от скорости, звездного неба над головой и смеси адреналина и алкоголя в крови. Я уверял себя, что нельзя было просто заявиться к Рыбачке и попросить мотоциклы напрокат. Если что-то не заладится, на Гордея обязательно выйдут серьезные люди, заказавшие культпоход в Зону. Я должен был организовать все так, чтобы к банде не было претензий — «Ангелы» в этом раскладе потерпевшие. А помочь осуществить задуманное могли только менты. Вот и помогли. Но и Рыбачку оставлять без средств к существованию я не хотел, поэтому слил Новака, который слишком круто пошел в гору. Быстрые взлеты — плохая примета.

Рыбачка и его товарищи отдохнут в обезьяннике, а завтра будет уже не до них. Завтра начнется спектакль поинтереснее. Но главное, завтра мы, каратели, будем уже далеко в Зоне, и Рыбачка вряд ли станет нас преследовать. В любом случае сутки в запасе — серьезная фора.

Я умею найти аргументы, чтобы убедить свою совесть, что она кристально чиста. Вот только спокойно уснуть сегодня вряд ли получится...

Мотоцикл Эмира ревел чуть впереди, Сван то и дело оглядывался назад, высматривая отставшего Душана, а я пялился на разметку дороги, подсвеченную фарой «ямахи»: штришок, пробел, штришок, пробел — и так без конца...

Когда изо дня в день видишь в небе только силуэты ворон, начинает казаться, что вопрос насчет курицы и яйца сформулирован неверно. Какая курица? Ворона! Ворона была, есть и будет. А куриц в Зоне нет. Вот так вот...

Какие только глупости не придут в голову после стаканчика «Хиросимы».

Глава 6. Баба Надя

Отъехав пару-тройку километров от «Зверя между ног», мы сбавили скорость и свернули на проселочную дорогу, тянувшуюся вдоль лесополосы. Перед прорывом в Зону надо было заскочить к бабе Наде, маленькой сухонькой женщине лет семидесяти, у которой мы оставили припасы и Ворона. Припасы — консервы, хлеб, колбасу, воду, водку, плащ-палатки, ножи, лекарства и прочее — мы купили у нее же. Изрядно переплатили, конечно. Зато я мог поручиться за качество. Просроченные продукты и китайский ширпотреб баба Надя не продавала по идейным соображениям. А я весьма ценил уверенность в том, что посреди Зоны у меня не скрутит живот и не сломается лезвие ножа, которым я отбиваюсь от своры слепых собак, потому что автомат заклинило.

Кстати, о собаках. Стоило только въехать во двор дома бабы Нади, заглушить движки и слезть с мотоциклов, как на нас, громко лая, накинуся кавказец Джульбарс — зверь размером с хорошего теленка. Я знал, что он не кусается, если стоять на месте и не делать резких движений.

В небе висела полная луна, в окне дома за шторами горел свет. Если бы не рычание пса, была бы настоящая сельская идиллия. Даже не верилось, что Зона совсем рядом.

— На обратном пути заглянете? — спросила баба Надя, близоруко прищурившись.

Старуха стояла на пороге своего одноэтажного кирпичного дома и не спешила пригласить нас внутрь, хотя обычно она тут же отзывает Джульбарса и норовит напоить гостей травяным чаем.

— А то, — не моргнув, пообещал я. — Заглянем, да.

Кем баба Надя была раньше, не знал никто. Седые волосы она заплетала в толстую косу, обернутую вокруг головы. Носила длинные платья до пят и крупные красные бусы. В молодости, должно быть, пользовалась популярностью. Но это все лирика. Куда больше сейчас меня занимал Джульбарс, который щерился в метре от моих ног. Пес лег на землю, преградив путь к крыльцу.

— Собачку отзовешь? А, баба Надя? Заберем наше добро, скажем спасибо и помчим в голубую даль.

— Да куда ж вы поедете по темноте? Никуда не пушу! Места всем хватит. Поспите, а с утра в путь-дорожку.

Из-за спины бабы Нади показался Ворон. Сначала я даже не узнал его: лицо сталкера скрывал капюшон спортивной куртки, на груди которой было вышито «District 9». Я рефлекторно потянулся за оружием — и заскрежетал зубами, не обнаружив ПММ за поясом. Я сто раз уже мог обзавестись оружием, но Сван был настроен категорично: стволы получим только в Зоне, не раньше.

Осторожно отодвинув хозяйку, Ворон спустился по ступенькам и, наклонившись, потрепал Джульбарса по загривку. Пес радостно заскулил.

— Чего стоите? Мы с бабой Надей стол накрыли. Заходите.

Я посмотрел на Свана и пожал плечами. Мы уже обсудили, что соваться в Зону ночью — чистое самоубийство. Я предложил перекантоваться до рассвета в небольшом леске у Периметра, командир дал добро. А вот на приглашение сердобольной старушки я никак не рассчитывал. Что ж, вполне приличный вариант. Лучше, чем спать на земле. Весна ведь, не июль.

Пока мы добывали транспорт, Ворон с толком провел время у бабы Нади. «Он посторожит купленный товар, пока мы решим пару-тройку вопросов», — сказал я

старушенции, перед тем как отправиться в «Зверя между ног». Она обиделась — мол, сроду чужого не брала, за кого, Максимушка, ты меня держишь.

Известно за кого. У бабы Насти обширные связи среди мародеров и бандитов этого сектора, примыкающего к Периметру. Потому и товарный запас у нее не иссякает: пополнения регулярны, приличных вещей, лишь чуть измарианных кровью, богатый ассортимент. Ее домик стоит в стороне от трассы, соседей нет вообще, а ворота не закрываются ни днем, ни ночью, как бы намекая, что любому бродяге здесь рады. Особенно если бродяга при деньгах. Так что дом бабы Нади по праву считался первоклассным бутиком среди такого отребья, как я.

Нет, серьезно, а где мародеру прибарахлиться? Где бандиту носки купить? В любом магазине, на каждом углу во всех номерных Чернобылях висят наши фасы и профили. Не к Сидоровичу же ломиться за куском хлеба? Барыга, чтоб ему пусто было, с нашим братом сотрудничать отказывался наотрез.

Среди секонд-хенда, предложенного бабой Надей, каждый из нас мог выбрать одежду по размеру. И хоть Сван уверял, что Кажан все необходимое спрятал в схроне на краю Зоны, мы взяли спальники, пару упаковок сухого спирта, моток веревки и два топора.

— На Кажана надейся, а сам не плошай, — невесело пошутил я.

Ворон кивнул. Ему тоже не очень-то верилось, что Кажан все сделал как надо. Начальничек в Зону не ходит, откуда ему знать, какая снаряга нужна, чтобы выжить среди мутантов и аномалий?

От травяного чая я отказался. Не люблю смеси, благоухающие так, словно в чашку налили вскипяченного одеколona.

Не считите меня сентиментальным, но я никак не мог забыть лицо Рыбачки, когда Эмир потребовал у него куртку. Однажды Рыбачка спас меня, а я... Короче, кусок в горло не лез. Но я не привык пренебрегать угощением: сделав вид, что усердно жую, парочку румяных пирожков с капустой спрятал в карман куртки. Завтра съем, когда совесть успокоится. А она таки успокоится, ибо голод всегда сильнее совести.

Меж тем атмосфера за столом царила благостная и непринужденная. Ворон рассказывал анекдоты — по мне, пошловатые, но все хохотали. Со стороны глянешь — прям умиление одолевает: будто старые друзья собрались, давно не виделись, вот и затеяли треп о том о сем. Но мы не были друзьями, а Ворона я мог бы назвать врагом. Кстати, очень странно, что баба Надя его не узнала...

Скоро сталкер начал заговариваться, глотать слова и смеяться до того, как закончит шутку. Остальным это вовсе не мешало наслаждаться его чувством юмора. Соображая, что же происходит, я делал вид, что поддался общему помешательству. Надеюсь, получалось это у меня лучше, чем выказывать благодарность майору Кажану. А потом Ворон, который выхлестал три чашки чаю и съел штук семь пирожков, вдруг побледнел и свалился лицом на стол, будто не горячую воду пил, а литр водки в себя заправил. Самое забавное, что это вовсе не смутило моих коллег по несчастью. Они продолжали смеяться и нести полную чушь. Причем черногорцы перешли на родной язык, обращаясь к окружающим с таким видом, будто мы их очень даже понимаем.

Эмир вырубился следующим. Затем — Душан. Я решил, что вряд ли играю так уж хорошо, поэтому растекся по спинке стула и закрыл глаза. Сван держался дольше всех, а баба Надя вообще вела себя как обычно.

Пришла и очередь Свана: пробормотав что-то о своей бывшей жене, то ли ругая ее, то ли признаваясь в любви, он сполз на пол и засопел на паркете-«елочке», блестящем от лака.

Баба Надя тут же встала из-за стола и кинулась к двери — резвая старушенция, время обошло с ней благосклонно. Щелкнул замок, бухнула в прихожей тяжелая поступь. В крохотную щелочку между веками я увидел, как в комнатушку ввалились трое в камуфляжных куртках с меховыми воротниками, в сапогах и шапках-ушанках. У одного в руках был автомат. Остальные не были вооружены — похоже, они ничуть не сомневались, что в этом доме сопротивления им не окажут. И Джульбарс не залаял — значит, гости постоянные, в доверии.

Окинув комнату мутным похмельным взглядом, автоматчик прислонил оружие к стене и, столкнув Ворона на пол, уселся на освободившийся стул.

— Пить — спасу нет, — прохрипел он.

— Так хлебни чайку, — кивнул ему небритый мужик, от которого разлило потом, наверное, за километр.

Троица и баба Надя дружно расхохотались. Сквозь смех хозяйка добавила:

— И пирожком закуси!

Сван зашевелился. Перевернувшись на живот, он попытался подняться на локтях и опять плюхнулся, уткнувшись носом в паркет. Смех тут же стих. Небритый выверился на автоматчика:

— Чего расселся?! Я за тебя их валить буду?! Они оклемаются минут через десять...

Валить? У меня появилось нехорошее предчувствие. Баба Надя сдала нас банде отморозков, готовых убить человека за гроши, а то и вовсе от нечего делать. Мрази в наших местах хватает, куда только смотрит милиция. Эти бандиты явно живут только с того, что вывернут из карманов жертв. Уроды, убивать таких надо.

— Этот, что ли? — Небритый ткнул Свана сапогом в ребра. — Интурист?

— Не, — баба Надя указала на Ворона, — вон тот. Его отдельно. И свяжите покрепче. Он мне живой нужен, и чтоб не сбежал.

Пока пеленали сталкера, она торговалась насчет вознаграждения, которое ей причиталось за посредничество.

Тем временем я прикидывал, как бы извернуться и завалить стрелка. Чтобы решить вопрос малой кровью — исключительно чужой! — мне нужен автомат. Всего пять шагов разделяют меня и оружие. Но на пути — здоровенный детина, который от пощечины в обморок точно не хлопнется. Извечный вопрос: что делать, а?...

Небритый и баба Надя наконец согласовали, кому что причитается. Было видно, что они довольны друг другом. Слюнявя пальцы, небритый принялся отсчитывать долю скупщице краденого — баксы, извлеченные из портмоне Свана. Хороший кошелек, кстати. Из крокодиловой кожи. Третий визитер тем временем копался в карманах Эмира. Уж очень его заинтересовала куртка с вышитым на спине знаком радиоактивной опасности и крыльями летучей мыши.

— Пряма здесь кровь пустим? — спросил он и подмигнул автоматчику, который явно не спешил браться за работу. Похоже, это была еще одна дежурная шутка.

— Я те пуцу! — Баба Надя делано нахмурилась. — Весь паркет мне загадите!

Если этого не сделают отморозки, паркетом займусь я.

Вскочив, я схватил стул, на котором сидел, за ножку. Проорав что-то нечленораздельное, лишь бы ошарашить и выиграть долю секунды, я обрушил мебель на голову автоматчика, которого считал самым опасным из троицы. Я просто обязан был сбить его с ног, а вместо этого сам едва не упал — стул ушел в пустоту, автоматчик скользнул в сторону и ловко двинул меня кулаком в ухо.

Боль обожгла, на лице стало мокро от брызнувших слез. По инерции я шагнул вперед и, получив ногой под зад, пролетел еще пару метров и растянулся на полу.

— Что-то рано оклемался... — с любопытством посмотрел на меня автоматчик.

Для его габаритов — рост за два метра, в плечах чуть меньше — он двигался слишком быстро. Спортсмен, чтоб его. В зале каждый день грушу разминает руками и пятками. Что называется, околачивает.

Я медленно поднялся. Небось на меня уже наведен автомат и палец дрожит на спусковом крючке. Обернувшись, я приятно удивился, обнаружив АК у стены.

Спортсмен, похоже, решил позабавиться. На серьезного противника после пинка я не тянул, так почему бы и не размяться с живой куклой? Был я просто мясом, а стану отбивной... Он широко расставил ноги и сжал кулаки, примериваясь, как бы свалить меня так, чтоб красиво и без крови. Ведь паркет.

Заметив, что баба Надя таращится на меня так, будто увидела зомби у себя в постели, я обаятельно подмигнул старушке — та отшатнулась, губы ее задрожали. Что ж, нормальная

реакция, я удовлетворен. А вот небритый мне не понравился. Он с интересом наблюдал за мной и спортсменом, ожидая быстрой расправы. Интересно, как часто жертвы мародеров оказывают сопротивление под разделочным ножом?

— Если сейчас увидите, — сказал я как можно увереннее, — живы останетесь. Даже не покалечу.

Маловато было шансов, что отморозки испугаются и убегут, но всё-таки...

И вот тут мне стало не до теории вероятности — сапог спортсмена врезался в мою грудь, перебив дыхание и откинув меня к стене. Я ударился затылком, перед глазами будто врубили сварочный аппарат — сыпануло искрами.

Как пацана меня, как нашкодившего котенка! Я буквально заставил себя подняться — и чудом ушел от следующего удара ногой, который точно проломил бы мне череп. На излете я перехватил голень атакующего и тут же двинул каблуком в колено его опорной ноги. Играть в кошки-мышки я не планировал, поэтому пинком в висок добил спортсмена, ошалевшего от боли в сломанном суставе.

Не знаю, почему я подхватил труп и развернулся, но это спасло мне жизнь. Очередь из АК вошла в спортсмена. Заодно пули должны были продырявить и меня, но то ли спортсмен был слишком толстым, то ли еще что — на мне ни царапины.

Стрелял небритый. Теперь же, матерясь в клубах дыма, он тряс автомат, который заклинило. Спасибо китайским рабочим! Вот почему я поддерживаю отечественного производителя. В такие моменты отчетливо понимаешь, что лучше переплатить, чем умереть из-за того, что сонный азиат в третью смену забыл вернуть пару винтов.

Я отпустил тело, оно грузно осело на пол. Третий мародер, стащивший куртку с Эмира, кинулся на меня, выставив руки перед собой. Если он всерьез надеялся, что я буду стоять и ждать, пока холодные пальцы сомкнутся на моем горле, то он — наивный чукотский мальчик, как говорил ныне покойный Бегемот.

Я встретил его прямым в челюсть и шагнул к небритому. Тот уже смирился с мыслью, что автомат реанимации не подлежит, и потому решил использовать его в качестве дубины. От первого удара я уклонился, приклад свистнул в сантиметре от моего виска, а второго шанса раскроить мне череп я не даю, даже если меня об этом сильно просят. Плохая примета — если автомат заклинивает. От этого умирают.

Небритого я освободил от мирских проблем в одно касание — ребром ладони по кадыку. Мародер упал на колени и захрипел, лицо его посинело, изо рта полило. Что ж, я собирался обновить паркет в этом доме — и вот пожалуйста.

Добить того, кто, умирая, пытается утащить тебя с собой на тот свет, — необходимо. Иначе могут быть неприятности. Небритый выхватил из-за пазухи нож и ткнул им мне в бедро, чудом пропоров лишь штаны, которые, как и вся одежда, болтались на моих мослах, как тряпье на пугале.

Я уже замахнулся, чтобы навсегда успокоить отморозка, но не успел этого сделать. За моей спиной грянул выстрел. Голову небритого порвало в куски, забрызгав меня от подбородка до ботинок. На миг я застыл с поднятым для последнего удара кулаком — и резко отпрыгнул от обезглавленного тела. А напротив того места, где я только что стоял, второй заряд выбил из стены знатный кус обоев и штукатурки. Не глядя, как меня учили в банановом раю, я швырнул нож, которым небритый едва не сделал мне педикюр.

Нырнув за стол — или под него? — я тут же метнулся к темному коридорчику, ведущему к входной двери. Авось проскочу!

Не проскочил — споткнулся о труп бабы Нади. Сухонькие ручонки крепко сжимали внушительный черный винчестер. Лезвие ножа вошло старухе в грудь, на лице ее застыло удивление: как же так, отлично ведь задумано — одурманить гостей и взять свою долю. Даже Ворона ей аккуратно упаковали, хоть сейчас сдавай «долговцам»...

Сколько обещали за бранные останки сталкера? Много. Поверьте мне, очень много. А в случае поимки Ворона живым сумма премиальных утраивалась. Мне вдруг безумно захотелось плюнуть на свои планы. И хрен с ней, с тройной наградой — с трупом меньше возни. Не надо жадничать, один надрез ножом, и я — миллионер...

Ошейник — вот что меня остановило. Я знал, что Сван не шутил, предупреждая, что любая попытка избавиться от ОСП-3 приведет к летальному исходу. У меня на смерть особое чутье. А значит, надо растолкать командира, сталкера и черногорцев. Вдруг мародеров было больше трех? Наверняка они приехали на грузовике, а водитель остался в машине. Я разжал пальцы старухи. В дробовике еще четыре патрона, я могу потратить их на благое дело. Нож тоже пригодится. Хороший нож, отлично ложится в ладонь и, как выяснилось, для метания он — то что надо.

Выскочив из дому, я подарил один патрон Джульбарсу — отпугнул собаку выстрелом. Затем прочесал окрестности и таки нашел машину в полукилометре на дороге, что вела к бутику. В «газельке» никого не было. При обыске в кабине я обнаружил колоду порнографических карт, недопитую бутылку колы и початый блок сигарет без фильтра. Все это я экспроприировал — авось пригодится.

На миг возникла мысль пересест с мотоцикла на «газель», но я тут же отверг ее — дороги в Зоне с каждым годом лучше не становятся. Их-то и в советские времена нельзя было назвать автобанами, а уж сейчас... Где не проедут четыре колеса, там на двух уж как-нибудь сманеврирую.

Отличным сюрпризом оказался спрятанный в кустах старенький мотоцикл. Вот что значит облегчаться скромно, не у всех на виду. Если б я не сошел с дороги, чтобы слить дренаж, отряд остался бы без дополнительного байка. Ворон-то у нас пока что безлошадный. А везти его за спиной мне вовсе не улыбалось.

Вернувшись обратно на найденной «яве» (несмотря на потрепанный внешний вид, она вполне себе тарактелла), я обнаружил, что Эмир уже оклемался и задушил отморозка, которого я всего лишь отправил в нокаут. Байкерская куртка вновь вернулась к черногорцу.

— Остальным поможешь? — Я видел, что Эмиру плохо — лицо у него отдавало болотной зеленцой.

Убийца полицейских кивнул и занялся братом, который едва дышал. Сван захрипел и вновь попытался встать, оттолкнувшись от пола локтями. Ворон очнулся, должно быть, сразу после того как я отправился бродить по округе. Связанный, он лежал молча и избегал встречаться со мной взглядом. По всему — сталкер почуял мой особый настрой.

Я шагнул к нему, нож блеснул в руке.

Ворон дернулся, поджал ноги к груди и, выгнувшись, лягнул меня. Я почти что увернулся, зашипев от боли в боку, куда на излете угодили каблуки ботинок.

— Нормально все! Ты чего?! — Я присел рядом с Вороном и быстро разрезал веревку.

Нам предстояло нелегкое дельце в Зоне — каждый боец на счету, лишних нет.

Освободив сталкера и оставив его разминать затекшие запястья, я вышел во двор. Еще надо было повозиться с мотоциклом Эмира, чтоб ревел потише. Скулящий Джульбарс забился в будку.

* * *

Ночку скоротали в доме бабы Нади. Чтоб не мозолили глаза, трупы спрятали в погребе.

Карателям надо прийти в себя. Не то что ночью — при свете дня в таком состоянии идти в Зону никак нельзя. Пока мои коллеги совали пальцы в рот и ведрами хлестали колодезную воду, я осмотрел дом и нашел две большие кладовые, где скупщица хранила свой товар.

Здесь ожидали покупателей запаянные в полиэтилен блоки консервов, грудями были навалены одежда, инструмент, мешки с сахаром и крупами. Имелась даже полка с книгами. Я пробежался взглядом по корешкам: Хайнлайн, Саймак, Железны, Нортон... Покойница увлекалась классикой? Или какому-то интеллигенту не повезло — перебрался поближе к Зоне, чтобы грести деньги лопатой, да так и сгинул без вести?

Особо мне понравился арсенал, обнаруженный в тайной комнате, куда можно было попасть, открыв дверцу небольшого шкафа в углу. Чего тут только не было!... Не было, пожалуй, только межконтинентальных баллистических ракет. В углу стоял ПТРК «Фагот»,

рядом — древняя сорокапятка в отличном состоянии. РПГ, автоматы, винтовки, цинки с патронами и ящики с гранатами... Вот уж не знал, что баба Надя активно торговала оружием. Ну, блин, пенсионерка! Прямо коня на скаку и в горящую избу. Кстати, насчет горящей избы — мысль здравая.

— Сван, глянь.

Сван глянул и покачал головой, мол, я уже сказал — стволы получите в Зоне, не раньше.

— На Кажана надейся, а сам не плошай, — посоветовал я.

Короче говоря, нам было чем загрузить коляски мотоциклов. И только горизонт начал сереть, мы отправились в путь.

Отпечатки пальцев, прочие следы... Будь мы в Зоне, я не стал бы обращать внимание на такую ерунду, но мы были за Периметром. Здесь какой-никакой, но есть закон. Так что добавлять четыре трупа к своему послужному списку мне категорически не хотелось.

— Погодите. Забыл кое-что. — Я притормозил на половине пути к шоссе.

— Край, у меня пульт! — напомнил Сван, будто я мог забыть о его любимой игрушке. Пока он валялся без сознания, я судорожно вспоминал и считал, сколько времени прошло с момента последнего ввода кодов. И еще гадал, сможет ли командир после сильного пищевого отравления подтвердить наше право на жизнь. За три минуты до контрольного времени он смог. Почти как в кино, только циферок обратного отсчета не хватало.

Я вернулся к дому покойной бабы Нади и поджег его — на всякий пожарный случай. Но сначала выковырял из будки Джульбарса и снял с него ошейник. Пусть живет.

Запрыгнув на мотоцикл, я нагнал своих у выезда на трассу. И вдруг поймал себя на мысли, что люди на байках рядом со мной, опасные, способные убивать без угрызений совести, слишком быстро стали для меня своими.

Неужели я такой же, как они, а?...

Мне нравилось думать, что нет. Когда надо, я умею себя обманывать.

* * *

Паршивая дорога, мягче не скажешь. А если скажешь — совершь. Ее не ремонтировали уже лет двадцать, а то и больше. И хотя эти места считались чистыми, ветра приносили сюда осадки Зоны, от которых на асфальте блестели разноцветные лужи. Бесплатный совет: по лужам, если жаль обувь и ноги, не ходите.

— Эй, Край! — окликнул меня Сван и кивнул назад с намеком, что у нас проблема.

Я едва слышно выругался.

Ворон поставил «яву» на подножку. Гордый, одинокий, обиженный на всех и вся ковбой. Хотя сейчас на обложку глянцевого журнала.

Значит, отказываемся дальше ехать и следовать утвержденному плану? Ну-ну. Хотя это и понятно: сталкеру со стажем такое претило по определению. Развернув мотоцикл, я крикнул майору, что все улажу, не надо спешить. А то можно успеть наделать глупостей. Было видно, что командиру аж зудело отправить сталкера к праотцам, прабабкам и прочим родственникам вплоть до Адама. У этих двоих изначально возникла взаимная неприязнь. Но к чести Свана, он пересилил себя и убрал пульт в дерматиновый чехол, который носил под камуфляжной курткой на ремешке наискось через плечо.

— Тебе что, жить надоело? — Подъехав к Ворону, я протянул ему открытую пачку сигарет. — Угощайся.

Тот удивленно вскинул брови, но табачком из моих рук не побрезговал.

— Ты ж не куришь. — Щелкнула бензиновая зажигалка, сталкер жадно затянулся.

— И тебе не советую. Жить надоело? Ну, оно и правильно, столько лет от всех убегать...

— Да что ты знаешь! — вдруг выкрикнул Ворон мне в лицо. Он мгновенно побагровел, на скулах вздулись желваки. — Что?! Ты?! Знаешь?! А?!

— Знаю, что ты отряд свой в Зоне положил. За хабар, — спокойно ответил я, прикидывая, что, если Ворон дернется, надо бить наверняка, не давая возможности ответить.

— Во-во... — Сигарета плясала в пальцах сталкера. — Так оно и было, а как же! Я — всех! А кто ж еще? Нашли себе чудовище, монстра, тля, отпущения...

Меня передернуло от его слов. Я не судья в мантии, мне не нужны показания свидетелей, экспертизы и клятвы на Библии. Ложь я всегда остро чувствовал и потому знал: сейчас Ворон говорит правду, а говорит он...

— Слышь, Ворон, так это не ты?

— Не я.

Сказано было просто, без надрыва. Накипело у мужика за много лет, он выплеснул и сразу успокоился. Привык жить со своей бедой, давно смирился, а вот — прорвало. Я представил себя на его месте и поежился. Вряд ли я столько протянул бы. Тем бандит от сталкера и отличается, что по краешку ходит, подбирая объедки, брошенные ему Хозяевами Зоны. А сталкер идет куда хочет и берет что может. Потому Хозяева сталкеров любят, а сброд презирают люто. Откуда я это знаю? А вот знаю, и все.

Тлел табак, светало, а мне вдруг захотелось вернуться в детство и все исправить. И не пойти на тот урок географии, сдать экзамены в институт, и пусть жлобы до смерти избили бы ту девчонку... Был бы я тогда далеко-далеко отсюда: ужин, разогретый женой, водка после получки, сын учится играть в футбол... Жаль, сквозь годы нельзя вернуться...

А ведь все просто. Если б на Вороне была вина за отряд и войну кланов, Зона давно похоронила бы его. Странно, что эта мысль пришла мне в голову только сейчас. Странно, что, кроме меня, никто до этого не додумался. Наверное, так проще: назначить виноватого и натравить на него всех псов, какие только есть.

— Не ты? — повторил я, непроизвольно симитировав манеру Кажана. — А кто ж тогда?

Ворон пожал плечами и щелчком отбросил окуроч.

Глава 7. Миротворцы

Приятно иметь дело с российскими миротворцами. Москва далеко, а Зона до Кремля если и дотянется, то не скоро. И потому эти парни относятся к службе без фанатизма. С ними можно договориться, расценки божеские.

У меня как у постоянного клиента есть «годовой абонемент» на посещение зараженных территорий. Надо только решить вопрос насчет «одноразового пропуска» для моих спутников.

Интересно, чем меня обрадует дежурная смена поста №12 Второго заградительного кольца? В последний раз, когда я был здесь проездом, воины играли в футбол. В предпоследний — устроили чемпионат по нардам. А что сегодня? Скоро узнаем. Лучше один раз увидеть, чем всю дорогу гадать.

— Точно пропустят? — засомневался Ворон, которого я еле уговорил не дурить и ехать за мной.

— Точно! — побожился я, мысленно сплетая крестом два пальца. — Нормальные ребята, я только через них в Зону и хожу.

Ворон прищурился и покачал головой. Что ж, это вполне предсказуемая реакция. Среди сталкеров бытует поверье, что ходить по одному и тому же маршруту — смерти подобно. Нельзя повторяться, ведь Зона постоянно меняется. А следовательно, проверенные тропы — самые опасные. Как бы то ни было, я уговорил Ворона. Майору пришлось спрятать свой пульт. Извини, командир, не сегодня.

И вот мы у Периметра.

В этом секторе он состоит из двух контуров. Наружное кольцо — толстая бетонная стена высотой в пятнадцать метров. Внутреннее заграждение — пять рядов колючей проволоки, установленных через метр. Причем ряд, который у стены, под напряжением.

Мой респект генералам в Белокаменной. Так и надо: дорого, массивно, зато по максимуму защитили своих людей. Это вам не трехметровые вышки вдоль штакетника, на который без конца прут зомби и который проламывают кровососы по пять раз в сутки.

У натовцев тоже защита по высшему классу, но с ними разговаривать не о чем. Они взятки не берут. У них оклады с премиями такие, что ничего достойного я предложить им просто не в состоянии.

Метров за пятьдесят до блокпоста мы заглушили движки. Дул легкий утренний ветерок. Из-за мешков с песком торчал ствол пулемета, установленного на треножнике. Незваных гостей здесь принято сначала расстреливать, а уже потом интересоваться, есть ли у них паспорта и какова цель визита. Обычно у поста скучали двое-трое бойцов, но сегодня никто не попросил нас обратиться к чертовой бабушке.

Мне это сразу не понравилось.

Что за ерунда? Езжай к шлагбауму, поднимай его, толкай мотоцикл через карантинную полосу и жди, пока откроется шлюз с этой стороны. Потом — пока закроется, далее — пока сервоприводы поднимут наружную бронеплиту, чтоб можно было промчать по коридору, ведущему за пятикратную колючку. И за что я деньги плачу, а? Ведь у меня абонемент. С каких это пор у нас самообслуживание?!...

А если серьезно, то пост №12 по штатному расписанию должны охранять тридцать воинов-миротворцев. Бедолаги, конечно, скучают неимоверно, потому как заняться тут нечем. Через стену ни одна зараза не перелезет. А до ближайшего населенного пункта пятнадцать километров — в самоход не сбегает. То есть ни самогона, ни девок. Прямо не служба, а сущий ад.

И вот эти тридцать бойцов вечно слонялись у КПП, курилки и возле казармы. Территория поста даже забором не обнесена. Так что хоть кто-то, но должен был засветиться перед нашими глазами. Но — пусто. Что-то здесь не так...

Раз в неделю, по вторникам, из Чернобыля-5 приезжает грузовик, который доставляет еду, воду, почту и сигареты. А сегодня у нас среда. Так что ЧП случилось недавно, иначе здесь толклись бы уже проверяющие всех мастей, менты и телевизионщики. Не далее как сутки назад все было в норме. А потом...

— Эй! — крикнул я. — Есть кто живой?!

Тишина в ответ.

— Сван, ты бы стрельнул, что ли? — подал идею Ворон. — Может, спят еще?

Командир на мгновение задумался, кивнул и вытащил из кобуры кольт М1911, который ему вручили для правдоподобия образа. Правда, в Штатах этот пистолет давно уже снят с вооружения...

Сван поднял кольт над головой, но выстрелить не успел.

— Чё надо?! — донеслось от КПП.

Рука Свана так и застыла вверху. Потенциальный противник видит нас, но мы не видим противника. Поэтому следует воздержаться от резких движений, чтобы не спровоцировать огонь на поражение.

— Чё надо?! — вновь крикнули из-за кирпичного дома, узкие окна которого правильной называть бойницами.

Знакомый голос. А раз знакомый, мою образину представлять не надо.

— Это я, Край. Со мной четверо друзей.

— Привет, Край. — На дорогу вышел шуплый воин в мятой форме и, поднырнув под шлагбаум, неспешно двинул к нам. На носу его поблескивали линзы очков в тонкой оправе, лицо поросло рыжеватой щетиной.

— Здравствуй, Дима. — Я вспомнил имя воина. — Что-то тихо тут у вас. Нормально все? Куда народ подевался?

— Закурить есть? — проигнорировал мой вопрос солдат-контрактник Дима, который торчал на посту №12 уже третий год, если мне не изменяет память. А ведь он питерский интеллигент, отец двух сыновей.

Вот скажите мне, какого рожна этот очкарик поперся в другой конец бывшей империи? Чтоб целыми днями паяться на стену Периметра и впитывать организмом радиацию и разбавленный спирт? Ему как старожилу разрешалось заказывать выпивку водиле «ЗИЛа», но на этом все привилегии заканчивались.

Я протянул Диме пачку. Тот взял, достал сигарету, остальное сунул в верхний карман камуфляжа. Возвращать табак в его планы не входило, как и в мои — требовать пачку обратно. Это ритуал: попросить закурить. Абонемент абонементом, а мелкие подачки никогда не помешают.

— Нету никого, уехали. Только я да Врочек еще. Дрыхнет он.

— Уехали? — удивился я. — Куда?

Сзади послышался рев мотоциклетного движка. С узкого плеча миротворца десантный АКСУ мгновенно переключался в руки. Уверенным движением Дима снял автомат с предохранителя. Я обернулся и махнул своим — мол, не дергайтесь, я позову, когда пора будет.

— Куда-куда... Ясно куда, в город. Вчера Василь на «ЗИЛе» был, жратву скинул, бойцов с Шакалом нашим забрал.

Шакал — прозвище лейтенанта Наумова, высокого, как дядя Степа. Мужик он обстоятельный, даже слегка флегматичный. Так что с ума сойти не должен был. Но ведь снял с поста весь личный состав, за исключением двух бойцов, и покинул место расположения части. Это или безумие, или преступление — оставить целый сектор Периметра без охраны.

— Приказ был? — тихо спросил я. — Сверху?

— Не-а. — Дима щелкнул зажигалкой и втянул в себя дым. — В больничку надо было, анализы сдать. А то мало ли...

Больница, анализы? Я похолодел от мысли, что какая-то болячка проникла из Зоны на чистые территории. Мозговая эпидемия?! И Наумов уже заразился, раз такое чудит?!...

И вот тут Дима добил меня окончательно:

— Хочешь, снарка покажу?

* * *

Он был еще жив, этот снарк.

Его распяли за КПП на сетке панцирной кровати, обвязав конечности колючей проволокой.

— Чтоб не расслаблялся, гаденыш, — пояснил Дима, смачно затягиваясь и щуря глазки за линзами очков.

Я смотрел на растерзанное тело и удивлялся, что оно еще дышит. Похоже, его били прикладами. Из груди торчали осколки костей, одежда превратилась в ломкие лохмотья ржавого цвета. Зато обезболивающим мутанта накачали так, что оно аж в глазах у него плескалось. Потому и жив был до сих пор, что не соображал, на каком он свете и что с ним происходит.

Говорят, стопа снарка состоит из многослойных сухожилий, оплетающих крепчайшие кости. Именно благодаря особому строению нижних конечностей снарки и прыгают на большие расстояния. Многие верят, что стопы снарков приносят удачу и обладают чудесными свойствами. По мне, все это бред. Да, ученые неплохо платят за части тел некоторых мутантов. Ну так в свое время отцы демократии башляли за уши индейцев, а позже — вьетнамцев. Плоть мутантов нужна академикам исключительно для препарирования и опытов. На этом все чудеса и заканчиваются.

— Откуда он у вас? — Я привык ко всякому за годы в Зоне и повидал грязи без меры, но тут даже меня покорило.

— Завелся. — Дима пожал плечами. — К нам его с номера одиннадцатого перевели. Дух паршивый, неужился там, «деды» его чморили. Короче, пацан еще, после присяги только. Ну, мы его особо не прессовали. Так, как всех. А потом глядь на него через неделю, а у него что-то с рожей не то. Я ему: «Ты чё вообще?». А он: «Не знаю, мне к доктору надо,

болит очень и не заживает». Я ему: «Ты чё, дурак? Тебе, может, и медсестру надо в белом халате? Какой доктор, спрячь свою образину. Вон, хотя бы противогаз надень». Он так и сделал. Вот тогда мы и увидели, что он snork. Прикинь?

Дима поправил пальцем очки на носу и печально вздохнул, предлагая посочувствовать тяготам армейского быта: вот так вот служишь-служишь, а среди своих snork завелся.

— Ну пусть. Но зачем его?... — Я с трудом протолкнул ком, застрявший в горле. — Били зачем? Секреты Зоны выведать хотели?

Дима повернулся к распятию и опять пожал плечами:

— Не знаю, я выпил вчера. Очень расстроился. Без меня это уже. Наверное, Наумов приказал, чтоб другим неповадно было. Сам знаешь: дисциплины не будет — все snorkами станут, дай только слабину.

Я медленно кивнул. Это уж точно: дай только слабину... Иногда мне кажется, что люди под влиянием Зоны превращаются в дикое зверье. Или Зона здесь вовсе ни при чем?...

Назначить салагу мутантом — это что-то новое. Массовый психоз, блин. А Наумов, значит, повез бойцов, чтобы сдали анализы на предмет выявления затаившегося врага. Угу, пись-пись в баночку — и сразу станешь человеком.

— Здоров, Край. — Ко мне неспешно подошел не высокого роста крепыш по прозвищу Врочек.

Он призвался из Нижневартовска, и ханты или манси среди его предков, судя по роже, числились. Нынче эта рожа опухла от чрезмерного употребления алкоголя.

— А это у тебя что? — Врочек поставил на землю бутылку «Московской», содержимым которой поправлял здоровье.

— Где? Вроде ничего... — не понял я.

— Ничего? А мы сейчас проверим. — Он хлопнул меня по карманам кожанки и заразительно улыбнулся: — Что это, само завелось?

— Это пирожки, — взглянул я на два печеных куска теста, о которых совсем забыл. — Не само, я положил, но...

— Конфискуем! — заявил Врочек. — Еще раз попытаешься утаить что-то, и я не знаю, что я с тобой...

Мальчишка зарвался. В другое время я преподавал бы ему урок. Но сейчас я поспешно закивал, уверяя, что такого впредь не повторится, прости, брат, бес попутал.

— Свободен.

Я хотел предупредить, что пирожки есть нельзя, что они — чистая отравка, но...меня вдруг накрыло.

Я так это называю — накрыло.

Я знал, просто знал, что сейчас в ментовской вотчине творится черт-те что. С начала первого ночи ролик в Сети. Не дожидаясь группы захвата, Новак отчалил в теплые страны. Его теневые доходы позволяли содержать собственный самолет, и именно сейчас аэробус поднимался в небо над Борисполем. По сути, я сделал доброе дело, отправив доблестного омовца в бессрочный отпуск на тропический остров. Только там он мог спокойно потратить свои бесчестно нажитые миллионы.

Я вдруг отчетливо увидел Рыбачку, трезвого и потому злого. Он требовал адвоката и грозил разогнать этот шараш-монтаж к такой-то матери. Слушая его, следовательно краснел, бледнел и обещал решить вопрос в кратчайшие сроки. Оказывается, санкции на арест гражданина Юрьева нет и не было. «Это произвол! — вопил Рыбачка. — Об этом безобразии скоро узнает весь мир!». Следовательно едва стоял на ногах, так и норовя свалиться в обморок. О безобразии капитана Новака мир уже наслышан. А вдруг есть компромат на него, на следователя? Тяжело ковыряться в грязи и не замарать рук.

Напоследок Рыбачка добил служивого тем, что мотоклуб зарегистрирован как религиозная община «Ангелы небесные». И он, Гордей Юрьев, является духовным пастырем заблудших душ. А раз вся община за решеткой, да еще и без санкции, налицо религиозная дискриминация...

Я улыбнулся: Рыбачка не пропадет, а следователя не жаль. Где вы видели беглых эзков, которые жалели бы ментов? Так вот я не исключение.

— Хватит скалиться! Ты меня нервируешь! — Врочек за один присест откусил полпирожка и проглотил, не прожевав.

Внезапно я понял, что надо делать.

— Короче, мужики. Со мной тут люди... Два по полста за счастливый билетик в оба конца. Можно в салон для курящих, не проблема.

Общение на фронтире — это вязь из кодовых слов, для постороннего уха малопонятная. Я предложил сто евро за проезд в Зону и обратно и довольно грубо велел решать быстрее, иначе мы попытаем счастья у поста №11.

Похоже, пирожок начал действовать.

— Не, ну чё так сразу? — промямлил Врочек. — Согласись, два по полста — это оскорбление достоинства российского миротворца. Да мы, открывая шлюз, солжары на вдвое дороже спалим!

Я улыбнулся. Если начался торг, все будет как надо. Есть у меня такая примета.

— Два по полста — это мой взнос в фонд твоей будущей квартиры, верно? А солжара казенная, еще привезут... Сигарет надо? И две фляги «Хиросимы»? Угощаю, если что...

Услышав о флягах, Врочек вмиг подобрел лицом. Ни за какие деньги здесь не купишь выпивки аж до следующего вторника.

— По рукам!

Я обернулся к Диме. Есть ли у него возражения? Дима лишь скромно пожал плечами. Всё-таки питерский интеллигент. Потомственный.

Челюсти его меланхолично пережевывали пирожок, которым поделился товарищ.

* * *

— Дай флягу! — потребовал я у Душана.

В коляску его мотоцикла мы загрузили все съестное, канистры с водой и лекарства.

— За рулем нельзя, — откликнулся черногорец. Братя удивительно хорошо разговаривали по-русски, вообще без акцента.

— Пусть меня в Зоне гаишник оштрафует, без проблем, — невесело улыбнулся я.

Душан неодобрительно покачал головой и кинул мне флягу. Я поймал, отвинтил крышку и хлебнул. «Хиросима» приятно обожгла глотку. Вот и проверю, отравлено ли пойло. Шутки у Брунгильды своеобразные, знакомство с Бегемотом и для нее не прошло бесследно. Лучше сразу выяснить, что и как, чем потом ослепнуть или вырубиться в шаге от аномалии.

Боль в голове чуток отпустила. После того как на меня накатывает, всегда ломит в затылке. Для меня алкоголь не развлечение и не способ забыться, но самое что ни на есть лекарство.

Миротворцы едва стояли на ногах. Яд начал действовать. Впрочем, эти парни уже сыграли свою роль. Я точно знал, что ключи от адских врат при них.

Врочек скрылся за дверями КПП, откуда крикнул Диме, что порядок, он готов. Дима засеменил к наружной бронеплите шлюза, на ходу вытащив из кармана нечто похожее на кредитную карточку.

Слева от ворот на небольшом постаменте возвышался второй приемник, прикрытый от непогоды козырьком. Обычно приемник — тумба вроде банкомата — охранялся вооруженным миротворцем, но по причине отсутствия кадров на «тумбочке» сейчас никого не было.

Диму резко повело в сторону, и я уж решил, что придется самому вставлять ключ в щель приемника и набирать сегодняшний пароль доступа (который, кстати, я не знал), но воин героически устоял на ногах. Он все сделал верно. Не оплошал и Врочек. Из труб котельной повалил дым, взревели сервоприводы. Бронеплита медленно поползла вверх. Система задействовалась автоматически, дальнейшее присутствие людей необходимо было

лишь для аварийного закрытия шлюза в случае ЧП. Надеюсь, аварий на сегодня не запланировано. Ни настоящих, ни учебных.

У нас было десять минут на то, чтобы миновать адские врата — так называли шлюз те, кто им регулярно пользовался, то есть бандиты и мародеры. Я махнул рукой своим спутникам. Мотоциклы сорвались с места.

— Сван, нам туда, — указал я на коридор, который заканчивался тупиком. — Везжайте, парни, и ждите меня, я скоро.

Хорошо, мой новый командир из понятливых — не пришлось повторять дважды, объясняя, что да почему. Душан заикнулся было о ловушке и что он туда ни ногой, но Сван выразительно потрогал выпуклость под курткой, где носил пульт активации ошейников. У черногорца сразу пропало всякое желание перечить.

А Дима уже едва стоял на ногах. Голова его поникла, очки повисли на кончике носа — вот-вот упадут под ноги и разобьются. А заменить их нечем.

— Дим, ты чего? — Я суетливо подбежал к миротворцу и усадил его на помост. — Ты это... отдохни, а я сейчас мигом за водой сбегая — тебе водички попить надо.

— Не на... — вяло отмахнулся Дима, лицо его побледнело.

— Надо-надо!

Отсчет пошел, скоро наружные ворота закроются, а я еще должен навестить Врочека и загнать мотоцикл в шлюз.

Врочек лежал на дощатом полу КПП, сжимая в одной руке ключ, а во второй открытую флягу, рядом с которой разлилась лужа «Хиросимы». Удивительно, но он так вцепился в ключ, что мне пришлось изрядно попотеть, прежде чем я сумел добавить «кредитку» к той, что позаимствовал у Димы. Ломать Врочеку пальцы не хотелось, поэтому процедура заняла примерно минуту времени.

— Край, скорее! — донесся до меня крик Свана.

Врочек храпел и посапывал, Дима свернулся на помосте, как грудничок, а я бежал к мотоциклу, зная, что наружные ворота уже опускаются. Споткнувшись на ровном месте, я растянулся в полный рост, ободрав щеку о мелкий гравий. Выругавшись, вскочил. Шаг, еще, еще... И вот я в седле, обтянутом потертой кожей!

С бака подмигнула мне ощеренная пасть дракона. До шлюза полсотни метров, а зазор между плитой и порожком все меньше и меньше. Мотоцикл взревел и... заглох. Что за черт?!

— Скорее, Край!!

Я знал, что командир уже вытащил из чехла пульт и набирает смертельную для меня комбинацию, решив, что я намеренно загнал группу в ловушку, а сам дезертирую.

Еще одна попытка завести мотоцикл окончилась ничем. Плохо, очень плохо. Вчера я слишком многим наступил на больные мозоли: менты мечтают со мной пообщаться, байкеры тоже не прощают обид. Я убил скупщицу краденого и сжег ее дом, что не прибавило мне популярности среди бандитов и мародеров. На гражданке кто-нибудь из моих доброжелателей обязательно достанет меня, только в Зоне есть шанс на спасение. И при всем этом мотоцикл не заводится, ворота опускаются и командир уже подписал мне смертный приговор!

Судьба вновь играет со мной в русскую рулетку.

— Край! — услышал я рык Ворона. — Давай!!!

Словно по его велению, самурайский агрегат очнулся. Протектор швырнул назад облако гравия и пыли. Байк сорвался с места, в секунды преодолев расстояние до шлюза.

В последнее мгновение, сообразив, что бронеплита опустилась слишком низко и столкновения не избежать, я сумел завалить мотоцикл на бок. По инерции его протащило под опускающейся многотонной громадиной, а вместе с ним и меня — уж я-то крепко вцепился в руль, чтоб не остаться снаружи.

Оказавшись в шлюзе, я отпустил руль и, кувыркаясь к стене справа, взмолился Хозяевам, чтобы байк затормозил сам по себе, а не врезался в другой мотоцикл. Только взрыва в замкнутом пространстве и не хватало ко всем моим бедам.

Голова кружилась, в глазах плыло. Но, встав на колени, я сумел разглядеть, что Душан откатил свой «юпитер» в сторону и переднее колесо «ямахи» лишь слегка зацепило коляску.

Я поднялся в полный рост, покачнулся. В этот момент ворота закрылись, громко чмокнули резиновые уплотнители.

Дело сделано. Без ключей здесь никто не пройдет. Если кто-то кинется в погоню за нами, ему придется мчаться к одиннадцатому посту. А это добрый гак в десять километров. Между номерами двенадцатым и одиннадцатым есть еще пост одиннадцать дробь два, но он не оборудован проходом в Зону, так что ловить там совершенно нечего. И вроде бы пустяк: какие-то километры. По шоссе доехать — раз плюнуть. А вот по Зоне...

Преследователям придется изрядно попотеть, чтобы назначить свидание группе Свана.

Глава 8. Шутники

— По сведениям Кажана, — прищурился командир, глядя на экранчик ПДА, — караван сейчас находится между Янтарем и Дикими территориями. Аналитики подсчитали, что ему понадобится около десяти дней, чтобы дойти до Припяти.

Я хмыкнул. Надо же, аналитики. Знаем мы этих шутников. Сидит при штабе какой-нибудь срочник, недоучка с мехмата или физтеха, и с умным видом вешает офицерам лапшу. А сам при этом поглядывает на экран персоналки, дожидаясь, когда от него отстанут, чтоб он мог прогуляться по любимым порносайтам. В общем, дней пять на все, не больше.

— Десять? — округлил глаза Душан. Он вообще оказался на удивление наивным парнем. — У нас тоже десять, а потом голова бум?!

— Бум, — подтвердил Сван. — Так что расслаживаться не надо. Это вредно для здоровья.

Я отряхнулся, поднял мотоцикл и оседлал его. Рука привычно потянулась за стволом, которого на месте не оказалось. Я молча заскрежетал зубами. А ведь грушник обещал выдать оружие, как только мы окажемся в Зоне.

Ворота шлюза медленно поднимались, явив взорам моих спутников кусок колеи, по бокам и сверху огороженной колючкой. А вот дальше нет защиты: как хочешь, так и сражайся с местным зверьем. В нашем случае — руками и зубами, ибо командиру вожжа под конфедератку попала.

— Оружие?... — От волнения голос у меня охрип.

Ворон сидел на своем мотоцикле ни жив ни мертв.

Он отлично понимал, что хоть мы и у самого Периметра, где безопасней, чем у Припяти, а все равно подобны кускам говядины в мясорубке — кто захочет, тот и провернет ручку, мы не сумеем помешать.

— Из шлюза выедем, у схрона Кажана остановимся, там и... — затянул привычную песню Сван, но тут в щель между бронеплитой и землей метнулась юркая тушка, покрытая коричневатой шерстью, а за ней еще одна, и еще...

Тушканы — твари достаточно редкие, я лишь однажды сталкивался с ними раньше. Нам очень «повезло» нарваться на стаю прямо в шлюзе. По мне, лучше сцепиться со сворой слепых собак, чем с тушканами. Сколько их тут?...

Мелкий, не по размерам смелый тушкан, не дожидаясь поддержки сородичей, прыгнул на Эмира. Легкое тельце пролетело метра три, прежде чем вцепилось желтоватыми клыками в рукав трофейной куртки. Зверь утробно зарычал и, повиснув, принялся дергаться и извиваться. Эмиру повезло; байкерская кожа оказалась крепкой, иначе монстр вырвал бы из руки кусок мяса. Хвост тушкана, точно обрезок медной проволоки, хлестал воздух и пару раз зацепил лицо черногорца — рассек ему щеку, лоб и едва не вышиб глаз.

Прочие звери, которых собралось уже десятка два, окружили нас и изготовились к атаке.

Плита невыносимо медленно поднималась. Из-под нее вылез вожак — крупный, в холке не менее полуметра, на боках складки жира. Остановившись, он качнулся вверх-вниз

на задних, будто подпружиненных лапах. Нос его нервно вздрогнул, по ощеренным клыкам потекла слюна — зверь почуял людскую кровь.

Каратели замерли, наблюдая за мутантами и надеясь, что авось пронесет. Только Сван, ругаясь сквозь зубы, возился с ремнями, которыми он закрепил на мотоцикле чехол с винтовкой.

Волок припал к земле и, подпрыгнув на месте, пронзительно заверещал — по его приказу мутанты тут же атаковали нас.

— Твою мечту! — Командир встретил прыгнувшего на него тушкана прикладом СВД. Зверю проломило череп, он упал, когти расцарапали почву в предсмертной агонии.

Оставив попытки стряхнуть с себя клыкастую тварь, Эмир вскочил с мотоцикла, положил на сиденье руку с вцепившимся в нее мутантом и навалился сверху. Кости зверька звонко хрустнули. Но даже мертвый мутант не разжал клыки. Так и повис на куртке черногорца.

Стоило Эмиру избавиться от одной напасти, как в тот же миг на спину ему запрыгнули сразу три тушкана. Эмир упал рядом с мотоциклом и принялся кататься с боку на бок, рассчитывая таким образом избавиться от зверья. И ему это удалось — двоих раздавил, третий отпрыгнул сам. Но черногорца тут же атаковали сразу пятеро монстров.

Не вставая с мотоцикла, я нанизал на нож тушкана, который решил позавтракать моим бедром. Еще одного я сбросил с плеча, он, приземлившись, прыгнул на меня вновь — и напоролся на острую сталь. Нож вошел в грудь мутанта и застрял.

Тушкан, еще живой, злобно щелкал клыками и пытался прокусить каблук моего ботинка, когда я, наступив на тварь, высвобождал лезвие.

Бронеплита ползла вверх со скоростью сонной улитки. Одно радовало: еще чуть-чуть, и можно будет под ней проехать.

Сван орудовал винтовкой как дубиной, он просто не успевал прицелиться — зверье двигалось слишком быстро и слишком близко. Я видел, как Ворон голыми руками задушил двух тушканов одновременно. Лицо его при этом оставалось невозмутимым, словно он разминал в ладонях хлебные мякиши для рыбалки. И только Душан наблюдал за всем со стороны, не принимая участия в сражении. Впору было удивляться спокойствию черногорца, ведь его родной брат катался по земле, пытаясь избавиться от насевших на него монстров.

Я никогда не играл в мотобол, и уж тем более я никогда не играл в мотобол живыми мячами. Что ж, частенько нам приходится делать что-то впервые. Движок «ямахи» взревел, задние колеса пошли юзом, когда я крутил мотоцикл на месте, далеко отставив ногу и пиная все, что посмеет приблизиться или оказаться у меня на пути. Эх, сейчас бы мне оченьгодились ботинки лейтенанта Бондарева!

И вот тут весомо заговорил «стечкин», плюясь гильзами. Это очнулся Душан. Убийца полицейских сообразил, что в коляске его «юпитера», помимо прочего, лежит целый арсенал, а Свану не до того, чтобы следить за сохранностью груза. В общем, родственнику нужна помощь — не чужой ведь, кровинушка.

Бил Душан метко, я даже позавидовал. В секунды он избавил нас от многих хлопот. А тех тушканов, по которым стрелять было нельзя из-за риска попасть в Эмира, я и Сван завалили ножом и прикладом соответственно.

Ворон в финальной расправе участия не принимал. Он под шумок изучал содержимое коляски, прикрепленной к мотоциклу Эмира. Среди канистр и фляг сталкер присмотрел себе М-16 под натовский патрон 5,56x45 мм. Пару цинков этих патронов мы захватили с собой.

Конечно, штурмовая винтовка больше подошла бы к костюмчику Свана, но и Ворон отлично смотрелся с ней в руках. Главное, на его лице читалась решимость ни в коем случае не сдавать оружие. Уж лучше сразу нажать кнопки на пульте, чтобы детонировал ошейник.

Бронеплита вошла в предельное положение наверху и медленно поползла вниз.

— Командир, не глупи. Без оружия в Зоне никак.

Пришурившись, Сван спрятал пульт в чехол.

— Разбирайте стволы и бегом из шлюза, — скомандовал он, направив «харлей» в коридор из колючей проволоки. Ворон последовал за ним.

Пока Душан помогал брату подняться, я вытащил из коляски его мотоцикла самый что ни на есть обычный АК. Уважаю отечественного производителя. Чтобы проверить работоспособность автомата, я дал очередь по мертвым мутантам, которых просто порвало в ключья. Значит, порядок.

— Чего долбишь?! — Лицо Эмира скрывала косметическая маска из грязи и крови.

Не разобравшись что почему, Душан навел на меня «стечкин». Рука черногорца подрагивала. Нервишки, знаете ли. Парень впервые столкнулся с фауной Зоны, а это особый опыт, ни с чем не сравнимый.

— Ну вы, блин, даете, — только и выдавил из себя я.

Душана успокоить не проблема. Я умею разговаривать с людьми так, чтобы они позабыли о глупостях. Но из-за ворот в меня целился майор, а Ворон вскинул М-16, приготовившись всадить в него очередь. «Зашибись, мальчики, вы развлекаетесь», — хотел добавить я, но не успел. Ворон открыл огонь.

* * *

Палец Душана на спуске «стечкина» дернулся.

Я, оглушенный выстрелом, застыл с открытым ртом и даже не сообразил вскинуть автомат, чтобы напоследок отомстить убийце. Самое время было подумать о вечном и о грехах. Но если я уже на небе, то почему оно так похоже на шлюз, ворота которого неуклонно ползут вниз?

— Не надо, брат! — Меня спас Эмир, который в последний момент толкнул родственника в плечо, сбив ему прицел.

Пуля вжикнула у моего уха. Повезло, Душан ведь стреляет на пять с плюсом.

— К выходу! Быстро! — рявкнул я, надеясь, что меня услышат сквозь грохот очередей из М-16, хлопки СВД и рев моего мотоцикла.

Слава Хозяевам, Ворон даже не пытался отправить командира к праотцам. Он стрелял в кого-то, кто находился за спиной Свана, вне зоны моей видимости. Майор, спрыгнув с мотоцикла и завалив его набок, присоединился к сталкеру. Вдвоем они вели интенсивный огонь, тратя боеприпасы так, словно у нас их вагон. Но зачем? Мутанты вряд ли полезут на колючую проволоку. Лишь кровосос способен преодолеть заграждение или крупная псевдоплоть.

Кровосос? Я вздрогнул. Но какой смысл тогда прятаться за мотоциклами, будто опасаясь получить заряд в ответ? Кровосос с дробовиком в лапах?... На то, чтобы представить эту нелепую картину, мне понадобилась доля секунды. А в следующий миг я оказался рядом с командиром и Вороном. И сразу понял, в чем дело.

Рядом со мной остановились мотоциклы братьев. Черногорцы тут же поддержали сталкера и Свана огнем. Я же поставил «ямаху» на подножку и снял с пояса флягу с «Хиросимой». После такого представления не грех вывести из организма пару-тройку радионуклидов.

Конечно, я видел ту же самую картинку, что и мои коллеги по оружию. То есть нечто огромное, напоминающее китайского дракона, каким его рисуют на импортных чашках.

Длинное змеевидное тело покрывала крупная золотисто-черная чешуя. От кончика хвоста к голове тянулся ребристый гребень, от которого рикошетили пули. Продолговатый череп с выпученными глазами венчали два выгнутых вперед рога. С клыкастой пасти свисали щетинистые отростки, вроде редкой бороды. Сама же пасть заканчивалась носом с дыхательными отверстиями и подвижными, словно дождевые черви, только в разы больше, усами. Четыре лапы когтили землю. Пасть открывалась и закрывалась, показывая мясистый красный язык.

Да уж, зрелище впечатляло. Не хватало только серного смрада и пышущего пламени.

Дракон эффектно поднялся на задних лапах, подставив пулям желтое брюхо. Хвост ударил по колючке, прорвав ее и смяв железные опоры, на которых она крепилась.

И ладно бы новички, но как Ворон мог купиться на этот фарс?...

Меняя магазин, он увидел, что я отвинчиваю крышку, и обомлел. Как же так, зверюга вот-вот сломает ограждение и нападет, а Макс Край заливается алкоголем, явно не собираясь присоединиться к боевым товарищам?!

Я подмигнул Ворону. В этот момент дракон рыкнул и удвоил старания. Не тратя время попусту, стalker перезарядил винтовку. Ему уже было не до меня — он стрелял в монстра.

Что ж, дело хозяйское. Остановить карателей я не мог. Зато мог попытаться утихомирить дракона. Резко выдохнув, я выпил. Отличная перцовка, спасибо Брунгильде. Прокашлявшись в кулак, я заорал что было мочи:

— Хорошо баловать уже! Заканчивай цирк!!!

Услышать меня сквозь грохот выстрелов, конечно, нельзя было. Но контролёр услышал.

* * *

Пару секунд каратели еще стреляли в пустоту. Потом, не сговариваясь, рассредоточились, озираясь по сторонам: враг сменил тактику, цель исчезла, и это было плохо.

— Ну и зачем?! — прокричал я, когда наступила тишина.

— Шутка, — пожал плечами Директор, приподнявшись из-за пригорка.

Отличное место, метрах в двадцати от того, где только что красовался дракон. Риск нарваться на случайную пулю минимальный.

— Уже и пошутить нельзя? — подхватил Малиц, заговорщицки подмигнув.

Надо ли говорить, что от дракона, который бушевал у ограждения, не осталось и следа, а само ограждение оказалось нетронутым? Надо ли спрашивать, куда делась могучая туша? И где хлопья пены, что роняла оскаленная пасть? Вот именно, это глупые вопросы, не стоит даже произносить их вслух.

Однажды я заставлю контролёра по имени Директор-Малиц навечно отправить меня в галлюцинацию, где нет Зоны, где все люди — братья и равны, а я — равнее всех, потому что у меня есть миллиард евро и архипелаг, населенный исключительно длинноногими мулатками. Когда-нибудь это точно случится, но не сейчас.

Сейчас я злой. Сейчас мне предстоит успокоить своих спутников. Ведь они порываются разорвать контролёра на части. Возможно, у них получится, но я очень сомневаюсь в успехе. Уж я-то точно не ввяжусь в драку. Хотя поживу чуть дольше коллег — до очередного ввода кода, который просто некому будет вводить.

— Это контролёр!!! — орал Ворон, безуспешно дергая спуск М-16.

То есть ему казалось, что он дергает спуск. На самом деле его штурмовая винтовка валялась на земле — Ворон сам ее отбросил и даже не заметил этого. И еще матерому сталкеру казалось, что контролёра можно пристрелить. У Директора своеобразное чувство юмора.

— Тише, парни. Все нормально, — выставил я перед собой поднятые руки. — Он просто пошутил, здесь такое бывает.

— Уйди, Край! Или ложись! — Сваи пытался поймать контролёра в прицел СВД.

Думаю, вместо нужной ему цели в перекрестье постоянно оказывался я. Потому что ствол винтовки все время был направлен мне в грудь. Директор хоть и показался в полный рост, но вовсе не желал подставлять Малица под перекрестный огонь.

Директор — тварь легендарная среди отребья Зоны, единственная в своем роде. Шутка ли, контролёр, страдающий раздвоением личности!...

Хмыкнув, Директор посмотрел на меня с легкой улыбкой, будто предлагая сказать что-нибудь приятное, ни к чему не обязывающее. Например, поздороваться или спросить о

погоде. И заодно сообщить собеседнику, что у него отличный камуфляж и застежка на подсумке с противогазом выше всяческих похвал.

Роста Директор, как и Малиц, был высокого — за метр девяносто. Лысая его голова так и просила, чтоб ее намазали маслом и натерли бархаткой. Мне нравилось думать, что это моя идея, а не внушение контролёра.

— Что принес? Рыбка есть? Красная? — Только что передо мной стоял Директор, а сейчас его заменил Малиц.

Момент перехода ловился четко. Лицо Директора поплыло, как горячий воск, и скомкалось заново. Спортивный костюм истаял серой дымкой, которая, уплотнившись, стала прорезиненным плащом химзащиты.

— Есть. Красная. Вот.

Череп Малица покрывает короткий седой ежик. Да и лицо у него круглее, чем у Директора, и смеется он иначе. Директор уверяет, что он из Москвы, Малиц — из Коломны. Две личности живут в одном контролёре. Это единственный контролёр, с которым я знаком. В конце концов, это же смотритель адских врат, а не фикус с бугра. Все, кто проходит через шлюз поста №12, обязательно натываются на Директора. Или на Малица. Все, кроме военных и сталкеров. Возможность узреть чудо и заплатить дань предоставляется только бандитам и мародерам. Называйте это двойным налогообложением, не ошибетесь.

Красную рыбу — консервы с горбушей в собственном соку — я протянул Малицу. При этом я старался не коснуться его пальцев. Нет, я не брезгливый, просто ходят слухи, что от смотрителя можно подхватить арбан саеш. Мародер, который рассказывал мне эту байку, так и не смог объяснить, что же это такое, но на всякий случай я осторожничаю. А что касается консервов, то не зря же я настоял на визите к бабе Наде. Гореть ей вечно в аду за то, что она пыталась с нами сделать. Встретимся на соседних сковородках, мадам.

— Что ты ему суешь?! Назад! Я сказал: назад! Стреляю! — Сван вдруг покачнулся, припал на одно колено и выронил винтовку.

Что ж, этого следовало ожидать. Очевидно, он всерьез намеревался угробить контролёра, тем самым убив меня. Мне просто повезло: тягаться с Директором-Малицем практически невозможно.

Принимая мзду, Малиц сделал нечто, смахивающее на реверанс, и преобразился в Директора.

— А мне? — Директор сейчас был похож на наркомана со стажем. Такое происходило каждый раз, когда я отдавал ему плату за безопасную тропу. Хотя что-то в Зоне остается неизменным.

Потрепанный томик Хайнлайна, название на обложке — «Дверь в лето». Это и была моя дань. С книгами у Периметра туго, а в Зоне совсем никак. В том-то и дело, что Директор — читатель запойный. Это знает самый последний падальщик в нашем секторе фронта. Хотя какой-нибудь журнальчик, хоть газету за прошлый год, но принести надо. Иначе через двенадцатые врата хода в Зону не будет.

Директор принял книгу, пальцы его дрожали, на лице застыла улыбка. Я понял, что угадал с подношением.

— Ну, удружил! — Директор прижал томик к груди.

— Ну, порадовал! — причмокнул от удовольствия Малиц, рассовывая жестянки по карманам.

— Только драконов больше не надо, — попросил я.

— А тушканов? — уточнили обе ипостаси контролёра одновременно.

— И тушканов, — кивнул я, с опозданием сообразив, что нападение мутантов было нереальным, наведенным на наши восприимчивые к внушению мозги.

— Но кровь по лицу Эмира текла настоящая...

— Да чего ты с этой мразью цацкаешься?! — Лицо Ворона побагровело от ненависти. — В расход его — и все дела!

Я давно заметил, что чем больше мутант похож на человека, тем сильнее его ненавидят. Пожалуй, контролёры в этом смысле на порядок обгоняют снорков. Дай волю сталкеру, он бы живым разрезал Директора-Малица на куски. Но воли-то как раз было маловато.

Надо утихомирить Ворона, пока чего не начудил. Или пока контролёр не разошелся. Глядя на добродушные лица ипостасей, никогда не подумаешь, что контролёр способен впадать в безумную ярость, но прецеденты бывали.

— В расход? — с сомнением протянул я. — А что нам с того расхода? Какая польза? Я вот никакой не вижу. А ты, Ворон, видишь? А командир? А братья из Черногории?

— Польза простая, — прошипел Ворон. — Чем меньше в Зоне мутантов, тем лучше. Всем.

Сван впервые был солидарен со сталкером. Эмиру тоже не терпелось отомстить за кувыркания с тушканами. Контролёр ясно сказал, что это он наслал зверье. «А сколько патронов зря потратили, когда в дракона долбили?» — так и читалось во взгляде Душана.

— Ну давай, чего хотел? — улыбнулся Директор.

Эх, рассказать бы коллегам, что нам жутко повезло. Что живы мы только потому, что нас незачем убивать. Директор без труда стравил бы карателей, заставив их рвать друг другу глотки. Малиц просто чуток побаловал. И я надеюсь, что дракон — лишь плод воображения контролёра, а не копия реальной зверюги, обитающей в глубинной Зоне и пока что неизвестной людям.

Но ведь не поймут.

— Нам бы зеленую тропу, — попросил я.

— Километр, одного, — ответил контролёр. — Больше не могу, сам знаешь. Давно не ходил дальше.

Пару минут под контролем мутанта — разве это плата за безопасный и, главное, быстрый проход по отрезку Зоны длиной в километр? Времени у нас не так чтобы много.

Эмир завел мотоцикл. Душан последовал его примеру. Черногорцы выглядели подозрительно спокойными. Зато Ворон продолжал давить на воображаемый спуск М-16, ничуть не удивляясь тому, что пули не достигают цели.

— Кого выбираешь? — подмигнул Директор.

— Кого, а? — Малиц вытащил из кармана консервный нож.

Я обвел карателей взглядом. Почуввав недоброе, мои коллеги замолчали. Ворон даже перестал «стрелять». Ведь я запросто беседовал с врагом рода людского и потому был куда страшнее контролёра. Макс Край — предатель, вот что думали обо мне.

— Он. Пусть будет он, — наконец выбрал я и завел «ямаху».

Я отдал контролёру Ворона. Мне спокойней, а мутанту все равно кем играть — новичком или матерым сталкером.

Мотоциклы неспешно катили по колее один за другим. В авангарде Ворон, замыкающий. Пока что можно было не опасаться аномалий и мутантов. Одного из нас контролёр проведет безопасной тропой. Остальным надо двигаться след в след.

Первым очнулся Сван. Его затрясло, по щекам потекли слезы, уши побагровели, будто ему вдруг стало стыдно. Типичные симптомы отходняка после столкновения с контролёром. Притормозив, майор странно посмотрел на меня. Похоже, он всерьез размышлял, а не избавиться ли от меня, пока не поздно. Потом отпустило братьев. Они обмякли, словно воздушные шарики на третьи сутки после праздника. И произошло это мгновенно — черногорцы чуть не свалились с мотоциклов.

В полусотне метров впереди колею перебежал лось. Выскочил, ломая густой подлесок, застыл на секунду и ушел на другую сторону, прокладывая себе грудью дорогу. Это хорошая примета — лось на пути.

Сохатого преследовала стая слепых собак — маленькая, всего пять голов. Двоих сняли командир и Душан. Остальные скрылись в кустарнике. Им просто повезло.

— Странные собаки, — сказал Эмир, притормозив у труп.

— Обычные, — проехал мимо я и крикнул так, чтобы слышали все: — С тропы не сворачивайте! Точно за Вороном ехать надо! Ни вправо, ни влево!

Все порождения Зоны ненавидят людей. Тогда почему контролёр помог, вместо того чтобы убить нас? Я могу лишь строить догадки, логика которых не прочнее карточных небоскребов. Дунь — и все рассыпется, и заново в том же порядке не собрать. Но я знаю, что прав.

Контролёр не человек. Но он ближе мне, чем Сван, который может ошибиться при вводе кода или выстрелить в спину. Я не раз встречался с хранителем адских врат, я разговаривал с ним. Мы пили «Хиросиму» из одноразовых стаканчиков — и мне было спокойно, хотя я прекрасно знал, что мутант способен походя убить меня.

Но зачем ему это? Пищу Директор-Малиц добывает иначе. Мародеры и бандиты, которые входили в Зону через пост №12, были для него частью внешнего мира, куда ему безумно хотелось попасть, о котором ему надо было знать всё-всё-всё.

И в котором он не смог бы выжить.

У мутантов нет шансов за Периметром, а мы, люди, подвергаемся смертельной опасности в Зоне. Рано или поздно, так или иначе, но Зона убивает нас. Все уравновешено. Рыбе не выжить на суше, человеку — под водой. Закон природы, раздел сфер влияния. Одно радует: есть акваланги. И это же пугает.

Иногда мне кажется, что государствами управляют не президенты и не Большие Братья, а двуликие контролёры.

Глава 9. Banditskaya_Zona

Последним мутант отпустил Ворона. Представьте, что у вас плотно завязаны глаза. Ничего не видно и нельзя поправить повязку. Подсмотреть никак не получается. При этом вас толкают в спину, и есть только два варианта: упасть или бежать. И вы двигаетесь все быстрее и быстрее, и скоро начинает казаться, что вам ничего не стоит взлететь. Радостное предчувствие переполняет вас.

И в этот момент сила, которая толкала в спину, исчезает. И вы еще бежите по инерции, но никто уже не направляет вас. А впереди кочки и ямы. А то и вовсе котлованы и бетонные столбы... И повязку с глаз не сняли, и остановиться невозможно...

Я знаю, о чем говорю. Макс Край дважды был куклой контролёра.

От души посочувствовав, я предложил Ворону помощь.

— Да пошел ты... — прохрипел сталкер, когда я перехватил его неуправляемый мотоцикл.

— Отвали! — услышал я, укладывая Ворона на траву и вливая в него пару глотков перцовки.

— Пять минут отдыхаем, — скомандовал Сван. — Можно курить.

Полчаса — это минимум, который нужен Ворону, чтобы встать на ноги. И пара дней для полного восстановления.

Братья задымили, а Ворон, наплевав на технику безопасности, пополз к ближайшему пню. Я отвернулся. Судя по звукам, из сталкера извергался ранний завтрак.

Болотный Доктор не пропишет нам даже зеленку. Вышибалы не пустят карателей в бар «Сталкер». И каждый охотник на мутантов почтет за долг загнать нас в свою ловушку, чтобы оставить там подыхать. Мы — изгой среди изгоев.

Ну и что, мне теперь утопиться или вскрыть вены? Не дождетесь! Пока мозги мои не проела радиация, я буду бродить по Зоне. Столько лет прошло, а мне не надоело это занятие.

А сколько, кстати?... Ведь я еще помню, как старина Джордан, сидя у костра, тихонечко напевал романс собственного сочинения:

Дитя безвредной аномалии,

Я обниму тебя за талию...

Я сам не заметил, как промурлыкал эти строки вслух.

— А разве такие бывают... ну, безвредные? — Душан смотрел на меня как на психа в смиренной рубашке, который почему-то оказался на соседнем кресле в троллейбусе.

— В Зоне всякое бывает, — сказал я и отвернулся.

Тоже мне знаток нашелся. Еще ни одной аномалии не видел, а уже готов спорить. Вот такие «знатоки» и попадают мне на форумах, посвященных Зоне.

Кстати о форумах. Я вытащил из специального кармана куртки крохотный нетбук, экран которого в разложенном состоянии был примерно в две ладони размером. Потом достал свернутую в трубочку беспроводную сенсорную клавиатуру. Параболическая антенна состояла из двух десятков пластин, нанизанных на стерженек-заклепку. Я сложил пластины веером, из которого затем сделал выпуклую миску. Для полноценной работы оставалось только соединить первое, второе и третье и загрузить операционку.

— Что? Опять? — Сван недобро щурился, глядя на мои манипуляции.

— Пока есть связь со спутником, надо пользоваться моментом: новости посмотреть, прогноз погоды... — туманно ответил я. — Да и Ворону надо больше времени.

Вроде и не соврал, но и правды командир от меня не дождался.

И тут часы у меня на запястье жалобно пропищали комаром. Я специально выставил такой зуммер — не люблю громких звуков. Громкие люди живут слишком быстро. Писк комара означал, что до большого четырехкратного бума осталось ровно пять минут.

— Майор, пора вводить коды. Зачем тянешь до последнего?

Братья-черногорцы, услышав, что отсчет уже начался, побледнели и замерли с сигаретами в губах. Пока Сван спасал нас от гибели, я вошел в Сеть.

И возрадовался.

* * *

Как и следовало ожидать, мой ролик поднял большую бучу.

Новака объявили в международный розыск. И конечно, безрезультатно — он успел скрыться.

Милицейские генералы и министры восьми стран божились, что поимка особо опасного преступника — вопрос времени. Но я был уверен, что это не так. Новак не просто выжил в бурлящей клоаке, граничащей с Зоной, но и стал крупной фигурой теневой экономики — причем не только наших мест, но и всего мира. Уж ему ли не знать цену обещаниям генералов?

Не удержавшись, я запустил ролик вновь и пару минут любовался делом рук своих. Надо выпить сто граммов за упокой души безымянного стрингера. Картинка и впрямь была презабавная: работорговля и незаконный оборот человеческих органов — обхохочешься, блин. Звук я выключил, чтобы не смущать Свана. А то еще сообразится. Нас и так слишком мало для налета на караван, а станет еще меньше, если командир допустит ошибку.

В окошке проигрывателя появился Новак. Капитан в черной омовской форме ну просто красавчик. Высокие скулы, пронзительный взгляд — все при нем. В тайной своей жизни он предпочитал фраки, в которых щеголял на криминальных тусовках. А значит, на ферму Новак явился с очередной пресс-конференции, где поведал журналистам о том, как он громит преступность у Периметра. Спешил, переодеться не успел. А тут покупатели нагрянули, оптовики — бородатые мужчины в арафатках. И уж капитан показал им свой товар и в фас, и в профиль. Из загонов выводили парней и девушек по одному и сцепками в кандалах. Гости кого щупали и тут же покупали, а кого велели разделать — целиком не надо, а сердечко пригодится. Или печень. И почки. Живой раб стоил дешевле отдельных органов. Транспортировка цельного продукта — все еще проблема. К тому же рабы хорошо видят, еще лучше запоминают и болтают без умолку.

Короче говоря, ролик, залитый мной в Паутину, изрядно добавил популярности капитану. Вот только он не сможет больше щеголять в черной форме перед камерами телевизионщиков. Зато в другую камеру — с решеткой и соседями-насильниками — у него есть шанс угодить. Как говорится, от тюрьмы да от сумы...

Я быстро взглянул на Свана. Тот полностью сосредоточился на пульте. Обветренные губы майора беззвучно шевелились, пальцы подрагивали. Похоже, командир проговаривал

про себя наши спасительные комбинации. Жаль, я не знаю наверняка, чью комбинацию он сейчас вводит, а то прочел бы по губам. Хотя... Провести остаток дней, каждые четыре часа выписывая себе разрешение на жизнь? М-да, сомнительное удовольствие. Лучше уж сразу сдохнуть, случайно проспав контрольное время...

— Первому повезло, — прошептал Сван, но услышали все.

Даже Ворон затих у пня.

А я решил, что настало время для еще одной сенсации. Мой нетбук оснащен сносной камерой. Заснять сцену у «Зверя между ног» мне ничего не стоило. Никто даже не подумал обыскать меня. Вот эту сцену я и покажу гражданам, охочим до горячих новостей.

Отлично, загрузка завершена. Ну вот нравится мне форум `banditskaya_zona`. Юзеры откуда-нибудь из Торонто или Перми, мнящие себя крутыми сталкерами и жестокими бандитами, быстро подхватят тему. Они ведь переносчики новостей. Сетевая разновидность бабулек на лавочках у подъездов.

Ага, а вот и первые комментарии: народ дружно клеймит позором продажных ментов. Есть и ссылки на мой пост, народ призывает поднять в топ тему `mad_max_cry_in_zone`, то есть меня.

В топ — это хорошо. Это то, что нужно. Уточню: то, что мне нужно, но никак не Кажану и его покровителям. Мордашки карателей (кроме моей, я ведь оператор и режиссер, пусть актерствуют другие) засветились по полной, фотороботы без надобности. Хоть сейчас жми `PrtSc` и клей на столбы и доски объявлений.

Второй ролик загрузился быстрее, чем первый. Это застолье у бабы Нади. Потом труп на полу и горящая изба. И конечно, моего лица в кадре нет. Зато четко видна конфедератка Свана.

Улавливаете мысль? Что бы ни случилось, чистеньким из передряги командиру не выбраться. Если я погибну в ходе операции, мстить за меня не надо. Я уже сделал это сам. Заранее. Так что сегодня сетевым шакалам есть чем поживиться. Тоже, знаете, адреналин — орать на виртуальных форумах, впялившись в монитор.

— И всё-таки, Край, как насчет безвредных аномалий? — Душана явно зацепила эта тема.

Я бы мог рассказать ему о Джордане, но не стал. Зона не любит болтунов.

...Джордан готов был пристрелить любого, кому хватало глупости сказать, что его мать согрешила с шоколадным красавчиком из Патриса Лумумбы. Лично я присутствовал при четырех таких казнях. Джордан говорил, что по глупости угодил в какую-то неизвестную аномалию. Вроде как безвредную. Вот только с тех пор цвету его кожи мог позавидовать вождь племени тутси накануне геноцида. Так что безвредность относительная.

Представьте: вы, очень смуглый, уйдя на покой, возвращаетесь в родной Питер. Вечером на трамвайной остановке к вам подходят бритоголовые молодчики, татуированные свастиками и легионерскими орлами. Трех, а то и пятерых вы завалите, а вот дальше...

— Извини, Душан. Я оговорился. Аномалий безвредных не бывает.

И тут грянул выстрел. И стало не до разговоров.

* * *

Стрелял Сван. Бил он метко, снайпер всё-таки. Я бы с такого расстояния точно не попал.

Первой же пулей здоровенной псевдособаке оторвало лапу по коленный сустав. Лучше бы командир вообще ее не заметил, чем вот так. Этих тварей надо или валить, или не трогать, если они не трогают тебя.

С некоторых пор псевдособаки — ценный промысловый объект в Зоне. На них устраивают облавы с воздуха, с вертолетов. Раньше подобными делами занимались только военные — частенько просто для развлечения, но вот уже пару лет как разрешены заготовительные кооперативы. Получить лицензию на отстрел псевдособак проще простого.

Наружность у этих мутантов крайне неприглядная. Помнится, после первой встречи с потомками волков мне долго снились по ночам кошмары. Но при этом у псевдособак пушистые хвосты. Не песец, конечно, и не соболь, но тоже ничего. И главное, в разы дороже шиншиллы. Так что это выгодный бизнес — заготовительные кооперативы. Охотничьим фирмам банки с удовольствием выдают кредиты на покупку вертушек. Оно ж сверху сподручней, особенно вблизи Периметра, где уровень радиации ниже и аномалий почти нет.

В общем, псевдособак с каждым годом все меньше и меньше. И главное, они научились бояться людей. Сами теперь редко нападают.

Но я отвлекся.

Суке, а это была самка, оторвало лапу по коленный сустав. Обычная зверюга уже каталась бы по траве, скуля от боли. Но не мутант. Нервные окончания у живности в Зоне то ли атрофированы, то ли отключаются, когда надо. Я не научник, боюсь соврать. Но то, что самка не собиралась отдавать концы от болевого шока, было понятно и без профессорской степени. Она гордо стояла на вершине пригорка, который некогда был трансформаторной будкой. Потолок будки провалился, стены размыли дожди и выщербил ветер. Бетон оплел дикий виноград.

— Добивай скорей! — рывкнул я, вскидывая автомат.

Попасть из АК в цель метров с двухсот очень тяжело, вот я и не попал. Очередь прошла много ниже раненой твари, проредив лозу.

Суке бы спрятаться, раз такое дело, но она закинула приплюснутую морду к небу и завывала.

Сван опустил СВД. Он согнулся вдвое, его вывернуло под ноги. Да уж, Директор хорошо помял нашего командира. А поначалу вроде и незаметно было.

Зато очнулся Ворон. Ему хватило сил оторваться от пня и подбежать к «яве», возле которой он оставил М-16. Я не успел выстрелить во второй раз, Ворон нажал на спуск раньше меня — череп псевдособаки раскололся пополам, словно грецкий орех, по которому ударили молотком.

Затем сталкер навел М-16 на меня и задумчиво спросил:

— Завалить тебя, что ли? Крыса ты!

Это он обиделся, что я его контролёру отдал. Угу, мне надо было самому мозгов лишиться. Я, значит, в отключке газую вперед, а наш заслуженный бродяга гордо преодолевает ловушку в десятке метров от шлюза. У него ж болты есть, он крутой. И времени у него вагон и маленькая тележка. А то и два вагона.

— Да брось ты, — сплюнул я и прищурился. — Сейчас мало не покажется.

Жаль, но я оказался прав. Мало не показалось. Псевдособаки избегают встреч с людьми, но своих в обиду не дают.

Перед тем как разбрызгать мозги по пригорку, самка сообщила родичам, что обнаружила группу двуногих. Группа левая, это вам не рота военсталов на бэтэрах. Так что, дорогие мои, фас!

Я не шучу. Я уверен, что самка не просто так выла, но передавала инфу. Мутанты куда разумнее обычных зверюшек. Вот такой побочный эффект радиации. Уродства и малый срок жизни компенсируются хитростью, жестокостью и фантастической приспособляемостью.

Глядя на Ворона и его винтовку, я вдруг понял, что с ним не так. Я с самого начала чувствовал какую-то неправильность в нем. Он не разговаривал сам с собой.

Объяснить?

Человек, который много лет скрывался от себе подобных, должен был завести привычку разговаривать с самим собой. Причем вслух и громко. Ничего постыдного в этом нет. Слышишь свой голос — и вроде не так одиноко. Человек ведь животное стадное. Желание спрятаться от людей противоестественно. Где вы видели обезьян-отшельников?

Так вот наш бродяга не нуждался в общении с самим собой.

Что бы это значило? Сталкер утверждал, что не виновен в гибели «долговцев», и я ему верил. Но он не ответил на вопрос о том, кто же это сделал. А ведь Ворон знал имя убийцы...

— Отставить! — скомандовал Сван. — Пять минут прошло. По мотоциклам!

Братья поспешили исполнить приказ. Ворон неохотно опустил штурмовую винтовку. — Командир, нельзя нам вперед, — сказал я и даже не подумал сесть на «ямаху». Но Сван не внял моему совету. И напрасно.

* * *

Псевдособаки атаковали молча. Некоторые считают их тупыми созданиями, которые всегда лезут на рожон. Что пули, что аномалии — им все едино, они смерти не боятся. По мне, это вовсе не так. Возможно, когда их популяция была большой, так оно и было. Срабатывал природный механизм, заставляющий стаю избавляться от лишних особей. Но теперь их и так мало, и потому глупо рисковать они разучились. Наоборот, их умению устраивать засады мог бы позавидовать любой бандит, а умению обходить аномалии — самый осторожный сталкер. Я слышал байки о том, что можно приручить псевдособаку и без проблем путешествовать по Зоне из конца в конец. Мол, мутант проведет там, где человеку одному вовек не выкарабкаться. Сказки, конечно. Но я бы не пожалел денег на такого щенка. Точно так же я не жалел патронов на кобелей и сук, которые выскочили на колею, накатанную армейской бронетехникой.

Сван только-только отъехал от места привала, как его вышиб из седла «харлея» матерый псевдопес. Все случилось очень быстро, я едва успел рассмотреть мутанта.

В том месте колея пересекала густые заросли сирени. Идеальное место для засады. И потомки черномыльских волков не преминули им воспользоваться.

Мелькнули клочья облезлой шерсти на выпирающих ребрах. Кое-где кожа сошла пластами, обнажив тугие красные мышцы. Ни один зверь за Периметром не выжил бы с такими ранами, но для мутантов это норма. Кляцнули слюнявые клыки, совсем чуть-чуть не достали до лица Свана. Надо отдать майору должное: обладал просто нечеловеческой реакцией, он успел выставить перед собой винтовку, держа ее за ствол и приклад. Но завалившись на оружие всей своей массой, псевдопес скинул отставника с мотоцикла. Командир упал на спину. Мутант, возбужденный близостью добычи, даже не попытался атаковать как-то иначе. Из всех сил он рвался к горлу человека. Роняя на лицо грушника клочья пены, зверь утробно рычал.

Оставшись без наездника, «харлей» резко вильнул в сторону и застрял в кустах. Колеса его продолжали вращаться.

Повизгивая и скалясь, сразу два мутанта напали на Душана. Его тоже сбросили с мотоцикла. Хана черногорцу, решил я. У псевдособак хватка жесткая, лодыжку перекусят запросто, не говоря уж о запястьях. Даже если Душан и выживет, возиться с раненым никто не будет. Кем-кем, а гуманистом Свана не назовешь.

Не дожидаясь, пока мутанты перебьют всех моих коллег, я дал предупредительную очередь по кустам. Именно оттуда выскочили псевдопсы. И я угадал. Трех мутантов исполосовало пулями, когда они распластались в прыжке. Их швырнуло обратно в кусты, опрокинув тощими животами вверх.

Душану повезло — его братишка не растерялся. В мгновение просчитав расклад, Эмир поступил единственно верно. Он принялся стрелять в псевдопсов из допотопного ТТ, который ему глянулся еще у бабы Нади. Эмир очень рисковал — мог попасть в родственника, а не в мутантов.

Ворон притормозил и ударил из М-16 по кустам сирени.

Не останавливая мотоцикла, Эмир стрелял по псевдопсам, напавшим на брата. Мотоцикл катил вперед, а черногорец всем телом развернулся назад. Он бросил руль и теперь двумя руками сжимал пистолет.

Сван все боролся со своим облезлым противником. Слава Хозяевам, силой майор обижен не был. Спецподготовка пошла ему на пользу, хлюпиков не берут на службу в ГРУ. Пока что ситуация была патовой: мутант не мог вцепиться в вожака вожделенное горло, а отставник — избавиться от напасти.

Надо выручать командира, без него мы обречены. Я пообещал себе впредь не оставлять его без присмотра. Что бы ни случилось, я всегда буду рядом. Пока не избавлюсь от ошейника.

— Эмир! — заорал я. — Сван!!!

Услышал меня черногорец или сам сообразил, что надо помочь майору, но он прекратил огонь, схватился за руль и в последний момент развернул мотоцикл, который чуть было не влетел в кусты, за которыми просвечивал кювет. Держа одной рукой руль «эмтэшника», вторую, с пистолетом, он поднял перед собой. Дважды дернулось предплечье, и две пули угодили в мутанта, нависшего над Сваном.

Зверь обмяк. Командир, оттолкнув его, перекатился на бок, выхватил из кобуры кольт и вскочил на ноги. И сразу же выстрелил мертвому мутанту в голову. Одобряю. Подобные предосторожности с фауной Зоны лишними не бывают. А патроны — дело наживное. Нас ведь дожидается схрон Кажана, доверху набитый оружием и амуницией. Мне хотелось в это верить так же сильно, как верил Сван.

Я кинулся к Душану.

Его расплющило трупами псевдопсов. Расплющило — это не для красного словца. Трехгодичный кобель весит килограммов восемьдесят, а то и центнер. Эти твари гораздо крупнее своих прародителей. Над нашими головами задорно светило весеннее солнышко, а Душан ворочался весь в крови. «Не жилец, — подумал я. — И как теперь уговорить Эмира добить братца, чтоб не мучился?...»

Но тут я услышал:

— Помоги...

Душан был еще в сознании.

Желание умирающего — закон. Встав на колени, я поднатужился и столкнул с черногорца собачьи туши. Пусть хоть напоследок вдохнет полной грудью.

— Спасибо! — Душан закашлялся, а потом медленно поднялся.

Я вдруг с удивлением понял, что он вовсе не собирается на тот свет. На теле черногорца не было серьезных ран. На него напали псевдопсы, он отбивался голыми руками, и при этом жив и здоров?! Да этого просто быть не может!

Похоже, последние слова я сказал вслух.

— Ты ведь сам говорил, что в Зоне все возможно, — улыбнулся Душан.

Я покачал головой. Надо родиться в ОЗК, чтобы выбраться из передрыги без единой царапины. Кстати, насчет царапин...

Зацепили?

— Да, подрали немного.

— Обработай спиртом. Хотя бы снаружи протри, чтоб не было заражения. Псевдособаки не гнушаются падалью.

— Лучше бы «Хиросимы». Внутрь.

— Тоже верно, — кивнул я. — Нам всем не помешает подлечиться. Да, командир?

Но Сван не ответил. Еще не отошел от схватки с мутантом. Что называется, лицом к морде пообщался с вожаком стаи. Что нас не убивает, то делает... осторожнее? Теперь у командира язык не повернется сказать, что до схрона мы едем без оружия.

— Чего расселись?! — вдруг взвился Сван, глаза его сверкали. — Всех убили, задание выполнено?! Это у нас так, разминка, чтоб не скучали! Это только начало!

Точно, это он верно подметил. Только начало.

— За мной! — прохрипел Сван, оседлав «харлея».

Но никто даже не пошевелился, чтобы последовать его примеру. Напрасно он так. Он бы еще взмахнул кольтom над головой и крикнул: «За Родину! За Сталина!».

Черногорцы, конечно, парни простые, но даже они сообразили, что переть нахрапом по Зоне не получится. А уж я и Ворон об этом знали с самого начала. И только Сван продолжал гнуть свою линию, подвергая нас смертельной опасности. Да и себя тоже.

— Командир, нельзя так. — Я потянулся за флягой. — Это же Зона. И сам погибнешь, и мы тут сдохнем.

— Что?! — Лицо Свана побагровело.

Еще немного, и он поступит со мной по закону военного времени. Если успеет. Не зря ведь я завел руку за спину. Пальцы мои сжимают лезвие ножа. Если что, один из нас лично познакомится с худощавой дамой в черном балахоне и с косой на плече. Надеюсь, я сделаю это чуть позже майора.

— Командир, — Ворон впервые назвал Свана командиром, — Край дело говорит. Иначе надо.

Сван хмыкнул, отер лицо тыльной стороной ладони и внезапно расхохотался. Он смеялся так заразительно, что заулыбались все, даже я.

Я улыбался искренне, от души, но нож не спрятал.

Глава 10. Маньяки

Отсмеявшись, майор внял нашим советам. Группа двинула к точке, отмеченной на карте Свана как склад боеприпасов, амуниции и консервов. Настало время заглянуть под елочку, где дедушка Кажан оставил нам подарки.

Мы ехали уже с полчаса, а детектор аномалий, закрепленный народным умельцем на руле моего мотоцикла, упорно молчал, хотя, если что, должен был подать световой сигнал. Для этого к нему была припаяна связка диодов. Писк можно не услышать из-за рева движка. Я уже начал сомневаться в исправности электроники. Но на прочих байках, кроме «явы» Ворона, точно такие же детекторы. Вряд ли «Ангелы Зоны» закупили партию барахла, чтобы оснастить свои чопперы.

Я ехал впереди, словно салага-отмычка. За мной катил Эмир, так и норовя добавить газку. Он хоть и черногорец, а уважает быструю езду. Да я бы и сам... Жаль, Зона мало похожа на скоростной трек. За Эмиром гордо восседал на «харлее» Сван. Скорость была небольшая, поэтому он решил не укладывать винтовку в чехол. И прошлый раз майор закрепил оружие так, что в нужный момент еле вытащил. Теперь ствол СВД лежал на одеяле, намотанном на руль мотоцикла. За командиром следовал Душан, грязный, как свиноматка в загоне. Оно и понятно: не на курорте, в море ножки не ополоснешь. Замыкал колонну Ворон, старенькая «ява» которого дребезжала на ухабах.

Вскоре колея закончилась, и мы выбрались на бетонку, чудом сохранившуюся до наших времен без заметных повреждений. Лишь кое-где между стыками плит пророс цикорий.

Я напрягал глаза, пялясь на дорогу. Поймите меня правильно, я не параноик, но когда все слишком гладко, я начинаю опасаться, что грядут крупные неприятности. Предпочитаю, чтобы беды распределялись равномерно.

К обеду мы прибыли в точку, указанную на карте, и поставили мотоциклы на краю бетонки. Я посмотрел на Ворона, Ворон едва заметно кивнул в ответ. Ему тоже не нравилось это место. Зато Сван выглядел довольным, как кот, объевшийся сметаны:

— Итак, молодые люди, приступим?

С самого начала среди карателей сложились неформальные отношения. Но это обращение пахло уже махровым панибратством. Какие мы ему «молодые»? Он бы еще нас черпаками назвал. Старослужащий, блин. Дембель на пенсии...

К бетонке подступала едва заметная тропа, протоптанная кабанами, — прошлогодняя трава была вдавлена в весеннюю грязь, а молодая не выросла. Меня это сразу насторожило. Что-то здесь не так. Я не мог сказать, что именно, но... Кое-где над лугом возвышались заросли выгоревшего на солнце камыша.

Далее тропа вилась по пересохшему болоту, наполнить которое не сумели даже весенние дожди, и упиралась в сооружение, более всего напоминающее сельский сортир. Добротный такой сортир на пригорке. Издалека видать побеленный кирпич и крышу из волнистого шифера. И две двери, обе закрытые. Ну точно сортир по среди Зоны! Чтوب, значит, всякий бродяга мог справить нужду с комфортом, обозревая окрестности с пригорка.

Но самое забавное, что к этому «биотуалету» тянулся кабель от столба ЛЭП, одиноко торчавшего у края бетонки.

— Обалдеть! — с восхищением произнес Эмир, глядя на это великолепие. — Нам туда, командир?

Сван важно кивнул.

— Это скважина, — исключил я всякую возможность недоразумения. — И насосная. Недалеко отсюда сады раньше были. Дачные участки. Вот туда воду и качали.

— Сады — это хорошо, — улыбнулся Душан, подмигнув брату. — У нас тоже дома есть сад.

— Яблочек захотелось? — с подковыркой спросил я. — А не рановато ли? Весна как-никак.

— Кончай базар! — скомандовал Сван. — Душан, Край, в разведку. Пешком. Вопросы? Нет вопросов. Приступить!

Армейское прошлое дало о себе знать. Стоило майору как следует рывкнуть, меня, серьезного мужчину, заклинило на уровне подсознания: я вскочил с «ямахи» и кинулся исполнять приказ. Душан пошел за мной. Шагая по кабаньей тропе, я проклинал сержантов, которые вбили в меня это рабское послушание. Рефлекс, чтоб его!

Ну почему я? Я и так всю дорогу ехал первым. Пусть кто-нибудь другой поработает отмычкой! Я не хотел идти к насосной. Я боялся туда идти. И поэтому прозевал растяжку.

— Стой! — прошипел черногорец. — Не шевелись!

Я послушно застыл, где был. Что-то такое прозвучало в голосе убийцы полицейских, отчего я сразу понял: не надо с ним спорить, надо сделать, как он велит.

Черногорец громко дышал в шаг позади меня.

Тропа извивалась змеей — кабаны презирали прямые линии. Чтобы не петлять, я решил срезать через камыши. Единственный переносной детектор аномалий, выданный мне Сваном, молчал как рыба. Вот поэтому я и расслабился. А надо было внимательней смотреть под ноги. Сколько раз я внушал эту прописную истину молодым дезертирам и беглым ворами, пополнявшим мой отряд после естественной убыли? Да уж не единожды. И сам так глупо попал в ловушку!

— Что там? — спросил я, опасаясь смотреть вниз. — Растяжка?

— Да.

— Вот черт!

Я так и знал, что ничего хорошего от Кажана ждать нельзя.

Зато Сван уверял, что в схроне мы переоденемся в крутые костюмчики типа «СЕВА», которые с противоположной защитой и парой встроенных контейнеров. Мол, скоро, парни, вы навешаете на себя кучу малу стволов и полезных вещей, помогающих бродягам выжить в Зоне. Кажан, с пафосом вещал отставной грушник, воин отличный, и у нас с ним общий интерес, он приготовил нам самое лучшее!

Ага, как же. Держи карман шире.

— Растяжка, — просипел Душан. — Проволока медная тянется от...

— Заткнись, — оборвал я черногорца.

Воображение и без подсказок рисовало мрачную картину. Я прекрасно знал, что такое мина ПОМЗ-2М. Забавная игрушка — она тебе и осколочная, и кругового поражения. Чугун на колышках.

Скосив глаза, я увидел, что моя правая брючина лежит на проволоке, слегка надавив на нее. А низ брючины давно уже превратился в бахрому, на которой повисли несколько прошлогодних «медалей» репейника. И вся эта сложная конструкция зацепилась за проволоку.

— Эй, вы чего там стали?! — услышал я окрик Свана.

Все людские беды оттого, что одни ослы отдают ослиные приказы, а другие ослы с ослиным рвением спешат их выполнить. Вслух, конечно, я ничего не сказал. Я дышать старался через раз, чтобы случайно не вырвать боевую чеку. Ведь так просто сделать неосторожное движение. Раз! — и проволока натягивается, чека выдергивается из

взрывателя, тут же ударник накалывает запал — и трах-тарарах, похороните меня под плинтусом. Или сначала добейте, а потом уже похороните, ибо не факт, что веером осколков меня сразу отправит к праотцам, а не оторвет, к примеру, ногу или не продырявит живот.

Я четко помню пункт из методички по инженерной подготовке: «Снимать и обезвреживать мину ПОМЗ-2М со взрывателем МУВ-2 запрещается».

В общем, как хочешь, Макс Край, так и выпутывайся.

— Ты еще здесь? — На лбу у меня выступила испарина. — Топай назад.

— А ты?

Этого вопроса я не ожидал услышать.

Я? Какое дело маньяку, на совести которого десятки трупов, до беглого зэка? Я ж ему не брат, не сват и даже не друг. В школу мы вместе не ходили, красоток не тискали в студенческой общаге. Вместе мы только воровали и убивали. И какая разница, что брали у воров и убивали убийц?...

Похоже, я сказал все это вслух.

— Маньяк?... — послышалось сзади. — Конечно, маньяк. И брат мой тоже. Оба мы маньяки...

— Ну а кто? — Только откровений преступника, объявленного в розыск Интерполом, мне сейчас и не хватало.

— Понимаешь, Край... — задумчиво сказал Душан и замолчал.

— Понимаю. Сам ментов не люблю.

— Ей было всего четырнадцать. Красивая. И веселая. И училась хорошо. Все ее любили, сестренку нашу. А они...

Я напрягся. Я вовсе не хотел все это слушать. Мне не нужны чужие драмы.

— Пьяные ехали. А она после тренировки домой шла. Она в волейбол играла по вторникам... А у них у шефа день рождения, в участке отмечали. Весь участок.

Их за водкой послали, не хватило, вот они пару ящиков и везли...

Я стиснул зубы так, что свело скулы.

— Сбили ее. С управлением не справились. На тротуар выскочили. Она еще жива была, ее бы в больницу... Но они сунули ее в багажник... В участке шестьдесят человек числилось, все на празднике гуляли. Водку жрали, закусывали, а она тем временем умирала в патрульной машине!

Я закрыл глаза.

— Вот я и брат... мы их всех... Кто-то уехать из города пытался, скрыться от нас. В горах даже прятались. Но мы их всех... Всех! Мы же маньяки...

Я облизнул губы:

— Топай назад, Душан.

— А ты? — опять спросил черноморец.

— А что я? Уж как-нибудь... Вдвоем-то зачем?

— Прощай тогда.

И я остался один.

Сван больше не кричал. Со стороны бетонки не раздавалось ни звука, хотя Душану пора было вернуться к своим и рассказать, в чем причина задержки. Выпейте, мужчины, за упокой Макса Край. А для развлечения сделайте ставки на то, сколько я продержусь. И не злись, Сван, не надо. Я знаю, ты считаешь, что из-за меня ходишь в натовской униформе, вместо того чтобы щеголять в комбинезоне, сшитом в секретном НИИ в Киеве. И отчасти это верно.

Наконец я услышал приговор:

— Край, мы уезжаем. К схрону не пройти, все вокруг заминировано. Если выберешься, догоняй нас. Мотоцикл оставляем. У тебя полтора часа до ввода личного кода. Так что поторопись.

Майор дал мне шанс. А ведь мог и выстрелить в затылок, чтоб не мучился. Оптика СВД позволяла аккуратно снести мне голову.

Взревели движки мотоциклов. Каратели отправились дальше, и меня с ними не было.

Меж тем солнце поднялось выше, припекая, будто в июле. В полусогнутом положении нога, которой я зацепил растяжку, быстро затекла.

Надо что-то делать. Можно рискнуть, прыгнув вперед и понадеявшись на авось. В том смысле, что авось не зацепит. Но! Во-первых, я не люблю рисковать, а во-вторых, не факт, что впереди нет мин. Упасть назад, где точно чисто? Взрыватель все равно сработает.

Возможности выбора меня лишил треск в лесополосе, что примыкала к холму. Что-то крупное двигалось в мою сторону.

Я вздрогнул, осознав, что за гость ко мне пожаловал, хоть тварь и не спешила показываться из-за кустов. Вы, конечно, догадались, что за существо явилось, чтобы поживиться мной? Повадки этого мутанта хорошо известны. Опытного сталкера тварь не проведет, он вычислит ее засаду издалека. Зато научники и новички частенько становятся добычей псевдоплоти. Она хоть и тупая до невозможности, но очень хитрая.

— Щас, ёлы, пообщаемся... — беззвучно прошептал я. — Иди ко мне, моя хорошая. Иди, не бойся!...

В небе надо мной парили вороны. Сначала я заметил одну птаху, потом еще одну, а сейчас в ожидании падали кружили десятка полтора черных силуэтов.

— А вот хрен вам!... — нервно хихикнул я.

Зная аппетиты псевдоплоти, с уверенностью можно сказать, что пернатым мало что достанется. Потомки свиней прожорливы и всеядны. Вот уж кому не грозит вымирание из-за недостатка кормовой базы: нет мяса — траву жрут и обгладывают кору деревьев. Иногда мне кажется, что желудок псевдоплоти переварит и «ржавые волосы», особенно если запить их зеленым «холодцом». Зона исчезнет, люди выроются, а псевдоплоти будут бродить по руинам и жевать обломки кирпичей...

Со стороны леска вновь послышался хруст веток.

Конечно же я и не подумал спастись от мутанта бегством. Я горделиво стоял в зарослях камыша, задрал лицо к небу. А что? Бесплатный солярий. Пусть у моего трупа будет здоровый цвет кожи.

Время шло, мутант продолжал перетаптываться, в подлеске, ожидая, что я сам направлюсь в его сторону. Затекшую ногу я уже почти не чувствовал. И тогда в голову мне пришла безумная идея. Что ж, она ничем не хуже варианта с прыжками на месте, в сторону и без предупреждения. Я осторожно впился ногтями в лицо, расцарапав кожу до крови.

Мой нос не способен уловить запаха эритроцитов, но ведь я человек, мне этого не надо. Зато псевдоплоть запах раздражил. Среди деревьев и кустов раздался оглушительный треск — мутант проторил своей мясистой тушей тропу, на которой без труда разминутись бы два мотоцикла. Крупный экземпляр. Даже в этом мне «повезло».

Кое-кто сравнивает псевдоплоть с помесью медведя, паука и краба, а по мне она больше всего похожа на кишку, в которую насовали фарша, получив в итоге живую сардельку. К сожалению, кишка эта вовсе не тонка. Псевдоплоть — типичный пример мутанта, у которого полный порядок с инстинктом самосохранения. Она не ввязывается в драки, предпочитая отступить и напасть из засады. Она терпеть не может боли, потому что боль — наиглавнейший признак смертельной опасности. Она не любит громких звуков. Обычно псевдоплоть можно отпугнуть, дав очередь у нее над головой, втянутой в плечи, будто в попытке спрятаться от жестокого мира Зоны.

— Твою мечту!... — прошептал я, когда мутант явил себя во всей своей кошмарной красе.

Коричневая туша (обычно она именно коричневая, но псевдоплоть, как хамелеон, умеет мгновенно мимикрировать) бочком выбралась на открытое пространство. Членистые, острые на концах лапы, сплошь в костяных наростах и в мелких хитиновых зубьях, довольно резво протащили тело по склону холма метров на тридцать. Причем псевдоплоть двигалась мимо насосной по странной траектории — не напрямую к потенциальной жертве, то есть ко мне, но выписывая причудливые кренделя. Нормальные пираты всегда идут в обход? Или же мутант обходил ловушки и мины, расставленные на подступах к схрону Кажана?

Последнее вернее, всего. И судя по затейливому зигзагу, постарались тут профессионалы минно-подрывных работ. Не удивлюсь, если в схроне действительно заготовлено все, что Кажан обещал Свану. Это вполне в духе вояки: пацан сказал, пацан сделал. Но ведь никто не говорил, что взять подарочек будет легко.

Никогда раньше я не замечал за псевдоплотями такой разборчивости в выборе маршрута. Уродливая голова — карикатура на людской череп с дырой вместо носа — выпучила громадные глаза, рассматривая что-то в траве перед собой. Чудовище оттопырило верхнюю губу, обнажив мелкие, торчащие в разные стороны клыки, и пробормотало что-то невнятное, словно девяностолетний старик, впавший в маразм. Псевдоплоть приблизилась еще метров на двадцать и замерла в нерешительности. Похоже, между ней и мной было такое переплетение растяжек, что даже мутанту, сверхчувствительному к ловушкам, соваться туда было опасно.

Я вдруг понял, что псевдоплоть, несмотря на голод и царапины у меня на лице, не станет рисковать. Вот не станет, и все. Не знаю, с чего я это взял, но ведь угадал.

Псевдоплоть развернулась, показав мне бесформенный тыл, и уж было собралась вернуться туда, откуда пришла, но... засуетилась, перетаптываясь на месте и поглядывая на меня из-под нависающего бугристого лба. Что-то не нравилось ей, кто-то поджидал ее в лесополосе. Пока зверюга ходила на обед, к ней в дом забрался коварный враг. И вот теперь она мучительно размышляла, как ей поступить: попытаться пройти через минное поле или же угодить на зуб хищнику.

«Неужели кровосос?» — мелькнула у меня мысль.

И тут послышался нарастающий вой, не оставивший псевдоплоти выбора. На нее устроила охоту стая слепых собак... А значит, мимо меня мутанты тоже не пройдут.

В любом случае, живым я не дамся. Мне это просто: шаг вперед-назад — и привет.

На краю тропы, проложенной псевдоплотью в лесополосе, показалась первая охотница — рослая поджарая сука с отвисшими сосками. Она была похожа на замусоленную половую тряпку, обвисшую на швабре — есть твердая, прочная основа, а то, что снаружи, готово свалиться с костей, если как следует дернуть. Сука запрокинула безглазую морду к облакам и протяжно взывала. Ее поддержал хор сородичей.

«Им бы на луну песни петь, а не при свете дня», — подумал я. Но мои упреки слепых собак мало интересовали. Стая присоединилась к боевой подруге. Оттолкнув суку вытянутой головой, по склону начал спускаться крупный кобель.

Ну точно доберман! Черный, короткошерстный, кожа на лопатках потрескалась и кровит, из ушей тоже течет. Поджарый пес, резкий в движениях. Сразу видно — опытный боец. Он не стал бросаться на добычу сломя голову, он знал, что псевдоплоть никуда не денется, зато из-за спешки могут погибнуть сородичи, потому как местность между добычей и стаей истыкана смертоносными железками.

Псевдоплоть принялась нервно кружить на месте. Если хищный мутант поворачивается к тебе задницей, это хорошая примета или плохая? У меня не было ответа на этот вопрос. Не доводилось, знаете ли, с подобным сталкиваться.

Скоро псевдоплоть порвут на куски, со злостью подумал я, а заодно и мой труп.

Однажды в баре я слышал от пьяного в дым сталкера, что псевдоплоть поддается внушению. Если на нее хорошенько гаркнуть и четко представить, что ты от нее хочешь, она сделает это. Так утверждал седой бродяга, заливая в глотку очередной стакан самого дешевого самогона, который только есть. Такой мутняк даже бомжи за Периметром отказывались пить. Соврал старикан или нет, мне предстояло проверить на собственной шкуре. Иных вариантов спасения у меня все равно не было.

— Эй, тварь! Ко мне! Живо! Я сказал, ко мне! Ну же! Ко мне!!!

Псевдоплоть замолчала и открыла рот, как мне показалось, от удивления. Что, не ожидала?! «Это тебе не падаль в пасть запихивать и добивать раненых сталкеров, — злорадно подумал я. — Сейчас научим тебя танцевать польку-бабочку и цыганочку с выходом!».

Глаза псевдоплоти испуганно смотрели в разные стороны. Открывались и закрывались они сами по себе, о синхронности не было и речи. Челюсть усиленно двигалась, губы плямкали, сбрасывая на передние лапы клочья желтоватой с прозеленью пены.

— Ко мне!!! — рявкнул я так, что сам испугался.

Высоко задирая лапы, псевдоплоть двинула по минному полю.

Заметив, что добыча уходит, слепые псы заскулили и принялись подталкивать жожака, чтобы шел быстрее. Тот в ответ щерился и клацал клыками.

Загрибок псевдоплоти колыхался уже метрах в четырех от меня. В такие близкие контакты с мутантами я еще не вступал.

Излюбленный прием псевдоплоти — вонзать острые передние лапы в почки человека или в живот. Шипами на концах лап она запросто проткнет череп Макса Края.

Как и следовало ожидать, псевдоплоть нацелила на меня свои конечности — ни дать ни взять страдающий от ожирения богомол-переросток.

— Ы-ы-ы!... — В голосе мутанта было столько мольбы, что на миг я засомневался: что ж я делаю, ведь не камень — зверюга живая, как мне не совестно, сволочи эдакой...

Стоило только моему настроению измениться, как тварь, учуяв это, встала на дыбы.

Ах так?! Я не на шутку рассвирепел:

— ЧТО?!! Лежать! Я сказал, лежать! — Я указал рукой туда, где именно должна была лечь псевдоплоть.

Я все делал так, как рассказывал мне старый пьяница. И это сработало! Псевдоплоть утихла, вновь превратившись в пугливую гору бормочущего невпопад мяса.

Пока я умирал чудовище, слепые собаки, выстроившись цепочкой, петляли по заминированному лабиринту. Судя по рисунку, который они выписывали, саперы Кажана тротила не пожалели. Спасибо, дорогие, чтоб я без вас делал!

Жил бы и жил...

Псевдоплоть, с опаской поглядывая на меня, маленькими шажочками двинула в указанном направлении.

Собаки взвыли.

— Лежать! — рявкнул я.

Лапы псевдоплоти со страху подкосились, и тут громыхнуло. Хорошо так громыхнуло, по-деловому. Без лишних спецэффектов, но эффективно, то есть наспиговав псевдоплоть осколками по самое не хочу. Свиною-мутанта аж подбросило над землей сантиметров на двадцать. Все, что можно было взять на себя, псевдоплоть взяла.

— Ы-ы-ы?... — с удивлением простонала она; из посеченного живота текла слизь, заменяющая ей кровь.

Пару раз дернувшись, чудовище затихло навсегда.

— Ну, извини. — Я наклонился, чтобы выпутать штанину. — Так получилось.

По правде сказать, вины за собой я не чувствовал вовсе, но Хозяева не любят циников. Я навел АК на слепых собак, что в страхе застыли на крохотном островке безопасности посреди растяжек... И всё-таки я опустил автомат. Макс Край не убивает без надобности.

Хромая, я побежал к бетонке. Надо догнать своих. Времени до ввода кода осталось очень мало. Глупо, согласитесь, выбраться из ловушки, а потом остаться без головы.

Взревел движок «ямахи». Пригнувшись, чтобы уменьшить напор встречного ветра, почти касаясь грудью бака, я помчался вслед за карателями. Я должен успеть. Должен!

Вперед!

Мерцали диоды ПДА, какие-то твари выбегали на бетонку и кидались на мотоцикл, по я не обращал на все это внимания. Аномалии, мутанты... Сейчас мне грозила другая опасность.

«Ямаха» шла на максимальной скорости. Я выжимал из железа все, что мог.

И я успел.

Глава 11. Не Ходите, Дети, В Африку Гулять

Каратели остановились на краю крохотного поселка, брошенного людьми после первого взрыва на АЭС. Я издалека увидел, что Ворон спорит с командиром. Причем аргументы сталкер подкреплял усиленной жестикуляцией.

Сван держал в руке пульт. Услышав рев мотоцикла, майор обернулся. Остальные последовали его примеру.

— Край! — Когда я подъехал ближе и заглушил движок, Ворон кинулся ко мне обниматься. А объятия у него, я вам скажу, медвежьи. Чуть не задушил! Оказалось, именно он уговорил Свана ввести код и тем самым дать мне еще один шанс. Иначе ошейник на мне взорвался бы пару минут назад.

— Живой, чертяка! — хлопал меня по плечу Ворон. — Как это ты выбрался, а?! Как тебя угораздило?!

Удивленный встречей, я рассказал. Мол, так и так, мной решила отобедать псевдоплоть, а я вдруг вспомнил забулдыгу-пенсионера, методикой которого и воспользовался. И вот — Макс Край здесь, жив и здоров, ни единой царапины.

Ворон меня не слушал, он просто кивал и радовался. А грушник сказал:

— Даже от боевых товарищей скрываешь, как выпутался. Перед отправкой в Зону я читал отчеты научных. И о дрессировке псевдоплоти тоже. Ерунда это все. Опыты показали, что псевдоплоть — такой тупой мутант, что дрессировке не поддается. И вообще она плохо слышит, так что ори на нее, не ори...

Доказывать, что не вру, у меня не было сил, не верить Свану — причин. То ли научникам попалась дефективная псевдоплоть, то ли моя спасительница — новый виток мутаций. Или же я — маг и волшебник, способный заставить мутанта не пожалеть живота своего. Как бы то ни было, я благодарен старику из бара. Его байка спасла мне жизнь. Точно говорю: алкоголь в условиях Зоны — жидкость незаменимая.

Чудеса, да и только!

* * *

Заночевать решили в подвале пятиэтажки рядом с перекрестком.

Ржавый светофор почему-то произвел особое впечатление на Эмира. Глядя на него, черногорец вполголоса лопотал что-то на своем языке и качал головой. Я не стал выяснять причину столь пристального внимания. А то вдруг мне опять расскажут слезливую историю. Лимит душевности на сегодня исчерпан. Увольте, господа, моя личная жизнь — тоже драма, но я же не утомляю вас своими проблемами, верно?

Здание и мне, и Ворону показалось надежным. Правда, ни одного окна в нем не сохранилось: стекла выбил ветер, рамы сгнили. Хорошо хоть крыша еще держалась, но протекала, наверное, изрядно. Среди торчащих вкривь и вкось антенн росли молоденькие деревца, корни которых продырявили рубероид. Если верить табличке на торце пятиэтажки, мы находились в переулке Семнадцатого партсъезда, четырнадцать.

— Здесь? — предложил Ворон. — Я сам в таком доме жил. В детстве. Там точно вход в подвал есть. Или в квартирке переночуем?

Я хмыкнул. В квартирке, как же. Он бы еще предложил снять номер в гостинице. Дайте мне ключи от люкса, угу. С ванной и джакузи. Кстати, парням ванна не помешала бы. Это я да Ворон еще походили на людей, а Сван и братья изгваздались от пяток по самое темечко. И в весенней грязи повалялись, и вообще.

— Партсъезда, значит? — осклабился Ворон. — Это какой еще партии? Любителей пива?

— Тогда партия одна была. — Я не поддержал его игривого настроения. — Это сейчас бардак и анархия.

Заметив, как вытянулось лицо сталкера, я подмигнул:

— Да ты чего? Вся моя жизнь — бардак. Лучше уж так, чем стройными рядами маршировать к светлому будущему.

Сталкер прикусил верхнюю губу — верный признак задумчивости. Он вовсе не был уверен, что светлое будущее — это плохо. Да и я, признаться, тоже. Но мое восприятие светлых оттенков не совпадает с пониманием того, кто командует парадом.

— Я и Ворон осмотрим подвал. А потом надо будет разгрузить коляски и перенести вещи, — предложил я Свану.

Тот важно кивнул, будто я лишь озвучил его мысль.

— Вечером разгружать, а утром опять загружать? — заволновался Душан.

— Так точно, — не моргнув, я подтвердил его самую гнусную догадку. — Разгружать и загружать.

— А зачем? — Душан попытался изменить расклад в свою пользу. Хитрый, он сразу догадался, кому поручат таскать припасы и арсенал. — Зачем так сложно?

— Я предлагаю не разгружать. Пусть все остается в колясках. Зачем время терять?

Насчет времени — серьезный довод. Сван вопросительно посмотрел на меня. Ворон отвернулся, предлагая мне самому объяснить основы выживания в Зоне. Будь ты хоть опытный сталкер, хоть отмороженный на весь череп бандюга, а без присмотра воду, жратву и оружие не оставляй ни на миг! Ибо сопрут или съедят. Я мог бы прочесть целую лекцию на эту тему, но...

— Крысы, — сказал я. — Если оставить снаружи без охраны, всё пожрут крысы.

— И патроны пожрут? — усомнился Душан. — И стволы?

— И патроны, — мрачно подтвердил я. — Особенно они уважают калибр пять сорок пять. Это у них чисто деликатес.

Хорошо, Ворон сумел сохранить на лице выражение философской задумчивости.

Разговорчики в строю прервал Сван, велев черногорцу заткнуться и ожидать приказа. Я и Ворон медленно двинули к подъезду, Сван и братья остались охранять мотоциклы и прикрывать нас сзади.

Козырек над входом растрескался, в любой момент конструкция могла обвалиться. Услышав о моих опасениях, Ворон скривился, будто от зубной боли. Мол, козырьков бояться — в Зону не ходить. Ну-ну, про особое чувство юмора сталкеров известно далеко за Периметром. Раньше рассказывали анекдоты о чукчах, теперь о сталкерах. При одном взгляде на рожу Ворона мне всерьез захотелось, чтобы чертов козырек рухнул ему на голову.

На двери в подвал висел ржавый замок, открыть который не представлялось возможным. Да и смысл возиться? Дверь прогнила насквозь, ее можно было продырявить пальцем. Пару раз двинуть ногой — и преграды как не было.

У входа в подземелье, на стене слева, обнаружился выключатель. Загорелся свет. Ничего удивительного, всё-таки электростанция рядом. В Зоне подобные шутки на каждом шагу. Сам воздух наэлектризован, что уж говорить о лампочках и проводке?

— Про водку можно и поговорить, — осклабился сталкер. Похоже, я опять рассуждал вслух. — Дай «Хиросимы» глотнуть.

Я дал, а сам тем временем направил ствол АК в проем и приготовился к тому, что нас вот-вот атакует какая-нибудь мерзость. Бюрер, к примеру. Карлики обожают подобные места. Их хлебом не корми (тем более что хлеба они не едят), дай прописаться в заброшенном подвале.

Но бюреров на лестнице не обнаружилось, а подвал оказался на удивление сухим. Лучше местечка для ночлега в округе не сыскать, точно говорю. Ворон ткнул пальцем в этот дом и угадал с первого раза. Вот что значит опытный сталкер! Я так не умею.

— Слышь, как это у тебя получилось?

— Поживешь здесь с мое, и не такое получится будет.

Это уж точно, чем дальше мы находимся в Зоне, тем необратимей последствия для наших организмов. И говорю я вовсе не о радиации и кислотных дождях...

Мы выбрались наружу. Закат багровел, заставляя все вокруг отбрасывать длинные тени.

— Чисто. Здесь и заночуем, да, командир?

Сван кивнул. После неудачи у схрона отставной майор... потускнел, что ли? Был в нем стержень, да сплыл. Его предали. И предали те, от кого он никак не ожидал подвоха.

— Ворон, упакуешь мотоциклы, или мне сделать?

Сталкер заявил, что не доверит Максиму Краю такое ответственное задание после пережитого стресса. Тоже верно. Меня еще долго будет тошнить от вида проволоки. А именно проволокой Ворону и предстояло заняться. Он справился на удивление быстро, словно целыми днями только и делал, что устанавливал на мотоциклах «сюрпризы». Вор, если надумает украсть байк, попросту подорвется.

— Что это? Зачем? — спросил Душан, будто сам не видел.

Конечно, это не гранаты системы Лемона, но что-то такое в них есть. Ф-1 — боеприпас, который в моде уже много десятилетий. Помню, мне нравилось сжимать овальный чугунный корпус, сидя на броне во время рейда по банановым плантациям. Ребристые грани цвета хаки удобно ложились в ладонь. Эх, давно это было, будто и не со мной...

— У вора четыре секунды на то, чтобы сообразить, во что он вляпался, — пояснил черногорцу сталкер, связывая проволокой колеса «ямахи» и устанавливая гранату так, чтобы при попытке угнать мотоцикл вырвало чеку.

Душан покосился на Ворона:

— Я знаком с устройством гранаты и знаю время срабатывания замедлителя.

Я кивнул, соглашаясь с черногорцем. Мы попали сюда не из-за офисных столов, разжевывая прописные истины ни к чему. Сталкер рассказал бы еще, что нельзя выдергивать зубами чеку, если нет желания посетить стоматолога.

Я вытащил еще одну Ф-1 из гранатного подсумка и передал Ворону:

— Хорош трепаться. Солнце уже низко.

При подрыве гранаты мотоцикл скорее всего придет в полную негодность. С другой стороны, если его украдут, мы тоже останемся ни с чем. Как говорится, что в лоб, что по лбу.

Обожаю подобные расклады. Без них скучно жить.

* * *

Душан заснул первым, следом — Эмир. Сван долго ворочался с боку на бок, а потом сел и обхватил руками колени. Мне выпало первому дежурить, так что устраиваться поудобней я пока не собирался. Через два часа я должен был разбудить Свана, чтобы тот ввел коды и принял вахту.

— Не ходите, дети, в Африку гулять, — мурлыкал Ворон, взбивая вещмешок под головой.

Сван поежился:

— Слепые собаки... А знаешь, почему они слепые?

Весенние ночи в Зоне, мягко говоря, прохладные. Я отхлебнул из фляги. И радионуклидов чутков вывел, и убил всех микробов во рту. Так я спасаюсь от кариеса, которым производители зубной пасты пугают меня с детства.

— Самоходные мины. — Сван посмотрел мне в глаза и быстро перевел взгляд на костер, разведенный в подвале, чтобы хоть немного стало теплей. Сквозняком дым утягивало куда-то в темноту.

— Что?

— Самоходные мины. Знаешь, сколько надо противотанковых мин, чтобы перекрыть один километр фронта? Порядка двух тысяч. Это почти двадцать тонн взрывчатки. А стандартный интервал между танками — сто метров. Усек? Чтобы уничтожить десять танков, надо две тысячи мин и двадцать тонн взрывчатки. И при этом не факт, что танки сгорят. Один подорвется, остальные пойдут в обход.

Я не понимал, к чему Сван клонит. В огне потрескивали обломки оконных рам. Хорошо, что предки не знали, что такое металлопластиковые окна, а то бы мы остались без дров.

— Еще во время советско-финской войны начали кумекать, что лучше бы мина сама подкатывала к танку. Один танк — одна мина. Не двести на штуку, а одна. Усек, какая выгода?

Я кивнул.

— Вот тогда и придумали использовать собак. А что? Дворняг до хрена. Цепляешь на Шарика брезентовый व्यюк с двумя боковыми сумками, в которых тротилловые заряды по шесть кэгэ каждый, и вперед, беги, псина, умирай за царя природы.

Сван замолчал. А мне вдруг стало интересно, что из этой затеи получилось:

— Ну и как, умирали?

— Не-а, не захотели. Проект свернули, виновных наказали.

— Угу. — Иного я и не ожидал.

— Но спустя много лет об этой затее вспомнили.

Вот тут я напрягся, начиная догадываться, на что намекает отставной майор ГРУ.

— И не просто вспомнили, но и возобновили эксперимент. Наука далеко шагнула с тех пор. Компьютеры, космос, нанотехнологии... — Сван многозначительно замолчал.

— Собаки — ладно. А слепые почему? — решил уточнить я.

— А потому что боятся, когда на них прет стальная громадина. Меньше видишь — легче умираешь.

— Это уж точно, — сказал я, хотя и очень сомневался, что отсутствие глаз делало собак бесстрашными.

Сван лег и укрылся с головой, а я сидел у костра и думал о том, что в Зоне самые страшные существа — вовсе не кровососы и химеры, но самые обычные люди.

Глава 12. Новичок

Новичку нелегко у Периметра. Сгинуть здесь куда проще, чем раздавить окуроч каблук.

Ты бродишь по Чернобылю-4, заглядывая в обожженные радиацией лица. Ты готов на все, лишь бы тебя взяли туда, где можно найти артефакт и тем самым заработать на банку тушенки. Ведь ты так много повидал, пробираясь через многочисленные кордоны и блокпосты. В конце концов, ты не какой-нибудь маменькин сынок, живущий на стипендию. Жизнь редко трепала тебя по загривку, чаще била по зубам.

Гостиниц в городке нет, и спать на лавочках в октябре не очень-то тепло. К тому же по темным улицам раскатывают милицейские «уазики». Ходят слухи, что у ментов договор с работоторговцами. Мало ли чего пропадают люди в городке возле Зоны...

И вот уже меди не хватает даже на четвертушку хлеба, а обожженные радиацией лица все так же безучастны к тебе. В груди хрипло булькает, кашель выворачивает легкие наизнанку. И ты начинаешь ненавидеть всю сталкерскую породу, всю эту надменную мразь. Труссы. Они боятся, что ты — засланный казачок. Или конкурент. Будто ты отберешь у них добычу, вырвав кусок изо рта!...

Вот так, от безнадёги, я и оказался на окраине. За спиной в чернильной мгле мерцали высотки. Заправка у дороги манила меня неоновой вывеской, как глубоководный удильщик — креветку.

На то, чтобы выломать в орешнике дубину, нужны были силы, а я едва стоял на ногах от слабости. Каждый шаг — подвиг. «Только бы не рухнуть без сознания, только бы не рухнуть...» — пульсировала меж висков единственная мысль.

Шум движка я услышал издали и успел схорониться в кювете, едва не сорвавшись с насыпи. «Уазик» с мигалкой пролетел мимо. Дорога пустая, можно утопить педаль газа до предела.

Опираясь на дубину, как на костыль, я поковылял к заправке. Последние метров сто едва полз. Помню, я обрадовался, не обнаружив ни единого клиента. То, что надо!

На стеклянной двери магазинчика, из тех, где продают моторное масло и пиво в жестянках, висела табличка: «Добро пожаловать!». Я с удовольствием воспользовался приглашением. Если не набью брюхо здесь, обратно до города просто не дотяну. Предательски звякнул колокольчик, я шагнул за порог и обомлел.

Меня ждали. Знаете, как в американских фильмах — именинник до последнего не подозревает, что толпа народу сидит в темной комнате, но тут врубается свет и раздастся могучий вопль: «Сюрприз!».

Для меня глоток никто не надрывал, но эффект получился тот же. Вот только вместо улыбок и похлопываний по плечу — дробовик, направленный в мой впалый живот. Короткий ствол АКСУ ткнулся в висок.

Я осторожно осмотрелся. Итак, имеем следующую комиссию по контакту: двое в милицейской форме и в бронежилетах — по всему, парни отчаянные, настоящие шерифы из гэдээровских вестернов.

— Брось палку, сынок, — сказал тот, что пониже ростом, круглощекий и усатый.

Я бы с радостью, но пальцы свело судорогой, они не разжимались, костяшки побелели. Хотелось объяснить, что дубина не опасна слугам закона, но без команды рот лучше не открывать. Когда пленный начинает что-то щебетать, так и хочется врезать ему прикладом по зубам. Это я по собственному опыту знаю, а зубы мне еще нужны.

— Тю! Шо-то рожа мне твоя знакома, сынок. А не в сводке ли я тебя видел? В общегосударственном розыске?

Я молчал. А что тут скажешь? «Нет, вы обознались, у меня есть брат-близнец»?

— Да он это, Петро, точно говорю, — подал голос второй мент, рожа азиатская, зато акцент московский, акающий. — При побеге вэвэшников намолотил, что та мясорубка. Короче, знатный улов у нас сегодня.

— Та нэ кажы, Белоглаз, стреляный воробей к нам залетел.

Наверное, мне должно быть лестно, что даже черныбыльские менты знают мои особые приметы. Но лестно почему-то не было. Популярность, вроде моей, смертельно опасна. Захотят ли менты со мной возиться или прямо тут шлепнут при попытке к бегству? На некоторые вопросы не бывает хороших ответов.

— Ну шо, гражданин Краевой, старших слушать будем? Или сразу на мяско? Как сердечко, не пошаливает? Печеночка горилкой не загублена? — Улыбка у круглощекого была обаятельная, простецкая. — Если слушать, то у нас для отчаянных хлопцев завсегда работенка сыщется. Непыльная. Верно, Белоглаз?

Я уже понял, что эти двое явились на заправку с той же целью, что и я, — пожить. А то, что они в милицейской форме, сути не меняло: настоящие мародеры, вот кто они такие.

Я с трудом выдавил сквозь стиснутые зубы:

— Работа нужна.

— Вот и славно, сынок, вот и славно.

Металл наручников холодом обжег мои запястья. Я снова потерял свободу. Но уж лучше ментам подпевать, чем подарить селезенку заграничному мажору.

* * *

— Чего рот раззявил? Тяни давай! — Бегемот, худощавый, юркий, от возбуждения чуть ли не подпрыгивал на месте. — Ну ё-моё!!!

При этом пальцы Бегемота шевелились так, будто он сжимал фотоаппарат, делая снимки для глянцевого журнала. Но он вовсе не указывал суповому набору, страдающему анорексией, — как развернуться тощими ягодицами и куда отбросить прядь жидких волос. Бегемот занимался серьезным делом: он обкатывал новичка.

Новичок обиженно сопел, но ветерану подчинялся безоговорочно. Новичка звали... я не запомнил как, недосуг было вникать. Слишком уж часто менялись эти мальчишки.

Работенка действительно оказалась непыльной, не соврали менты. Да и откуда взяться пыли на дне озера Янтарного? Слыхали о таком? А я вот не только слыхал, но и бывал. Как говорится, плавали, знаем.

Таких добровольцев, как я, было пятеро. И у всех своя история падения на дно. В прямом смысле тоже.

— Как водичка сегодня? Теплая? Плавки надели, а, братва? — Шутка, которую я слышу в сотый раз.

— Надели, а то. Мини-бикини! — Ответ тоже неизменный.

Теплая или горячая, вода здесь редко бывает голубой. Почти всегда она мрачно черная или же бутылочного цвета, словно кто-то вылил в озеро десятка два цистерн йода.

Каждый раз, выдвигаясь к озеру, мы максимально быстро поднимались по склону холма, поросшего чахлым кустарником, который отлично цеплялся за ноги, но совершенно не держал, если надо было за него ухватиться. В кустарнике обитали псевдоящерки — неповоротливые твари с шипастыми головами и толстыми когтистыми лапами. Хвосты у ящерок отсутствовали, зато тонкие языки выстреливали из пастей развернутыми спиралями и били почему-то всегда в глаза жертвы. Жертвами частенько бывали мы. Правда, на атаки маленьких мутантов мы просто не обращали внимания, потому как прикрывали лица масками. Ни до, ни после я больше не встречал псевдоящерок и не слышал о них. Похоже, они обитали только на том склоне Янтарного.

Чем быстрее поднимаешься и скатываешься к воде, где у берега можно спрятаться под раскидистыми ивами, тем меньше шансов засечь тебя с воздуха. Попасть под ракетный удар патрульного вертолета — приятного мало.

Озеро Яantarь — одно большое кладбище. Громадный радиационный могильник, куда свезли технику, использованную для ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Это случилось еще в прошлом веке. А после второго взрыва могильник затопили грунтовые воды. С тех пор армейские «ЗИЛы» и бэтээры превратились в ржавеющие подлодки. У берега озера особенно хорошо видны ряды крыш «таблеток» и «рафиков».

— Что, тяжело? Дык легко в учении, легко и в гробу! — По молодости Бегемот отслужил в стройбате. Юмор у него соответствующий.

Он попросту измывался над новичком, как перед дембелем унижал перепуганных салаг. Новичок потел в три ручья, веснушчатые щеки его покраснели, как натертая свекла, но снарягу он тащил. Зубы стиснул, брови свел к переносице, всем своим видом намекая, что сумеет превозмочь все невзгоды на пути к светлому послезавтра. Интересно, где его подобрали Белоглаз и Петро? Вру. Вовсе не интересно.

Кинув взгляд вверх, я на мгновение перестал дышать. Движение облаков над озером завораживало. Я мог часами пялиться на них. Но на этот раз мне было не до облаков — я засек в небе винтокрылую машину, которая направлялась в нашу сторону.

Рывкнув: «Воздух!» — я скатился по склону, одной рукой держа снаряжение. Благодаря «волчьим слезам» оно весило в разы меньше. Мы постоянно пользовались этими простенькими артефактами, но новичкам за «слезы» полагалось отпахать по полной — такое правило ввел Бегемот. В свое время я тоже таскал на горбу отнюдь не легкие баллоны, акваланг, ласты и прочие приспособы. Выбирать дорогу не приходилось. Проскочить аномалию был хоть какой-то шанс, а вот остаться на поверхности, где не спрятаться и крысиному волку, означало верную смерть. Так что я выполнял роль отмычки. Мы никогда не ходили по склону одними и теми же путями, чтобы не вытаптывать тропинки, заметные сверху.

Дыхание с хрипом вырывалось из моей груди, я выложился по максимуму. Прижавшись грудью к стволу, нависшему над водой, я обернулся. Бегемот отстал всего на пару метров, Звездец и Киска — на десяток, но тоже успеют присоединиться ко мне раньше, чем их засекут с вертолета. А вот новичок...

Он неторопливо спускался по склону, вдвое согнувшись под тяжестью снаряги. То ли ему никто не догадался сказать, чтобы бросил все и бежал, то ли Бегемот велел доставить имущество в пункт назначения.

Новичок был обречен. Сообразив, что дело дрянь, он упал на спину и попытался избавиться от рюкзака.

В небе над холмом завис Ми-8 с бочонками НАР по бокам. Медленно потянулось время: секунда, десять, полминуты... Чего они ждут там, на борту? Развлекаются, наблюдая, как бродяга выкарабкивается из паутины, которую сам на себя навесил?

Новичку удалось выпутаться из ремней. Он поднялся в полный рост. И я тут же искренне пожелал ему смерти. Я взмолился, чтобы вояки на борту «восьмерки» очухались и завалили мародера. В конце концов, это же их работа! Кинься новичок вслед за нами, к ивам, — и все, пиши пропало. Одного залпа ракетами хватит, чтобы отправить нас к праотцам.

Нам повезло. Во-первых, новичок помчал вдоль берега прочь от деревьев — то ли сознательным оказался, то ли совсем идиотом. Во-вторых, бронированная дверца вертушки откатилась, наружу высунулся ствол пулемета. Длинная очередь буквально перерубила беглеца пополам. Я вздохнул с облегчением.

Ми-8 еще минут пять кружил над берегом. Я опасался, что кто-нибудь спустится, чтобы осмотреть груз нарушителя Периметра — а вдруг рюкзак набит редкими артефактами?

На наше счастье, осторожность победила жадность, и винтокрылая машина улетела к Периметру, где всегда есть в кого пострелять. Вторые сутки подряд полчища мутантов активно атаковали заграждения в направлении Чернобыля-4.

— Петро заругается, — сплюнул в воду Звездец.

— Ой ли. — Киска получил свое прозвище за пристрастие к губной помаде и мечте заработать зеленых денег на операцию по смене пола. — Снаряга цела, а радиоактивного мяса везде завались. На килограмм оно дешевле куриных потрохов.

Голова у Киски работала исправно. Да и чего ей не работать — два высших образования. Вот только мечта испортила Киске жизнь и загнала его в Зону. Там, за Периметром, ему ничего не светило. А здесь каких только уродов не водилось. Взять тех же темных. На их фоне Киска — сто процентов нормы с перевыполнением.

Вот кто мог достойно поспорить с Миленой о косметике. Милена, где ты сейчас, что с тобой?...

— На сегодня купание отменяется? — спросил я Бегемота.

— С чего бы? Ноги у тебя целы, а, Край? Голова на месте? Значит, раков на ужин наловишь! Верно я говорю, а, братва? — осклабился Бегемот и огладил короткую курчавую бороду.

Братва вяло закивала бритыми черепами. Раньше некоторых выворачивало от подобных предложений. Жрать то, что здесь называлось раками, мог только Бегемот. А ловить умел только я. По мне, ловить раков куда лучше, чем лазать в узкие люки затопленных танков. А вот у Киски иное мнение — он в любую дыру без смазки проскочит. В прямом смысле.

— Вояки наверняка район прочешут... — Ну не мог я обойтись без своих пяти копеек.

— Один труп — еще не повод тратить бюджетные средства на спецоперацию, — весомо возразил Звездец.

Вот ведь сволочь, мог бы и помолчать. Ему-то в воду не лезть. Звездец на берегу караулит, прикрывает нас на случай, если какая тварь сунется, пока мы на глубине резвимся. Он у нас военный сталкер. Вроде как. То есть одет по форме, броня у него, оружие. Короче, весь такой серьезный, что прям не подходит. Навести тень на плетень Звездец умеет, не зря театральное закончил. Разочаровавшись в бесконечных репетициях и «кушать подано», он решил попытать счастья в радиоактивном Эльдорадо. Много здесь таких — приключенцев на свою пятую точку. И сводки об их безвременном уходе не отображаются на экранах ПДА.

— Молодого похороним? — робко поинтересовался Киска, заранее зная ответ.

— Ты чё? Я те похороню! А на что Край ловить будет? Краю без наживки никак! Не, ну разве тебя вместо...

Я говорил, что у стройбатовцев своеобразное чувство юмора?

— Чего расселись? Солнце еще высоко! — хохотнул Бегемот и первым принялся натягивать «резину». Рядом на песке лежали баллон, ласты и разгрузочный жилет.

Да, я забыл сказать: мы — золотоискатели.

Говорят, в свое время в могильник отогнали инкассаторскую машину, полную радиоактивного золота. Не стали вывозить, побрезговали. Вот его-то мы и ищем.

* * *

Погружение.

Сначала мы идем над самыми крышами затопленной техники. Крыши те насквозь проржавели, покрылись водорослями и ракушками. То тут, то там в кабинах шмыгает обычная плотва. С виду обычная. Звездец, в наше отсутствие изнывая от безделья, пытался ловить рыбу на удочку. Ему хватило ума не есть ее, прежде чем опробует на ком-то. Он вывалил пару кило рыбы в крысиное кубло в яру, недалеко от нашего лагеря, и был очень удивлен, когда наутро обнаружил, что крысы — эти всеядные существа! — даже не притронулись к угощению. Провел ли Бегемот подобный эксперимент с раками, не знаю, но ничуть не удивлюсь, если нет. Стройбатовцы — это инопланетяне с иным метаболизмом.

Расходимся.

Бегемот с Киской, меланхолично шевеля ластами, отправляются в заранее намеченный квадрат. Я же протискиваюсь между гусеничным Т-150 и «КамАЗом» с прицепом, тент которого прогнил и рваными лоскутами болтается в воде.

Подныриваю под «КамАЗ», медленно иду у самого дна. Здесь темно, я подсвечиваю себе фонариком. У меня нет желания напороться брюхом на ржавый металл. Пусть кто-нибудь другой подкармливает рыб своей требухой — зомби, к примеру. Этих в Янтарном хватает. Шагают по крышам грузовиков, падают, тонут. Ума нет вскарабкаться наверх, вот они и топают по дну, попутно обгрызаемые теми же раками. Так что свет — это хорошо.

Поворот в лабиринте ржавых остовов, второй, третий — и я оказываюсь в нужном месте, у троллейбуса. Здесь обитают самые крупные раки, которых я ловлю с помощью сетки, сплетенной из тонких электропроводов в цветной изоляции. Кстати, отсюда отлично виден прицеп с рваным тентом. И вроде можно проплыть напрямую, но я выбрал извилистый маршрут, чтобы не вляпаться в «хвост русалки» — аномалию, которая вминает дайверов в дно и расплющивает, ломая кости.

К сожалению, Зона на берегу не заканчивалась. Глубина изобиловала мутантами и аномалиями — такими, к примеру, как тот же «хвост русалки» или «рыба-игла». Последняя аномалия мне особенно не нравилась. На моей памяти она раз десять становилась поводом для ловли раков.

Вот и сейчас, озаботившись тем, чтобы правильно разложить на сетке тело новичка, я прозевал порцию пузырьков, которая поднялась с илистого дна. И вторую порцию тоже прозевал. Это стандартное предупреждение. А третьего просто не бывает. Вода вокруг меня вдруг засветилась золотом. Красиво так засветилась — и наполнилась десятками продолговатых тонких палочек, похожих на стержни от шариковых ручек, может, чуть крупней. Изламываясь и восстанавливая форму, стержни принялись хаотично двигаться вокруг.

У меня перехватило дыхание. Вот ведь влип! Я застыл на месте — максимально, насколько это вообще возможно под водой. Любое движение могло стать для меня последним.

Золотистое сияние вспыхнуло ярче и стало морковным. Стержни (их еще сравнивают с рыбами-иглами, обитающими в Азовском море) ускорились и уменьшили радиус поиска, приблизившись ко мне.

Если кто из моих коллег и заметил, что я попал в беду, то сделал вид, что ничего не случилось. А не заметить было трудно — сияние видно издалека. И оно чувствуется. Каждый раз, когда кто-то из ныряльщиков нарывался на «рыбу-иглу», мы все знали об этом.

Раки тоже не заставили себя ждать. Десятка два мутантов пока что с опаской начали сближение с сетью, на которую я уложил останки новичка. Думаете, не по-людски и надо было предать земле? Но могилу все равно разроют крысы или слепые собаки. Так что без разницы.

Я видел омаров только по телевизору, но раки в Янтарном в пять раз крупнее. По крайней мере, так утверждал Бегемот. Наверное, перед дембелем в столовке его кормили не перловкой и горохом, а морскими деликатесами.

Итак, представьте себе чудище около метра длиной. Представьте, что у него клешни размером с вашу голову и эти клешни способны перекусить вам руку. Панцирь у рака грязно-черный, под цвет ила, толстый и очень крепкий. Чтобы разбить тот панцирь, надо хорошенько ударить прикладом, а то и не раз.

Почти что человечесьи глаза на подвижных веточках-отростках внимательно уставились на меня. Раки строили мне глазки — шутка, достойная Бегемота.

Оценив обстановку, твари разбились на две большие группы. Одна занялась наживкой, в свою очередь разделившись на тех, кто трапезничает, и тех, кто наблюдает, как бы чего не случилось. А представители второй группы, деловито перебирая лапами по дну, принялись окружать меня.

Вообще-то раки довольно пугливы. Но их обманула моя неподвижность. Они приняли меня за труп и не очень-то ошиблись. Еще живой труп — это верное определение моего тогдашнего состояния.

Меж тем свечение окрасилось в алые тона. Стержни-иглы шныряли возле моей маски, я чувствовал слабые удары в ласты. Скоро, очень скоро они превратят меня в решето. А тут еще и раки...

Нулевая плавучесть у меня установилась в полутора метрах от дна. Поэтому ракам пришлось прыгать, чтобы подобраться ко мне. Оказалось, они вполне сносно загребают хвостовыми сегментами. Здоровенная клешня впилась мне в икру, прорезав резину и разодрав кожу. Я зажмурился от боли. А ведь это всего лишь первая робкая попытка!

Черт, ну почему стержни не обращают внимания на раков?! Чем я лучше?! Наверное, все дело в размере... Я решил, что лучше уж мгновенно погибну от аномалии, чем меня медленно заживо съедят. Но я не успел сделать глупость. Из-под прицепа на меня кинулось нечто огромное. Будто вдруг ожил и проголодался бетонный столб, затопленный вместе с линией электропередачи. Ему, обросшему водорослями и пиявками, я показался достойной добычей.

Все произошло очень быстро.

Возня раков разбудила сома, дремлющего под прицепом. Он был так огромен — метров пять длиной и с полтонны весом, а то и больше. Вот лишняя масса и сгубила рыбину.

Аномалия внезапно потеряла интерес ко мне. Активированная по максимуму, она атаковала новую цель. Вода вокруг меня взбурлила, когда стержни-иглы одновременно стартовали к хищнику-гиганту.

Сом будто наткнулся на невидимую стену — он застыл на месте. Стержни впились в его плоть, прокалывая ее вдоль и поперек, изнутри дробя и взбивая в однородный коктейль мясо и кости. А через секунду-две эта взбитая масса просочилась в воду через входные отверстия, пробитые стержнями. И вода окрасилась алым, и сияние исчезло.

Слава Хозяевам, аномалия «рыба-игла» — одноразовая. И дважды в одном и том же месте она никогда не возникает.

Опустевшая кожа сома медленно легла на ил. А вместо аномалии в воде теперь отблескивало серебром нечто, похожее на обычного карася. Но я точно знал, что это не рыба.

Сердце ускорило ритм, мне вдруг безумно захотелось прикоснуться к штуковине, висящей в воде. Я взмахнул ластами, приблизившись к артефакту. Правда, тогда я еще не знал, что передо мной артефакт... И тут мою ногу пронзила боль. В лодыжку впился рак. Второй его собрат готовился присоединиться к пиршеству, а за ним со дна поднимался еще один. Из-под ржавых остовов шествовали все новые и новые мутанты...

Надо было что-то делать! Надо было выбираться отсюда.

И потому я заставил себя проснуться.

Глава 13. «Пиранья»

Я открыл глаза. Нога нестерпимо болела — слишком уж явный сон я увидел. Будто оказался в собственном теле в прошлом и вновь пережил все, что тогда произошло.

— «Пиранья», — прошептал я.

Жутко хотелось пить, во рту пересохло.

Да, вы не ослышались, именно пиранья. Хищная рыбка, что водится в бассейне Амазонки, но никак не в глубинах Янтаря. Именно так я назвал открытый мной артефакт, один из самых дорогих самородков Зоны. То, что мне нужно для осуществления планов.

— Ты что-то сказал? — сонно пробурчал Эмир.

Я приподнялся на локтях и сел, вытянув перед собой ноги. И тут же сменил позу. Сидеть вперед ногами — плохая примета.

— Нет, — мотнул я головой. — Ничего. Молчу, как рыба. Как пиранья.

— Ты ерзал все время, крихтел... — Эмир. зевнул. — Видать, приснилось что-то. Мне тоже иногда...

Я перебил его:

— Тише, остальных разбудишь.

— Ага, точно. — Он повернулся на бок и тут же захрапел.

Рядом с братом мирно сопел Душан. Я позавидовал его нервам, подобным тросам из нержавеющей стали. Я давно разучился крепко спать. Не могу не прислушиваться к ночной тишине. При этом ладонь должна поглаживать цевье автомата, снятого с предохранителя... Стоп! Что-то здесь не то. Что-то очень плохое. Что?!

Подвал освещали всего две лампочки. Здесь царил полумрак, с которым не мог справиться рассвет. Утро сочилось в подполье через единственное не засыпанное листьями отверстие для вентиляции, такое маленькое, что в него не смог бы просунуть голову и ребенок. Как запасной выход оно категорически не годилось.

Что не так?! Я таращился на спящих карателей. Спросонья мозги работали со скрипом, и потому мне понадобилось с полминуты, чтобы осознать: на посту никого нет. А вот так! Все спят. Бери нас тепленькими, дорогой враг! Кушайте на здоровье, уважаемые мутанты!

Я взглянул на часы. Чья очередь дежурить? Душана?

Взглянул — и похолодел.

— Сван!!! — крикнул я так, что вскочили все.

Все, кроме Душана.

— Сван! Время! Код! — Так и хотелось добавить, чтобы начинал с меня.

Мы едва не проспали собственную смерть.

Расталкивая Душана, я вспотел — таким крепким был его сон. Зато потом черногорец получил по полной. Оказывается, можно уделывать человека одними лишь словами. Вот что значит офицер! Сван, как только ввел коды, разнес нерадивого карателя в пух и прах. Причем не повышая голоса. Причем так, что даже я почувствовал себя виноватым за то, что посмел закрыть глаза после своего дежурства. Я должен был бдеть и предотвратить!

Но моджахед лишь сонно шурился и поддакивал всему, что говорил майор.

— Эй, командир, тс-с! — прервал экзекуцию Ворон.

— Что?! — побагровел Сван.

— Тс-с! Я что-то слышал...

— Да мне плевать на то, что ты там слы... — Грушник замолчал на полуслове — на него из-под потолка спикировала черная мохнатая тварь. Растопыренные перепонки крыльев были сплошь усеяны мелкими крючковатыми шипами.

Сначала появился шелестящий звук, будто мяли полиэтиленовый пакет, а затем в луче утреннего света мелькнул монстр. Он вцепился в конфедератку Свана и, сорвав ее с головы, унесся в следующий коридор подвала, не освещенный вообще.

— Что это было? — Сван подхватил с пола свою винтовку, щелкнул предохранитель.

Если летучая мышь, то очень большая. Я еще не слыхал о вечерницах и подковоносах размером с курицу. Но ведь остальные видели то же, что и я. И ни у кого не возникло желания ответить на вопрос командира.

— Надо выбираться отсюда. — Оглядываясь по сторонам, Эмир достал сигарету и закурил.

Умное замечание, выбираться таки надо. И заодно выносить наши припасы и арсенал, без них нам в Зоне не выжить. Если придется сражаться за канистры с водой, я перегрызу глотку даже кровососу. Однажды я уже гулял по Темной долине без воды — три дня пешком с десятком артефактов в мешке за спиной. Это было в период моей буйной молодости и тотального безденежья. Так я зарабатывал свой стартовый капитал. Автомат с последними двумя рожками да дюжина дешевых цацок, от которых воротят нос даже научники... Слава Хозяевам, эти времена давно прошли. Теперь я рискую только за щедрое вознаграждение. Вот как сейчас, к примеру. Что может быть дороже, чем моя жизнь?

— Ворон, выводите Свана! — Если я хочу, меня слушаются даже отъявленные индивидуалисты. — Душан, Эмир, берите вещи и дуйте наверх! Я прикрою!

Подхватив одной рукой канистру с водой (второй он сжимал М-16), сталкер толкнул плечом Свана, ошалевшего от воздушной атаки. Командир шагнул по направлению к лестнице. Ладонью он ощупывал ежик волос, который еще недавно прикрывала натовская бейсболка.

Зато братьям дважды повторять не надо было. Они сразу кинулись к груде пожитков. Но Душан двигался слишком медленно. Он ухватился за цинк с патронами, пару автоматов повесил на плечо, взял РПГ и, согнувшись вдвое, потащил все это к выходу. Эмир живо нацепил два рюкзака с едой и поволок две двадцатилитровые канистры — одну с водой, вторую с бензином. Но к лестнице добраться успел только Сван. Перехватив удобней СВД, он больше не нуждался в помощи Ворона. Командир пришел в себя.

Я же тем временем отслеживал потолок, водя стволом от одного темного угла к другому. Когда Эмир вскрикнул и уронил канистру с бензином, я отвлекся на него лишь на мгновение, но этого хватило, чтобы пропустить крылатую тварь, которая спикировала мне на плечо. Она целила тонкими зубами-иглами в незащищенное горло.

Еще две твари вылетели из темного коридора.

Схватив мутанта за перепончатое крыло, я сдернул его с плеча и швырнул на пол. Второй рукой поднял автомат перед собой и нажал на спуск. Я вовсе не терминатор. Мышцы у меня не стальные, но на короткую очередь даже моих возможностей хватило. После чего АК увело в сторону и пули высекли из кирпичной кладки фонтанчики осколков.

Одну тварь прямо в воздухе порвало в клочья. Вторая шлепнулась на спину Эмиру — прямо на знак радиоактивной опасности с крыльями летучей мыши. Как символично! Небось тот, кто придумал «Ангелам» эмблему, рисовал с натуры.

Мутант, которого я сбросил с себя, неуклюже ковылял по мусору, наваленному на пол. Вскарabкавшись на обломок бетонной плиты, тварь растопырила крылья, но взлететь не успела. Я честно навел на нее АК, надежно обхватив его двумя руками. За миг до того, как мой палец дернул спусковой крючок, на летучую мышь прыгнула здоровенная крыса. Она взялась не пойми откуда. Мышь пискнула и всё-таки попыталась подняться в воздух. Не тут-то было. Всей своей массой прижав летунью к бетону, крыса принялась деловито шматовать еще живую добычу.

Короткой очередью я уничтожил обоих мутантов за раз.

— Ворон! Сван! — крикнул я, заметив, что на командира готов наброситься еще один грызун, притаившийся в щели на потолке как раз у самой лестницы.

Сталкер не оплошал. Он мгновенно вычислил опасность. Выстрел поверх головы грушника — и крыса вместе с кусками штукатурки рухнула вниз. Майор не растерялся, он сразу же всадил в нее пулю.

— Помоги, брат! — крикнул Эмир, но Душан проигнорировал зов родственника, он продолжал тащить цинк к лестнице. Казалось, он не замечает того, что творится вокруг. Ему

поставили задачу, вот он и исполняет. Сначала проспал дежурство, теперь это... Что-то не то с парнем. Ведет себя слишком странно.

Но этот вопрос мы решим позже. Сначала отбиться бы от мутантов и без потерь выбраться из подвала. А что для этого нужно? Правильно, метко стрелять и мгновенно реагировать на изменения окружающей обстановки. Конечно, любого из нас могло зацепить рикошетом, но тут как карта ляжет.

На самом деле я ни секунды об этом не размышлял. Я действовал. Стрелял и уклонялся, подпрыгивал на месте, когда на меня кидались крысы, и перезаряжал автомат. Я истратил четыре рожка на мелочь под ногами и мохнатых летучих мышей, что так и норовили проверить на прочность мою сонную артерию. Чертовы упыри!

Я так завелся, что уже не обращал внимания ни на что вокруг. В глазах кишели только мутанты. И лишь потом, когда поток иссяк и везде валялось расколошмаченное в куски зверье, я заметил, что Ворон рядом, куртка на спине Эмира располосована когтями, а Душан свернулся на полу калачиком и тяжело сопит.

— Сван? — схватил я Ворона за рукав.

— Живой. — В ушах звенело от выстрелов, поэтому голоса сталкера я не услышал — угадал ответ по движению губ. — Наверху.

Наверху — это хорошо. Значит, мутанты его не достали. Первая атака не в счет. Потерять конфедератку — вовсе не то, что потерять голову. Если надо, я ему каску раздобуду, не проблема.

— Ранен кто?

Ворон пожал плечами и кивнул на Душана, над которым склонился Эмир. Осмотр ничего не дал. Я даже отсюда видел, что крови на черноморце нет ни его, ни чужой. Эмир нащупал пульс и попытался растолкать брата, но тот не открыл глаз.

— Что делать? — Эмир едва не плакал.

— Наверх его, — скомандовал я. — Там разберемся.

Вот тебе и отличное место для ночевки, сухое и безопасное... Ну, ничего. Главное, живы. Эмир взвалил на себя Душана. Ворон нагрузился вещичками и оружием по самое не хочу и, побагровев от взятого веса, медленно двинул по лестнице. Каждый шаг давался ему с трудом, зато он тащил добрую половину наших пожитков.

Я тоже подхватил кое-что, но не все. После оказанного теплого приема не хотелось еще раз посетить подвал, однако придется. А то и не раз. Я шел последним и не опускал автомат до самого выхода из подъезда дома номер четырнадцать по переулку Семнадцатого партсъезда.

А наверху тоже было не скучно. Выскочив из подвала, командир попал, что называется, из огня да в полымя. Сидя под аварийным козырьком, он устроил себе настоящее сафари. Вокруг валялись стреляные гильзы. Взглянув на наш транспорт, я сразу понял, в чем дело. Мотоциклами заинтересовались слепые псы. Сван очень вовремя оказался в нужном месте, иначе в дальнейший путь каратели отправились бы пешком.

Что-то слишком много слепцов развелось в Зоне. Куда ни отправишься, везде эти мутанты. Наверное, это связано с тем, что из-за промысла стало в разы меньше псевдопсов, которые охотились на слепых собак, сокращая их популяцию.

Слепцы обожают грызть резину. Не знаю, что по этому поводу говорят научники, но я не единожды видел, как зверье ест старые покрышки. Может, собакам витаминов не хватает или еще чего, но факт остается фактом. Замешкайся Сван хоть на полминуты, мы бы остались без колес. А так — пяток собачьих тушек легли на асфальт, и порядок.

— Ну, вы тут разбирайтесь, а я вниз... — Ворону было не по себе от той сцены, которая разыгрывалась перед нами. Столько лет сталкер в Зоне, а не привык. К такому и нельзя привыкнуть. Иначе ты не человек уже, а ударно-спусковой механизм.

Эмир сутился над братом. Он лопотал что-то по-своему, бил Душана ладонями по щекам, пытался поднять и поставить на ноги. Без толку. Душан наотрез отказывался прийти в себя. Неужели это первая потеря нашей экспедиции? А ведь мы еще даже не столкнулись с настоящим противником...

Вернулся груженный Ворон.

— Никак? — кивнул он на братьев.

Я покачал головой.

И тут подал голос Сван:

— Разденьте его.

— Что? — вытаращился на майора Эмир. — Раздеть брата?!

— Да. Мне попадались отчеты об упырях. Надо осмотреть Душана, симптомы похожие.

Упыри, значит. Я столько лет в Зоне, а впервые с ними сталкиваюсь. Да что там, я никогда не слышал об этих тварях. А ведь за Периметром в барах языки выплывают такие байки, что на трезвую голову и не придумаешь. Странно...

Как бы то ни было, Сван уговорил Эмира раздеть брата. И то, что я увидел под пиджаком, мне очень не понравилось. Командир угадал причину сонливости: упырь присосался к животу черногорца. Из-за худобы Душана под одеждой мутант никак не выделялся.

Ночью упырь залез под пиджак и укусил Душана. Да так, что тот не заметил даже — его тело сразу онемело. Воздействие на нервную систему, какие-то вещества в слюне. А заснул парень из-за потери крови, очень ослаб.

Сван вытащил нож. Я причмокнул от зависти. Клинок с анодированным покрытием, рукоять из сверхпрочного нейлона — приятно в руки взять, итальянская игрушка высшего класса. И этот идеальный нож командир надумал замарать кровью мутанта?...

Более того, уже замарал.

Я стоял и смотрел, как Сван с хирургической точностью поддевает шипы, впившиеся в кожу черногорца, и как он по живому режет крылья упыря. Мутант так накачался алым, что уже не способен был самостоятельно отцепиться от тела жертвы. Он слишком отяжелел.

Кровосос в считанные секунды опустошает человека. Упырь действует исподтишка, лишая жертву шанса оказать сопротивление.

Сван за минуту разделал мутанта — аккуратно, не повредив раздувшегося желудка. Самое удивительное, что упырь до последнего тянул из Душана соки. Командир перерезал летуну шею, оттуда брызнула тонкая алая струйка. Сван тут же заткнул дыру пальцем.

— Аккуратней. — Он передал мне тельце летучей мыши, которое на ощупь было словно воздушный шарик, наполненный водой; вот только внутри находилась вовсе не вода. — Нам это еще понадобится. Банка крови в Зоне ведь нет, я прав?

Если и есть, то я об этом ничего не знаю. Научники наверняка хранят запасы на черный день. И Болотный Доктор тоже. Но оба варианта не для нас. Так что помощи ждать не от кого.

— Система есть? — Похоже, Свану частенько доводилось оперировать в полевых условиях.

— Есть, — подтвердил я. — Ворон, будь добр, вон в том рюкзаке. Антибиотики там тоже есть.

Ворон расстегнул рюкзак.

— Что смотришь, Край? — не отрывая взгляда от живота черногорца, пробормотал майор. — Спросить хочешь? Все верно, образование у меня правильное: я почти стал хирургом. Но бронь в институтах отменили, и я укатил в войска. Интернациональный долг, заграничные командировки... Да что тебе рассказывать, ты сам такой.

Такой, да не такой. Мне вот бронь не отменяли, жаловаться не на кого. Глядя на то, как проворно Сван устроил под козырьком подъезда станцию переливания крови, я вдруг понял, что судьба вовсе не играет со мной и подзатыльники, она просто ведет меня по единственно верной тропе. Скажем, сдал бы я экзамены при поступлении на «отлично» и все равно загудел бы в банановый рай. Причина нашлась бы: мобилизация, или отчисление за прогулы, или еще что...

Ну уж нет, одернул я себя. Если так рассуждать, то впору ложиться в гробик и самозакапываться от безнадёги.

Реанимация Душана продолжалась до полудня. После того как ему обратно влили кровь из желудка упыря, Сван вколол черногорцу пару кубов очень сильного стимулятора. И Душан очнулся!

Как же обрадовался Эмир! Он скакал на одной ноге, он пел песни и лез целоваться к командиру. На него шикали, мол, Зона не любит крикунов, но ему было наплевать и растереть. Ему вернули брата! Практически с того света вытащили. Не знаю, что бы я делал на его месте. Наверное, то же самое.

Несмотря на отсутствие аппетита, Душана накормили, и сами позавтракали, а заодно и пообедали. По рекомендации доктора (Сван едва не покраснел, когда Ворон его так назвал), я налил больному полкружки «Хиросимы», которую черногорец принял с благодарностью. Такое лекарство ему было просто необходимо.

— Ты как, воин, живой? — спросил майор, облизав ложку.

— Порядок, командир. Как новенький! — бодро пролепетал Душан. На лице его проступили странные пятна, как у стариков. Что-то не то с пигментацией кожи.

— Это ты сгоряча. Тебя бы госпитализировать на недельку... Подъем! Хватит задницы отсиживать!

Запищал ПДА. Сван вытащил прибор из кармана и взглянул на экран.

— Согласно данным разведки наша цель движется к армейским складам, — медленно проговорил он, изучив текст полученного сообщения.

Весенний ветерок запутался в ежике волос майора. Грушник напряженно размышлял. Можно ли доверять данным разведки? Тот, кто передает нам сообщения, — кто он, друг или враг? А если это человек Кажана? Если это предатель и он специально заводит нас в ловушку?...

В любом случае без информации извне за короткий срок невозможно найти караван. А значит, нам остается верить информатору на слово. Верить и надеяться, что нас не обманули.

— Кстати, это рядом... — задумчиво произнес Сван. — К вечеру успеем?

Я взглянул на карту, Ворон навис над моим плечом.

— Если без форс-мажоров, — кивнул я. — К вечеру, да. Или к утру.

— А где именно сейчас караван? — спросил сталкер.

Сван ткнул в точку на карте.

Ворон улыбнулся и звонко причмокнул:

— Успеем раньше. Устроим засаду. И дело в шляпе!

Командир провел ладонью по затылку, а я цыкнул на сталкера, чтобы не загадывал. Это очень плохая примета, Зона не любит хвастунов.

Глава 14. Двойная «Воронка»

Многие бродяги таскают с собой болты. Это самый популярный крепеж в Зоне.

Тот же Ворон покупает болты десять на пятьдесят и непременно оцинкованные. Зачем ему цинк? Отвечая на этот вопрос, сталкер пробормотал какой-то бред насчет коррозии. Будто он собирался болтами что-то затягивать, а не швырять их в аномалии. Лично я признаю только гайки без покрытия. Терпеть не могу, когда цинк остается на пальцах, здесь ведь руки помыть негде.

Для тех, кто о Зоне судит по сериалу «Зов Четвертого энергоблока», подобная щепетильность покажется ахинеей. Но это не так, поверьте моему слову. Стоит улыбнуться в компании бродяг, обсуждающих метизы, и вам так нащелкают по фейсу, что пластическая операция не поможет. Ведь это сродни выбору оружия. Такими вещами не шутят.

— Что думаешь? — Ворон покусывал верхнюю губу, вот-вот ее продырявит.

— Думать вредно, — поучительно заметил я, — мысли пачкают мозги.

— Оно, может, и вредно, а все равно без хорошей идеи никак.

— Это уж точно. — С Вороном нельзя было не согласиться. — Никак. То есть вообще никак.

— Как насчет того, чтобы двинуть в обход? — подал голос Сван.

Терпеть не могу, когда в работу профессионалов вмешиваются дилетанты со своими бесплатными советами — советами, которым грош цена. И совсем худо, если дилетанты обладают властью. В таком случае советы обретают статус ЦУ и приказов. Подчиняться идиоту — нет пытки хуже для профессионала.

— Можно и в обход, конечно... — тактично промычал Ворон, заметив, как побагровело мое лицо. — Мы рассмотрим этот вариант. Спасибо за ценную мысль, босс.

Кивнув, Сван с серьезным видом наморщил лоб. Похоже, вскорости он собирался выдать еще пару-тройку креативов.

— В обход? — скривился я. — Хм, что-то в этом есть...

Что означало: угу, щас. Разбежался прям. Дать крюк километров в семь, чтоб черт-те где от намеченной точки нарваться на ту же ловушку, что и здесь? А то и на более каверзную? Извините, дураков нет. Давайте решать проблемы по мере их поступления. Одна — вот она. И мы ее решаем...

Похоже, я опять думал вслух.

— Так предлагай ты, Макс. А то критиковать все горазды. — Ворон скрестил руки на груди.

Солнце клонилось к горизонту. Торчать здесь не было ни времени, ни желания. Надо или вернуться в поселок, отмахав километров несколько, или прорываться вперед. Ночевка в Зоне без прикрытия стен, лучше бы бетонных, — испытание не для слабаков. Я хоть и не слабак, но у меня нет желания себя испытывать.

Нам всю дорогу везло с аномалиями. А я ведь знал, что хромая судьба не отпустит меня из своих цепких коготков. Она обязательно скажет свое фи и ткнет Максимку костлявой лапой. Терпеть не могу форс-мажоры! Ненавижу, когда бьют ниже пояса!

Расклад такой: есть отрезок дороги в сотню метров длиной. Здесь отлично сохранился асфальт, здесь тихо и спокойно. Сюда не заглядывают мародеры, вертолеты пролетают мимо, а мутантам просто нечем поживиться. Типа благодать неопишущая, ложись и отдыхай от суеты сует. Или езжай куда тебе надо.

Ан нет, не все так просто. То есть совсем непросто! Асфальт с флангов зажат бетонными заборами, поверх которых натянута колючая проволока, — это есть ограждение двух заброшенных армейских складов. Тут много таких сооружений. Удобное, кстати, место для засады. К тому же аккурат поперек дороги разлеглась аномалия.

И как бы сказать повежливее... В общем, Ворон и я уже час «занимаемся сексом», швыряя в аномалию металл. Таким нехитрым способом мы пытаемся обнаружить хоть какой-нибудь проход, хоть задний, хоть передний — нам уже все равно, куда соваться. К сожалению, нам пока что не везет. Я понимаю: отрицательный результат тоже результат, но я с удовольствием обменял бы все обломы на одну удачу — по курсу тысяча за штуку.

— Так, может, объединим? — С креативами у майора напряг.

Я готов разmozжить командиру голову прикладом АК, если он не заткнется.

Отставить, Край! Думай, как разругить тему.

Дорога к складам была залита лужами «холодца». Детектор на руле мотоцикла мерцал, как новогодняя елка. Хорошо хоть обошлось без других аномалий. Зеленые пятна мы объезжали, не снижая скорости. Правда, в одном узком месте Эмир едва не влетел в кислоту, когда его мазнул по щеке лоскут «ржавых волос», пролетавших мимо. От резкой боли черногорец слишком сильно вывернул руль, и это едва не стоило ему жизни. Лишь благодаря великолепной реакции ему удалось справиться с управлением. Смочив горло «Хиросимой» и ее же использовав для дезинфекции ожога, Эмир задрал кверху воротник кожанки и втянул голову в плечи. Какая-никакая, но защита.

Мы передвигались по самой страшной территории Земли чуть ли не обнаженными. Моя куртка, пропитанная отработанным машинным маслом, не в счет. Ворон щеголял в такой же и не испытывал дискомфорта. Что удивительно. Матерые сталкеры даже в сортирах за Периметром не снимают с себя противорадиационные балахоны с бронежилетами, встроенными контейнерами и искусственными мышцами. В идеале настоящий сталкер

должен иметь дорогуший, что твой космический корабль, экзоскелет. По крайней мере, так утверждали десятки сайтов, посвященных Зоне Отчуждения.

Так как же насчет экзоскелета? Ворон расхохотался, когда я спросил его об этой мечте каждого бродяги. Он заявил, что однажды имел несчастье прогуляться по Свалке в душных доспехах, сковывающих движения. Метров через сто он вспотел, как кочегар у топки паровоза, и дышал, как спринтер после забега. Искусственные мышцы — это замечательно, спору нет, но...

В общем, Ворон сделал однозначный вывод: лишние покровы его организму ни к чему.

«По Зоне надо ходить налегке, — поделился он личным опытом. — Только ты, ствол, вода со жраниной и хабар. Иное от лукавого».

Того же мнения придерживался и я. Но стоило мне вляпаться в передрыгу, где не помешали бы бронник и шлем с пуленепробиваемым забралом, взгляды на жизнь существенно менялись. Пусть и временно, но менялись. Вот сейчас, к примеру, я не отказался бы от экзоскелета. Хотя не факт, что он помог бы мне выжить в «воронке». А уж две «воронки» разорвали бы и смяли «скафандр» в считанные мгновения.

Так вот к чему я веду. На дороге перед карателями отчетливо виднелись два темных пятна, каждое диаметром примерно в метр. Над этими пятнами подрагивал воздух — будто в июльскую жару над асфальтом.

Вот только до июля еще было как до Киева впрыскаду.

* * *

«Воронки» живут неделю, плюс-минус. После чего скисают. Или, как говорят старожилы, сплывают. Была да сплыла — это о «воронке», которая исчерпала свой ресурс. Наши аномалии, судя по обилию кусков плоти вокруг (надо ли говорить о запахе?), явно не первый день портили жизнь местным мутантам. В любом случае ждать, пока «воронки» скиснут, мы не могли.

— Что такое? — спросил Сван, когда я остановил мотоцикл и жестом велел остальным сделать то же самое.

— Аномалия впереди, большая.

— Что-то серьезное?

— Ну-у... — неопределенно хмыкнул я.

Заранее настраиваться на неудачу — плохая примета. С другой стороны, и бахвалиться — примета не очень. Поэтому междометие «ну-у» — самый верный ответ в подобной ситуации.

— А чего тогда притормозил, если пустяк? — нахмурился майор.

— Надо определить границы аномалии, ее свойства... С ходу это не решается.

На лицах Эмира и Душана застыло выражение сосредоточенной внимательности. Черногорцам не нравилось марево, подрагивающее над асфальтом в десятке метров впереди. Верная реакция здоровых людских организмов. Мне тоже вид «воронок» не доставлял удовольствия. Жаль, у братьев более запущенный случай фобии.

Боятся все и правильно делают. Боятся и всё-таки идут, потому что надо. Хуже, когда у людей возникает не просто страх, но панический ужас. Я сталкивался с подобным, знаю, чем это грозит. Такая реакция бывает не на «электру» или «жарку», но именно на «воронку». Наверное, это как-то связано с гравитационным происхождением аномалии.

Лица братьев посерели, губы дрожали. Классические симптомы. Теперь важно не спровоцировать обострение неосторожным словом. Надо успокоить моджахедов, проявить тактичность. Надо...

И вот тут Ворон проявил свои могучие познания в поражающих факторах самых опасных аномалий Зоны.

— «Воронка», чтоб ее! — радостно рывкнул сталкер. — Да еще и не одна! Вот же нам веселье предстоит. Ох и коварные они, эти «воронки»! Человека подхватит и тащит к центру, вон там, где пятно. И сожмет в колобок из мяса и костей. А потом вообще ничего от человека

не останется, блинчик разве что, да и тот исчезнет. А бывает, порвет на куски и швырнет по сторонам. Вон те куски валяются. Видишь, Эмир? Это кабан был, по копытам только и узнать. Чуть дальше... хрен его знает, что там валяется. А рядом с мотоциклом Душана — псевдопес, хвост ни с чем не перепутаешь. Я слышал, яйцеголовые эксперименты ставили: загоняли в «воронку» стадо коров. Представляете?...

Пока Ворон нес эту околесицу, я пытался его отвлечь. Но лишь когда Эмира вывернуло, а Душан едва не свалился с сиденья, сталкер наконец сообразил, что перестарался.

— Чего вы, парни? Я ж для пользы дела... — Поймав мой яростный взгляд, Ворон заткнулся.

— Э-э, наш коллега несколько сгустил краски, — попытался разрядить обстановку я. — Все не так уж плохо...

Лучше бы я молчал, ибо Эмира вывернуло еще раз. Отдышавшись, он выразился очень категорично:

— Я здесь не поеду. Ни за что! Хоть убейте!

Душан часто закивал, соглашаясь с братом, — мол, стреляйте нас, режьте, но ни шагу вперед.

Что ж, этого следовало ожидать. Придется провести разъяснительную работу. Но сначала надо определить границы аномалий.

* * *

Я надеялся, что проход между аномалиями есть. Я ошибся.

— Нет прохода, — уверенно заявил Ворон. — К забору вплотную примыкают с двух сторон. И по центру между собой внахлест лежат.

Это я уже и сам понял. Зря, что ли, полсотни гаек извел? Я кидал их по одной и швырял россыпью. «Воронка», в зависимости от того, как далеко от пятна падала гайка, быстрее или медленнее подхватывала ее и раскатывала блином по асфальту.

Быстрее? Медленнее? Тут я прикидывал на глаз. У гаек слишком маленькая масса, чтобы можно было уловить разницу в скорости. Зато я точно определил границы локальной зоны, где аномалии соприкасались. Предположительно, в этой зоне действие каждой из «воронок» ослабевало, ибо они с равной силой тянули к себе предмет. В результате, думал я, притяжение компенсировалось.

Вот тут-то и можно проскочить. Или хотя бы попытаться. Это наш единственный шанс попасть на другую сторону.

Вполголоса, так, чтобы не услышали братья, я изложил свои соображения сталкеру.

Ворон прикусил губу:

— Это может получиться, если идти медленно и четко по центру стыка. Но я не слышал, чтобы кто-нибудь отваживался на такое...

— Мы не будем тянуть спички, я пойду первым.

— Не надо так, Край... — обиделся на меня Ворон, но я его уже не слушал, я прикидывал, как бы мне преодолеть аномалии.

Удалось выяснить, что по стыку длина локальной зоны составляет что-то около восьми метров. Шестнадцать шагов. Всего-то. Или так: целых шестнадцать шагов. Я твердо знал, что мне их не пройти. Небольшое отклонение в сторону — и меня утянет к пятну. Пешком — никак. А это значит, что в ногах правды нет. Зато она есть в колесах!

Решение пришло ко мне внезапно. От порыва чувств я ткнул Ворона кулаком в живот. Сталкер отшатнулся и покрутил пальцем у виска. Ничего, мы еще посмотрим, кто из нас с головой не дружит!

Но посмотреть пришлось в другую сторону.

— А это еще что за бомжи? — Сван тронул меня за плечо и указал на людей, что брели по дороге, направляясь к нам. Карателей и путников разделяли полкилометра и две «воронки».

Бомжи? В Зоне не бывает бомжей. А называть так честных бродяг в высшей степени опрометчиво. За такое можно и в глаз получить. Штыком. Если у меня нет тихой квартирки в Чернобыле-4, это еще не делает меня бесполом существом, добывающим себе хлеб насыщенный из мусорных контейнеров!

Один, два... пять... восемнадцать штук насчитал я, глядя в оптический прицел. Я намеренно назвал количество в штуках. Ибо предметы, которые приближались к нам, не были людьми, их даже нельзя было назвать существами.

— Ну и кто их звал? — процедил сквозь зубы я.

— И не говори, — согласился со мной Ворон. — Только зомби нам и не хватало.

Задача усложнялась.

— Зомби? — услышал Эмир. — Так это правда? Они бывают?

— Правда. — Ворон сплюнул на асфальт. — Кому интересно, могут полюбоваться.

Майор тут же принял к прицелу винтовки.

Что он увидел? Поверьте, ничего достойного вашего внимания. По дороге шли обычные живые мертвецы. Не так уж давно все они были, судя по форме, военнослужащими ВС Украины. А потом что-то произошло. Может, их накрыло выбросом или еще как не повезло, но все они погибли и восстали из мертвых, если пользоваться терминами дешевых ужастиков.

Интересно, что по поводу зомби сочиняют яйцеголовые академики? Сван молчал, а я не стал его расспрашивать. Надо было разобраться с «воронками» до прихода мертвецов.

Я завел мотоцикл, велел не поминать лихом и резко взял с места. «Ямаха» рванула прочь от аномалий, оставив моих спутников в растерянности. Макс Край спасовал перед первой же преградой?! Тот самый Край, известный бандит, намочил подгузник, увидав неполный взвод пехотинцев-зомби?

Что хотите, то и думайте. Главное, чтоб не стреляли по колесам и в спину, а остальное я как-нибудь переживу. Сквозь рев движка пробился крик Свана, ему вторил Ворон, но все это уже не имело значения. Я принял решение. И мне без разницы, поймут меня каратели или нет.

Кстати, по поводу пехоты. Я заметил на плечах некоторых трупиков автоматы. Очень сомневаюсь, что мертвецы сумеют ими воспользоваться (по крайней мере, я не слыхал о подобных прецедентах), но мало ли, чем Зона не шутит?

Метрах в ста от аномалий я притормозил и развернул мотоцикл на сто восемьдесят градусов. Я вовсе не собирался бежать, я не дезертир. Согласитесь, как минимум глупо скрываться от человека, который одним нажатием кнопки оторвет мне голову. У Свана есть пульт, я ни на мгновение не забываю об этом.

Выжав газ, я стартовал так, что покрышки задымались, оставив позади черный след. Кранты протектору. Ну да бог с ним, мотоцикл не мой, чего переживать.

Движок ревел, выхлоп отравлял воздух Зоны, а я наслаждался скоростью. Секунды казались вечностью. Говорят, мгновения счастья скоротечны, на то они и мгновения. Но тот короткий отрезок дороги, что отделял меня от «воронок», я прожил с искренним удовольствием. Потому что смирился с возможностью гибели. Я знал, что делаю. Шансы равны: классические пятьдесят на пятьдесят. Помните шутку о вероятности, выйдя из дому, встретить динозавра? Те же полста на полста — или встретите, или нет. Слава Хозяевам, своего динозавра я не встретил.

Я предполагал, что почувствую что-то особенное, но первое прикосновение к аномалии все равно оказалось неожиданным. Я будто уткнулся в воздушный шарик, почему-то большой и розовый. И эта сфера, вместо того чтобы отпружинить меня, обхватила мое тело и втянула в себя. Система координат внутри отсутствовала напрочь. Легкие сдавило так, что в них не осталось ни литра воздуха. Теперь я знал, что чувствует пойманная на крючок рыба. Хоть трепыхайся, хоть нет, судьба твоя предрешена. Не тебе выбирать, окажешься ты на сковородке или под слоем соли.

Мне вдруг остро захотелось пива. Холодного, пенного, в запотевшем бокале. Я пообещал себе, что, если выберусь из передрыги, обязательно загляну в бар и побалую себя

солодом и хмелем. И это будет не лечение, но честная пьянка. И только эта мысль промелькнула у меня в голове, как желудок мой едва не вывернуло наизнанку. Слабость завладела моим телом, оно вдруг стало легким и беспомощным. Меня оторвало от «ямахи», приподняло и... нет! Я вцепился в руль покрепче. Давай, самурай, не подведи!

И мотоцикл не подвел. Он буквально спас меня.

Внезапно все закончилось. Я с размаху ударился о весеннюю прохладу, рот раскрылся, все мышцы судорожно напряглись и расслабились. Я упал грудью на руль и, развернув мотоцикл, затормозил. И лишь после этого мои глаза открылись. Оказывается, я проскочил двойную «воронку» с закрытыми глазами, и при этом мне казалось, что я парю в вязком розовом пространстве — прям в йогурте каком-то.

— Эй! — заорал я. — Я сделал это!

По идее, каратели должны были обрадоваться, ведь я нашел путь через сцепку аномалий. Я думал, что увижу восхищенные лица. Но на меня смотрели с безразличностью и страхом. В меня целились.

— Огонь! — скомандовал Сван.

Глава 15. Признаки Жизни

Десятки пуль одновременно вошли в пространство двойной аномалии.

Я видел вспышки, я слышал грохот. Но ни один кусок металла не впился мне в грудь, не просвистел у виска. Ничего такого. Пули перехватывали взволнованные моим вторжением «воронки». Любопытное зрелище. Наверняка за подобным фейерверком интересно наблюдать по телевизору. Но тому, кто сам в центре событий, поверьте, не до красот.

Металл бил в упругий воздух (теперь я знал, что он именно упругий) и вяз в нем, заметно теряя скорость. Все медленнее и медленнее пули двигались в плотной среде аномалий, отклоняясь от заданных маршрутов. Сначала они вырисовывали пологие параболы, но чем ниже становилась скорость, тем круче пули сворачивали в сторону, к пятнам в центре «воронок».

Ни одна пуля не выбралась за пределы аномалий. Все скомкались в идеальные шарики и, уткнувшись в асфальт, расплющились. Наверное, это как-то связано с массой объекта, пересекающего аномалию. Я вот промчался на довольно-таки тяжелом мотоцикле, и то меня чуть не утянуло. С другой стороны, у пуль скорость значительно выше...

В общем, не ко мне вопрос. Я институт не заканчивал, диссертации не защищал.

Только стих грохот выстрелов, Сван выпучил на меня глаза и что есть мочи заорал:

— Беги!!!

Я чуть не оглох. Всё-таки нас разделяло метров двадцать, не больше.

— Что? — прищурился я, еще не понимая, в чем дело.

— Беги, Край! Беги!!!

Значит, по мне заодно палят из всех стволов, а затем предлагают бежать? По движущейся мишени фигачить интересней? Или я совсем ничего в этой жизни не понимаю, или это верх цинизма.

И вот тут, проясняя ситуацию, на плечо мне опустилась чья-то рука. Вновь загрохотали выстрелы — оказывается, каратели целили вовсе не в меня.

Они стреляли в то, что находилось за моей спиной.

* * *

Я поморщился от вони протухшего мяса и скосил глаза на чужую кисть.

Синюшно-зеленые пятна о многом говорили. Например, о том, что позади стоит не человек, но мертвец.

Встреча с мертвецом в Зоне смертельно опасна. По крайней мере, для новичка. Но я не новичок, я не дам зомби ни малейшего шанса справиться со мной. Поэтому я стартовал с места, дернув руль так, чтобы «ямаху» развернуло на месте. Гнилые пальцы скользнули по моему затылку. Майор пусть воду экономит, а вот мне помыть голову таки придется. Нашивки, камуфляж, застывшие мертвые глаза... Все это мелькнуло передо мной за миг до того, как мотоцикл задним колесом сшиб зомби с ног. Один-ноль в мою пользу.

Но я рано радовался. В следующий миг цепкие пальцы схватили меня за куртку (и как не соскользнули, ведь пропитана маслом) и сдернули меня с байка. В общем, я в одну сторону, «ямаха» — в другую.

При падении я сгруппировался. Переломы и ушибы мне ни к чему. Согласен на пару синяков, да и тех не надо.

Я вскочил на ноги и тут же уклонился от пальцев, изогнутых, словно когти коршуна. Поднырнув под локоть зомби, я хорошенько врезал коленом мертвецу в живот, одновременно придерживая его спину — чтобы качественно нанизался на мой сустав, чтобы не отбросило раньше времени. Нормальному человеку от такого удара выбило бы дух. Из зомбака тоже выбило. В нос мне ударило смрадом, выдавленным из легких. Я покачнулся. Лучше б я не трогал мертвеца, а то сам чуть не отдал концы. Я часто задышал, втягивая в себя отравленную атмосферу. По сравнению с той смесью, которая попала мне в лицо, воздух Зоны — мечта эколога.

Когда я решился проехать через «воронки», отряд зомби можно было рассмотреть только в оптику. Даже если б мертвецы побежали, как легкоатлеты на Олимпиаде, они не преодолели бы это расстояние за столь кроткий срок! Ко мне потянулись три пары рук. Ладно, сначала я разберусь с возникшей проблемой, а уже потом буду удивляться.

Но мои планы нарушили братья-черногорцы. Удивиться мне пришлось в тот самый момент, когда я пообещал себе этого не делать. А вот не зарекайся, Макс. И тюрьма, и сума у тебя уже были, не повторяй ошибок прошлого.

За моей спиной что-то громко щелкнуло. Я отпрыгнул в сторону, уходя от неведомой опасности. Мимо промчался «эмтэшник», мелькнули яркие буквы «Angels Zone». Вот это да! Эмир поклялся ни за что не соваться в аномалию — и таки проскочил ее на своем мотоцикле?!

Хекнув, я вогнал мысок ботинка в образину ближайшего зомбака. Кость проломила, смятый нос углубился в череп. Мозг, к сожалению, повредить не удалось — мертвец лишь отшатнулся, отступив на пяток шагов, но на ногах устоял, зараза, не упал. С первого раза убить его во второй раз не получилось, простите за каламбур.

Мотоцикл черногорца врезался в толпу зомби, которые вместо того, чтобы рассредоточиться, атаквали скопом. М-да, от военных в них осталось немного — разве только пятнистая форма и автоматы на плечах.

Кстати, насчет автоматов. Мой-то в чехле, притороченном к «ямахе». Я сам его туда определил, чтобы не утащили «воронки». Между мной и байком было метров десять пространства, кишевшего живыми мертвецами. Идти напролом, отбивая кулаки и пятки о гнилые черепушки, не очень-то хотелось. Как вариант — надо позаимствовать оружие у того, кому оно без надобности. Правильно, у мертвеца.

Я кинулся к автоматчику, который слишком много внимания уделял мотоциклу Эмира. «Эмтэшник» разворачивался для новой атаки. На миг в поле моего зрения оказался участок дороги, перекрытый аномалиями, — и я смог воочию убедиться, что процесс их преодоления достоин внимания не только ученых.

Душан последовал за братом. Что называется, я не трус, но я боюсь. Я всегда уважал людей, способных наступить на горло собственному страху. Душан наступил. Я горд, что знаком с этим парнем.

«Иж-юпитер» двигался так, словно попал в желе. И желе это действительно было розовым и каким-то... многогранным, что ли. Свет, падая на него, преломлялся под разными углами. Мне показалось, что мотоциклов три штуки и два из них достались «воронкам» —

по одному на аномалию, зато третий, натянув колесом пограничный слой воздействия, устремился вперед. Глаза Душана были закрыты.

На миг все застыло, никакого движения. Вдруг аномалии не отпустят добычу? Что, если слой слишком крепок и он отпружинит смельчака внутрь? Тогда черногорец не выживет...

Громко щелкнув, розовая пленка порвалась. «Юпитер» с ревом вторгся в нашу реальность, Душан открыл глаза. Добро пожаловать, брат, я рад тебя видеть!

«Юпитер» коляской зацепил и подбросил в воздух рослого зомби, на погонах которого я заметил сержантские лычки. Хребет сержанта хрустнул, голова, ударив затылком по ягодицам, проскользнула между ног, а на лице застыло такое бесстрастное выражение, что я вздрогнул. Меня словно в жару облили колодезной водой. Глядя на такие лица, хочется бросить Зону к псиной матери.

— Ах ты!...

Мой автоматчик оказался на удивление проворным трупом. Я ухватился за ремень его АК, а зомби резко повернулся ко мне и кляцнул зубами буквально в сантиметре от моего носа.

— Что ж ты... — оторопел я на мгновение.

Впрочем, «оторопел» — не то слово. Извилины, может, и заклинило, но тело не позволило мертвецу скушать его заживо. Подсечкой я повалил зомбака на асфальт, ну а проломить черепушку каблуком ботинка — секундное дело.

Рядом загрохотала «штаер». Это хорошо. Это просто замечает...

Ни хрена хорошего. Эмир растратил весь магазин, все тридцать кусочков смерти калибра пять пятьдесят шесть, не нанеся противнику ни малейшего вреда. Он стрелял мертвецам в сердца, в животы, долбил по конечностям. Это, конечно, отлично — поразить зомби в сердце, но видите ли, какая незадача: зомби мертв, и кровообращение у него уже нарушено. Для зомби это не смертельное ранение, а вроде массажа пяток. Паре-тройке трупов оторвало руку-ногу, но и с одной рукой мертвецы шли в атаку, очень даже неплохо прыгая на одной ноге.

— Идиот! — пожурил я Эмира. — В голову стреляй! В голову!

Не знаю, услышал ли он меня. Мне некогда было повторять дважды. Я снял с автоматчика АК и снес башку тому зомби, который вскарабкался на коляску «юпитера» и вцепился в горло Душану. Я, конечно, не ахти какой снайпер, я мог промазать и сделать отличную дыру для вентиляции в роговом отсеке черногорца, но — победителей не судят. Сначала отрежь, а потом, если хочешь, семь раз меряй. Философия так себе, но в самый раз для боя.

Еще короткая очередь — и еще один зомби больше не будет топтать асфальт.

Левую ногу пронзила боль. Я непроизвольно дернулся, но меня что-то держало. Я завалил еще одного мертвеца, который возник прямо по фронту, а затем, не глядя, саданул вниз прикладом, попал, но хватка не ослабла. Справа ко мне подкралось нечто, еще недавно бывшее срочником лет девятнадцати от силы. Выстрел — ходячий комплект гнилого мяса опрокинулся на спину.

В пределах опасной близости врага не оказалось. Я глянул на свою ногу — ее буквально жрал тот самый сержант со сломанным хребтом. Это животное подползло ко мне и прокусило икру. Смекнув, что патронов в лучшем случае осталось на выстрел-два, я прикладом раз и навсегда отучил мертвеца кусаться.

Из раны по штанине и ботинку текло, пятная асфальт. Душан барахтался под парочкой шибко активных трупов. Перезарядив свою пластиковую винтовку, Эмир продолжал стрелять куда угодно, но только не в головы зомби. Отличный расклад, лучше некуда.

Ко мне неспешно, зная, что я никуда не денусь, ковылял очередной труп. Правую руку Эмир отстрелил ему по локоть. Нижняя челюсть у мертвяка отвисла, на лице сидела крупная зеленая муха. Значит, никуда не торопимся? Я медленно поднял автомат, прицелился и нажал на спуск. Сухой щелчок. Патронов нет. Запасного магазина нет. И еще щелчок. Но я

не нажимал на спуск, я... услышал рокот «харлея». Звук движка этого мотоцикла ни с чем не спутаешь.

Значит, с нами Сван. Надеюсь, командир внимательно читал записки научников и не станет попусту тратить боеприпасы. Заглушив мотоцикл, майор принялся методично отстреливать зомби из СВД. Однорукий, который ковылял ко мне, упал первым.

К тому моменту, когда на нашу сторону пожаловал Ворон, ни один из мертвецов больше не подавал признаков «жизни».

— Контрольный в голову? — пошутил Сван.

— Ага, добей меня, чтоб не мучился, — улыбнулся я и устало опустил на дорогу.

Нога нестерпимо болела, надо было поскорее обработать рану. Я потянулся к карману с аптечкой и снял с пояса флягу с «Хиросимой». Еще не хватало умереть в Зоне от заражения крови.

— Погоди, Край. Ничего с тобой за минуту не случится, а дышать трупной вонью вредно для здоровья. По коням!

Но на меня вдруг накатило так, что хоть стой, хоть падай. Господи, ну что я здесь делаю, а?! В этой треклятой Зоне?! Ведь в школе я хорошо учился, ведь я мог стать космонавтом, к примеру, или программистом, или просто протирать штаны в офисе...

Мотоцикл подо мной зарычал, стравив облачко выхлопа. Не время для соплей.

Глава 16. Не Время Для Любви

В начале восьмого вечера я возвращался домой. Хаитбай Абдушарипович, тренер по самбо, похвалил меня за отличные отметки в дневнике. Мол, спорт — это прекрасно, но надо, чтобы и мозги были. Скуластое лицо наставника светилось от счастья. Он близко к сердцу принимал наши победы и поражения.

— Привет, Край. Как жизнь?

Мягкий снег падал на ее пышную шубку. Голубые глаза поблескивали в свете одинокого фонаря, толстая коса вывалилась из-под меховой шапки. У меня дыхание перехватило — так она была красива. Спустя годы я почувствовал это иначе — без щенячьего восторга, но всерьез, по-взрослому.

— Привет, Миля. — Я с удовольствием заметил, что ее задело это обращение. — Уже лучше. Твоими стараниями.

Один-ноль в мою пользу. Я опять дернул тебя за косичку, подруга.

— Ты до сих пор помнишь мою невинную шалость? — расхохоталась она и запрокинула лицо к небу, подставив румяные щеки падающим снежинкам.

Она сидела на лавочке, закинув ногу на ногу.

— Разве я мог забыть тебя, Миля? — Я ответил честно, и она сразу это поняла.

Взвизгнув тормозами, напротив лавочки остановился большой черный джип. Дверь распахнулась, загрохотали басы и барабаны. Как можно настолько любить шум?

Милена поднялась и царской походкой направилась к машине. Она ни разу не обернулась. А зачем? Ведь ясно же, что я смотрю на нее.

Японский тарантас сорвался с места, и мне вдруг остро захотелось, чтобы на перекрестке в него врезалась груженная фура.

* * *

Следующим утром я сидел на той лавочке, где встретил Королеву накануне. Я знал, что сегодня у нас будет свидание. И это было даже не предчувствие, это была предопределенность...

Я замечтался и потому проглядел джип, который остановился рядом.

Бритоголовые, в дорогих кожаных куртках парни выскочили из машины. В руках они держали бейсбольные биты. Действовали нападающие слаженно и очень уверенно.

Чувствовалось, что бить людей на улицах для них не в новинку. На сосредоточенных лицах ни намек на удовольствие. Они просто выполняли привычную, порядком уже надоевшую работу. Ничего личного, брат, просто бизнес.

В первого атакующего я швырнул сумку, но он увернулся, сместившись чуть в сторону. Второй поскользнулся на льду и, припав на одно колено, выронил, битую. Зато третий размахнулся и врезал так, что его дубина треснула пополам — только щепки в стороны. Попал-то гопник не в меня, а в спинку лавочки, с которой я благополучно прыгнул за миг до удара.

Не давая ему опомниться после утраты оружия, я подсек его и со всего размаха впечатал мысок ботинка в челюсть. Брызнуло, сверкнуло сломанным, гопник дернулся и затих. Оклемается — сходит на прием к хирургу. Всего за полгода будет как новенький. Знаем, проходили.

Следующим я вырубил того, что поскользнулся. У меня не было намерения поразить гопоту разнообразием приемов, и потому я использовал мысок того же ботинка. Попал в нос и конечно же сломал. Схватившись за расквашенный шинобель, бедолага пытался остановить алый водопад, а я едва не попал под раздачу третьего претендента на победу. Вместо того чтобы провалить мне висок, он попал битой в плечо, что не улучшило моего и без того паршивого настроения.

Угадайте, как я свалил третьего уroda? Совершенно верно, у меня отличная обувь. Последнего гопника я вырубил прямым попаданием в солнечное сплетение.

Бросок через бедро, ножницы и прочие стойки на ушах? Извините, но разве я на турнире за приз газеты «Известия»? Как умею, так и дерусь. Тем более что драться я не умею, зато умею бить наверняка. Как говорится, второй раз — по крышке гроба.

Я поднял сумку, отряхнул и неспешно двинул к машине. А чего спешить? Без пилота черная громадина не поедет. Музыка грохотала так, что кости мои метров за десять до джипа начали вибрировать в такт. Терпеть не могу драм-энд-бейс. Слишком уж агрессивная музыка.

Забравшись на водительское сиденье, я воткнул в приемник плеера свой диск, который вот уже неделю таскал на тренировки. «Cookie the Herbalist!» приласкали мой слух неторопливым регги и задорным речитативом.

— Здравствуй, Миля. Вот и опять свиделись.

Она сидела рядом, на пассажирском месте, — нахохленная, злая и красивая. Я захлопнул дверцу и выставил на проигрывателе умеренную громкость. Теперь можно слушать не только музыку, но и друг друга.

— Прокатимся?

Она кивнула. Я вырулил на дорогу между домами. Моросил дождь, заставляя неразлучную пару дворников елозить по лобовому стеклу. Оттепель.

— Ну и зачем ты их натравила?

Она пожала плечами, все еще избегая смотреть мне в глаза.

— А у тебя есть права? — спросила она, когда джип выехал на проспект, вклинившись в оживленное движение.

— Откуда? Мне еще нет восемнадцати, — после не большой паузы ответил я.

Очень хотелось похвастаться, что вожу я с четырнадцати лет. Что Хаитбай Абдушарипович учит нас, самбистов, не только захватам и подсечкам, но и стрелять из автомата, выживать в экстремальных условиях, жрать то, что удастся добыть собственными руками, и главное, ничего не бояться.

Аж зудело, так хотелось похвастаться. Но я сдержался. Не пристало мужчине, словно павлину, распускать перед дамой хвост. Так сказал отец, когда я чуть не проболтался матери о премудростях, которым нас обучает тренер.

Королева не спрашивала, куда мы едем. Я счел это хорошим знаком. Уже тогда я начал внимательней относиться к намекам судьбы.

Джип промчал мимо всех постов ГАИ. Ни разу нас не пытались остановить, хотя я был уверен, что без погони не обойдется. «Ничего, — думал я, — машина хорошая, если надо, и по полям проскочим».

Выехав за окружную, я придавил до ста сорока. В Безлюдовке сбросил до пятидесяти, до Васищева плелись в плотной колонне. Зато потом я мало внимания обращал на мелькающие мимо населенные пункты.

В Андреевке я тормознул у магазина и вытащил из бардачка чужую заначку. Обожаю богатеньких буратин. Баксы я сунул обратно, а с гривнами наперевес вошел в звякнувшую колокольчиком дверь. Я выкупил у дородной продавщицы весь ее запас перцовки. Еще взял полтора кило свиного ошейка, лаваш, литр сацибели и торт «Киевский». Гулять так гулять. За угон меня все равно по головке не погладят, так что уж теперь заморачиваться?

Когда я вернулся, Королева разговаривала с кем-то по мобильнику, размахивая при этом руками и не замечая, что я остановился рядом. Слила, значит, где мы находимся. Скоро приедут ее дружки. И на сей раз они не ограничатся бейсбольными битами — пару стволов прихватят, чтоб наверняка. Так я подумал. Но к моему удивлению, я услышал иной разговор.

— Не смей! Слышишь, не смей! Чтоб ни одна твоя шавка!... Он мой! Слышишь, он только мой!

Заметив меня, Милена нажала на сброс.

— Проблемы? — спросил я, сгружая покупки на заднее сиденье.

— У меня?!... — фыркнула Королева.

Спустя десять минут мы въезжали в Червонную Горку, где мои родители купили дачу. Всего восемьдесят километров от города. Или целых восемьдесят километров. Двухэтажный домик и вид на заливной луг и реку. Рыбалка здесь обалденная. И пляж с песочком. И лес рядом. Что еще нужно для людей на заслуженном отдыхе?

Как только родители уволились с завода, у них стали появляться деньги. Раньше мы едва концы с концами сводили, а тут — полный холодильник. Потом отец завязал с выпивкой и купил вполне приличный внедорожник. Через годик выяснилось, что предкам надоела городская суета и они хотят занять недвижимость в сельской местности. Вот и заимели.

И еще, не в тему, но... Однажды я пропустил запланированный визит в поликлинику. В ту самую, куда ходил минимум раз в месяц — после случая в тайном кабинете врачи прописали мне регулярные обследования. Как же отец разозлился! Он кричал, он топал ногами. В общем, поликлиника для меня — дело святое. Если позвонят и скажут, что надо срочно сделать пару-тройку тестов, отказать нельзя.

И потому я вырубил мобильник. Все, Максимка Краевой отдыхает!...

Мы жарили шашлык и пили перцовку. Захмелевшие, ходили к реке смотреть, как в промоинах течет вода. Я достал из тайника отцовский пистолет, и в лесу мы стреляли по пустым бутылкам. Милена визжала от удовольствия!...

А когда стемнело, мы едва не сломали кровать.

Все было очень просто и естественно. Без лишних слов и жеманных отказов. Мы оба знали, что между нашими телами есть взаимное притяжение. Так зачем сопротивляться?

Мы не спали до утра.

А на следующий день вернулись в город.

— Куда тебя отвезти? — Мне очень не хотелось расставаться с Королевой.

— Сама доеду. Давай ключи, это моя машина. Отец подарил. Отец для меня горы свернет. Ну ладно, выметайся, мне ехать надо.

Как-то не так все заканчивалось. Мы должны были улыбнуться друг другу и поцеловаться. А тут — «выметайся». За кого она меня держит?! Я ей что, мальчик на побегушках? Захотела — мутантам скормила, захотела — приласкала так, что тяжело ходить?!...

Тренер учил не поддаваться на провокации. «Злость, — говорил он, — это слабость. Это путь к поражению». А я хотел победить эту девушку. Я улыбнулся:

— Когда мы увидимся?

Королева молча пожала плечами.

— Ты хоть телефончик дай.

— На, — протянула она свой мобильник. — И выметайся, говорю. Нет у меня времени. Потом позвоню. Всё!

Она буквально вытолкнула меня из машины. Черный джип скрылся за поворотом, а я побрел домой. Еще не время для любви.

* * *

Три дня прошло, а Милена так и не позвонила. Аккумулятор почти сдох, и я уже собирался на поиски зарядного устройства, когда из динамика раздался «Полет валькирий».

— Привет, — услышал я. — Как жизнь? Регулярно?

— Привет. Ты где? Увидимся?

— Позже, — сказала Милена и дала отбой.

Я хотел сам набрать ее номер, но он не определился.

В следующий раз Королева позвонила дней через десять. К тому времени я уже купил зарядку и съездил в Киев на соревнования по самбо, где очень даже неплохо выступил. Под руководством Абдушариповича я научился ловить воробьев и готовить из них «цыплят табака». Мало ли, вдруг в жизни пригодится?

— Привет, — услышал я в трубке голос Королевы. — Как насчет прогуляться?

Номер опять не определился. Я стиснул зубы. Пауза затянулась.

— Ну как хочешь, второго шанса не будет.

Я молчал. Мне хотелось разбить телефон об стену. Милена тоже молчала. Через пару минут она всё-таки не выдержала:

— Ладно тебе, не обижайся. Давай через полчаса у метро «Тракторный завод».

И тишина в трубке. Конец связи.

Минут сорок спустя, стиснутые толпой в вагоне, мы впились друг другу в губы. И я простил ей всё — кабинет отца, друзей-гопников, мобильник...

Мы гуляли по парку Шевченко и болтали обо всем и ни о чем. Оказалось, джип она разбила и неделю провалялась в больнице. Вот почему так долго не звонила.

— Я проголодалась.

В пиццерии было тепло и вкусно пахло. Я заказал две порции «Гулливера»: тесто, сыр, оливки, сладкий перец, колбаса, мясо, ветчина и помидоры.

Я едва не поперхнулся, когда Королева сказала:

— Я три года оттрубила в интернате для трудновоспитуемых детей, пока отец меня не удочерил. Я люблю отца, а он любит меня. И нам никто не нужен, нам и вдвоем хорошо. Так что не лезь ко мне, понял?! Иди ты на...!

Последнюю фразу, вскочив, она прокричала мне в лицо. С грохотом опрокинулся стул. Подхватив шубу, Милена двинула к выходу, каблук ее сапог цокали по кафелю.

Я не стал ее догонять. Подозвал официанта и попросил счет.

С неба падали крупные разлапистые снежинки, я ловил их языком. А потом отправился к метро «Университет». По пути я выбросил мобильник Королевы в урну.

А вечером следующего дня, когда я вышел из спортзала, на улице меня ждала Милена. Я сделал вид, что не заметил ее.

— Прости, — всхлипнула она.

И я простил ее опять.

Глава 17. Лекция О Преимуществах

Вдоль дороги тянулись серые заборы армейских складов. Унылый пейзаж: бетон, ржавая колючая проволока и мрачные армады облаков. Глядишь — и душа радуется. Впору от той неумемной радости повеситься на ближайшем суку. Вот только деревьев здесь нет вообще...

— Надо пополнить запасы. А то что-то мы поиздержались.

Прав командир, надо. В Зоне не бывает так, чтобы у бродяги было слишком много патронов: их или почти что нет, или они вот-вот закончатся.

После первого взрыва на ЧАЭС население эвакуировали из тридцатикилометровой зоны, а вывозить радиоактивное оружие не стали. Транспорта не хватало для людей, не то что для ящиков с автоматами. Но и просто так бросать казенное имущество воякам не хотелось. Тем более что мародеры, несмотря на запреты и кордоны, всю тащили с зараженных территорий цветмет и пожитки тех, кто спешно покинул дома и квартиры. А когда рухнул Союз, и вовсе настало раздолье для всякой мрази. И так — до самого второго взрыва.

Какая-то «светлая голова» решила, что пройдет пара лет и все образуется, так что нет никакого смысла уничтожать материальные ценности и здания. Мол, заминировем, чтобы кто ни попадя не шастал, а радиация спадет — вернемся и будем пользоваться. Экономика должна быть экономной. Говорят, что за рационализаторское предложение умнику выписали громадную премию и лично генсек звякнул и похвалил за новое мышление.

С тех пор прошло много лет. Народу на заброшенных складах полегло уйма. Буквально каждый метр тропинок там устлан людскими костями. Но первая волна сталкеров, самая большая, халаявыми стволами была обеспечена по самое не хочу. В те времена оружие в супермаркетах не продавалось. Это сейчас — были бы деньги...

Отъехав от места схватки с зомби примерно на километр, Сван скомандовал перекур.

Теперь я мог заняться укусом на ноге. Смазав антисептиком рану и вкушая перцовку, я слушал рассказ о том, как чудно провел время меж двух «воронок». Меня уже и не чаяли увидеть живым и хоть чуточку здоровым. По словам Ворона, я на всех парах влетел в аномалию и застрял там, и неподвижно простоял между «воронками» часа полтора, а то и больше. И он, Ворон, едва уговорил командира подождать. Мол, в объезд уйти всегда успеем, караван-то прибудет в расчетную точку к утру, не раньше.

А потом я пошевелился. Сначала чуть-чуть, потом заметнее, потом движения мои приобрели плавность, а потом я внезапно сорвался с места, будто кто-то толкнул меня и мотоцикл. И я вылетел в самую гущу зомби, которые к тому времени успели подтянуться к «воронкам».

Мертвяки почему-то не пошли напролом через аномалии. От вторжения зомби способно защитить простенькое ограждение из столбов, между которыми натянута колючка, — дурни обычно прут на него, не останавливаясь, и разваливаются на куски. А тут — две «воронки». Нормальные зомби просто обязаны были в них вляпаться.

Ворон хорошо рассказал, образно, но я не понял: если я так долго проторчал между «воронок», то почему братья проскочили через них почти мгновенно? Почему командиру и сталкеру не составило труда перебраться на другую сторону? Я прорубил проход, а остальное — дело техники? Меня раздражают загадки, на которые никто не знает ответ.

Запищал ПДА, пришло сообщение от нашего неведомого координатора. Этот подонок небось сидит себе на диванчике и запивает бразильский кофе армянским коньяком. А мы тут корячимся...

Сван взглянул на голубой экран и улыбнулся:

— Все по плану, парни. Мы — молодцы!

И вот тут Ворон спросил о том, что давно интересовало нас, но о чем все мы боялись спросить. Ведь очень редко правда доставляет удовольствие тому, кто ее знает.

— Командир, нужны сведения о составе каравана. Сколько машин? Какая охрана? Вооружение?

Душан при его словах глубоко затянулся, а Эмир наоборот — выдул облако вонючего табачного дыма. Лучше бы они сигары курили, честное слово. Те хоть пахнут приятно.

— Это секретная информация? — Я вспомнил, как Гришка Кажан говорил, что всякой шпане не положено знать, кого и как надо убить, мол, на месте разберетесь.

И вот мы на месте. Или почти на месте. Пора бы разобраться, верно? Сван прищурился:

— Караван — это три армейских «ЗИЛа», одна «коробочка» прикрытия БМП-2М «Бережок» и бронетранспортер научников, как бесплатное приложение.

Майор замолчал, давая возможность прикинуть степень опасности, с которой нам придется столкнуться.

И не просто столкнуться, но вступить в бой и победить. Об ином варианте я и думать не хотел.

Итак, три армейских «ЗИЛа». Если предположить, что в кузове только груз, то имеем шесть бойцов: три водителя за рулем, три сменных. А ведь в каком-нибудь из «ЗИЛов» под брезентовым тентом может скрываться охрана каравана...

БМП-2М. Боевой расчет — десять человек: командир машины, он же командир отделения, плюс оператор-наводчик, механик-водитель и семеро стрелков-десантников, которые могут вести огонь из личного оружия через амбразуры. А помимо личного оружия — тридцатимиллиметровая пушка и спаренный с ней пулемет ПКТ. Плюс ПТРК «Корнет» с лазерно-лучевой системой наведения. И автоматический гранатомет АГ-17 «Пламя». Если мне не изменяет память, для гранатомета положено брать на борт две с половиной сотни выстрелов. К тому же БМП запросто преодолевает водные препятствия. Проще говоря — плавает. Последнее, конечно, вреда нам причинить не может, но факт остается фактом.

Столько лет прошло, а тактико-технические характеристики в моем мозгу хранятся, как в банковском сейфе. Не зря нас, салаг, дрючили на занятиях по тактике.

Что же касается бэтэра научников, тут вариант вообще непредсказуемый. От яйцеголовых можно ожидать чего угодно и при этом все равно не угадать. Они ж нелюди, они инопланетяне в оранжевых комбезах поверх белых халатов. У них вместо черепов — коробки системных блоков, и размножаются они формулами и диаграммами.

Однажды я наблюдал научника, который явился на стрелку, чтобы купить по бросовой цене пару артефактов. В отличие от сталкеров и перекупщиков, я цены не заламывал. Этот худенький, как подросток, дурачок, увидев пук травы, случайно угодивший в контейнер с артефактами, аж облизнулся. Руки у него задрожали так, что он уронил пачку евро. Покойный ныне Маховик тогда научника едва не зашиб насмерть. Я с трудом оттащил соратника от яйцеголового. Самое интересное, что профессор ничуть не обиделся. Зажав пальцами нос, чтобы не текло, он прогнусавил, что готов щедро заплатить.

За что?

Как за что?! — возмутился покупатель. Конечно, за бесценный образец флоры! Если мы сойдемся с ним, его продадим.

Этот идиот талдычил о траве в контейнере. «Без проблем», — сказал я и осчастливил мученика науки за цену вдвое больше предложенной.

Яйцеголовый ушел со стрелки с гордо поднятой головой. Он хитро улыбался, будто крупно кинул меня. До сих пор сомневаюсь: а не продешевил ли я тогда?...

БТР, значит, БМП и грузовики. То есть против нас минимум шестнадцать человек и научники. Без калькулятора ясно: шестнадцать против пятерых. И эти шестнадцать — не мальчишки первого года службы, но опытные военсталы. Ненавижу эту братию. Ох и попили они моей кровушки. Многих моих друзей по Зоне, как у них это называется, «зачистили».

Да уж, расклад не в нашу пользу. Есть такая примета: если пятеро бродяг затевают драку с шестнадцатью профессионалами, то эти пятеро — психи и долго не проживут.

— Что приуныли, бойцы?! — Командир светился, как надраенная бляха. — Завтра сделаем дело и разбежимся!

— На свободу с чистой совестью, — хмуро пробурчал я.

Остальные тоже не разделяли энтузиазма майора. Считать все умели, и камикадзе среди нас не было. Но Сван, похоже, во что бы то ни стало решил поднять боевой дух подразделения.

— Какое наше главное преимущество перед врагом, а, Край? — Он чуть наклонил голову вперед, кулаки упирались в бока. Во всей стати Свана чувствовалась грозная армейская сила. Настал черед майора ГРУ проявить себя во всей красе.

Да и кому еще, как не ему, брать командование на себя? Ворон сроду не грабил обозов, он же сталкер, а не бандит. Черногорцы больше на казнях полицейских специализировались. А у меня всегда хватало мозгов не перебегать дорогу воякам. Будь в том караване хоть тонна золота, по своей воле я бы не полез в драку. Слишком велик риск. А в нашем случае риск просто огромен.

— Не слышу?! — Голос командира звякнул сталью, будто стреляная гильза упала на асфальт.

Надо было что-то ответить:

— А разве у нас есть хоть какие-то преимущества?

Майор улыбнулся:

— Верный вопрос. Отвечаю: да, преимущества есть. И мы используем их по максимуму. Итак, первое наше преимущество — неожиданность.

Ворон перестал кусать губу и громко хмыкнул. Очень сомнительно, что наша атака застанет военсталов врасплох. Кажан явно играл на два фронта. Я тоже готов был поставить на то, что нам уже приготовили теплый прием.

Не замечая кислых выражений наших лиц, майор излучал абсолютную уверенность в победе малой кровью на чужой территории. Ему бы на гражданке устроиться тренером в молодежную сборную по пинг-понгу. Кстати, а чем он занимался после отставки? Зуб даю, чем-то в этом роде. Может, в тире заведовал воздушками, а может, в школе преподавал начальную военную подготовку. Небось обрадовался, когда опять в деле оказался. Но это я, конечно, со зла. Такие люди, как майор, всегда остаются в строю, хоть за счет родимого государства, хоть за чей иной. Причем за иной и зарплата выше, и страховка...

— А второе преимущество? — подал голос Эмир. Он сидел на бордюрном камне, подстелив под задницу свернутое втрое одеяло. Похвальная забота о своем здоровье. Вот, кстати, кто не отличался любопытством, но тема была такая насущная, что даже Эмир принял участие в дебатах.

— Второе преимущество... — Сван сделал долгую паузу, за которую я готов был убить его на месте. — Итак, второе преимущество... Может, кто-нибудь ответит вместо меня?

На мгновение мне показалось, что командир просто не знает, что сказать. Вот смеху будет, если это на самом деле так. Правда, смеяться сейчас вовсе не хотелось.

— Никто? — Майор подмигнул мне. — И Край молчит? Что ж, тогда скажу я. Второе наше преимущество — мобильность.

— Удар — и сразу в кусты? — без обиняков спросил я.

— Именно! — подтвердил мою догадку отставной майор ГРУ.

Что ж, это могло сработать. Это должно было сработать, ибо иной возможности уничтожить караван у нас просто не было. Представьте себе пяток мух, которым поручили закусать до смерти корову. Можно сесть и грызть, пока тебя не огреют хвостом. А можно подлететь, куснуть и сразу ужужжать в сторону, чтобы потом опять... Вот только для подобной тактики надо располагать кучей времени. А у нас с этим конкретные напруги.

— Но есть и третье преимущество...

Я вдруг понял, что, если майора не отвлечь, он до утра будет рассказывать о том, какие мы страшные противники. И я ляпнул первое, что пришло в голову:

— А как насчет пополнить запасы? А то что-то мы поиздержались.

— О! — Майор поднял палец вверх, будто удивляясь, что уста младенца изрекли мудрость, достойную аксакала. — Верно! Этим и займемся. Я слышал, в здешних складах оружия прорва, бери — не хочу.

* * *

Мы проехали с километр, пока Сван не сказал, что вон та дыра в заборе — то, что нужно.

На самом деле, дыр в бетоне хватало. И по мне, они мало отличались. Ведь их сделали люди, которые хотели попасть на тот или иной склад. Причем сделали с расчетом не просто пролезть самому, но и вытащить обратно полный мешок добра.

Велев ждать и не скучать, Сван отправился в рейд. С собой за компанию и в помощь он прихватил Ворона. Я попытался отговорить майора: мол, лучше со сталкером отпустить кого-нибудь другого. И вообще, где это видано, чтобы командир рисковал своей шкурой, когда у него аж четверо подчиненных? Свою кандидатуру я не предлагал, ведь я скромный малый.

Сван жестом пресек поток моего красноречия. Грушника мало заботило то, что его гибель автоматически влекла за собой нашу смерть. Он просто захотел поразмять кости, остальное не его проблема.

Добытчиков не было уже около часа. И все бы ничего, но скоро надо будет вводить коды ошейников. Мне спокойней, когда Сван делает это в моем присутствии. Да и долго они что-то. Может, случилось чего?

Эмир и Душан смолчали одну за другой и молчали. Тягостно так молчали. Будто не было упырей, «воронок» и зомби. Будто подобные опасности подстерегали их и в гражданской жизни. Нельзя так молчать! Надо со смехом, подначивая друг дружку, обсуждать случившееся. Чтобы страх и боль на картинке воспоминаний потускнели, а то и вовсе заиграли радостными красками. В крайнем случае можно анекдоты рассказывать. Иначе совсем уж тоска.

— Эй, парни, вы в курсе, чем Зона отличается от жены?

Оба отрицательно качнули головами.

— Тем, что жена портит нервы, а Зона — гены!

Помнится, Бегемот обожал эту шутку. Он заставлял меня повторять ее по пять раз на дню и оглушительно ржал уже на слове «жена». Но черногорцев не пронял народный черныбыльский юмор. Я решил, что это из-за балканского менталитета. У них там, в Подгорице, небось даже о Петьке и Василии Ивановиче не слыхали.

— Если б с командиром и Вороном что-то случилось, мы бы слышали выстрелы, да? — Эмир слово в слово озвучил мои надежды.

— Это уж точно, — заявил я твердо, чтобы успокоить интуистов.

На самом же деле я вовсе не был в этом уверен. В Зоне возможно все. Даже то, что в принципе невозможно. Заметив, что две пары глаз смотрят на меня сквозь клубы табачного дыма, я добавил:

— Извините, парни, но глупо утверждать, что сталкер, на которого несколько лет охотятся два клана, позволит беззвучно себя слопать. Нет выстрелов — нет проблем. Или вы думаете иначе? И готовы ответить за базар?!

Черногорцы молча таращились на меня. Сейчас они были похожи на кроликов перед удавом. Удав, если кто не понял, — это я. Даже не верится, что эти парни завалили шесть десятков полицейских. Они что, отключали этим копам аппараты жизнеобеспечения?

Когда надо, я умею быть страшным и убедительным. Я же бандит всё-таки, а не студент филфака. В разговоре с нормальными людьми я могу быть до приторности культурным. Но если для пользы дела надо вернуть что-то из блатного словаря, я это делаю без угрызений совести. Эффект можно сравнить с неожиданной оплеухой: только что ты разговаривал со своим в доску парнем, а сейчас перед тобой опасное нечто без тормозов и с криминальным прошлым.

Я — нечто. Зовите меня Бармалеем, пиратом и отморожком.

— Расслабьтесь, парни, шучу. А хотите, расскажу вам забавную историю о герое Гражданской войны, который утонул в сибирской реке?...

* * *

К тому моменту, когда вернулись Сван и Ворон, я уже готов был попросить сигарету. Надо же попробовать напоследок. Привыкнуть все равно не успею. Без кода мой ошейник долго не протянет, его надо регулярно подкармливать специфическими комбинациями.

После того как я поведал пяток историй из славного прошлого красного командира и его пулеметчицы, черногорцы задымили так, будто собрались напиться свои тела никотином на много лет вперед.

— Помогите! — крикнул майор.

Голова его на миг высунулась из дыры и тут же скрылась из виду.

Я схватил автомат и метнулся к забору, на ходу прикидывая, с какой напастью придется иметь дело. Кровосос? Псевдогигант? Или же карликам-бюерам надоели подвалы и теперь они загорают под весенним солнышком? После смысленных зомби, марширующих строем, я уже ничему не удивлюсь. Так думал я и в который раз ошибся.

Я присвистнул, обнаружив по ту сторону забора двух вспотевших мужчин и столько же деревянных ящиков, выкрашенных в темно-зеленый цвет. Счетчик Гейгера, встроенный в мои часы, пищал, как придавленная сапогом мышь.

— Что это? — спросил я, переводя дух.

Сердце в груди колотилось из-за выброса адреналина в кровь.

— Это то, чем мы будем встречать караван, — ответил Сван. — Наш первый сюрприз.

Подмигнув, Ворон продолжил:

— Это хлеб-соль. Для дорогих гостей.

Я кивнул, оценив шутку юмора. Присев на корточки, пробежал глазами по маркировке на боковине ящика. Так-с, и что тут у нас?

ТМ46 — 4 шт.

ТМН-46 — 2 шт.

77-34-65

A-50

56 кг

Да уж, это такой хлеб, что лучше уж совсем без соли обойтись... Булочки и батоны еще советской выпечки, шестьдесят пятого года прошлого века. Если кто не понял, майор решил установить мины на пути следования каравана. Вот вам и еще одно наше преимущество. И без лекций к тому же, что особенно ценно.

— Столько всего... — кивнул Сван в сторону складских корпусов. — Лет на сто хватит. Или на две-три войны.

Это уж точно. Годы и годы народ таскает с этих складов оружие, а такое впечатление, что его не становится меньше. Но не все так просто. Наведываться на армейские склады очень опасно, сталкеры и мародеры приходят сюда лишь в самом крайнем случае. Уж слишком много здесь мутантов и аномалий. Лишний ствол не стоит риска. Проще купить ПММ у того же Сидоровича или поторговаться за «Винторез» с бабой Надей, чтобы ей не холодно было. Попридержите, дамочка, мне место рядом. Только чур, чтоб сковорода была с тефлоновым покрытием!

Ящики погрузили на коляски и хорошенько привязали. Не хватало еще, чтобы по пути они свалились и чуточку взорвались. Это бы очень помешало нашим планам. А потом Сван и Ворон сходили на склад еще раз и принесли пару цинков с патронами.

— В путь! — скомандовал майор.

Я заметил, что ему нравятся пафосные команды. Небось он представляет себя капитаном брига или каравеллы. Он, значит, на мостике, любуется в подзорную трубу горизонтом, а мы, грязная матросня, подыхаем от морской болезни и мечтаем подложить начальству черную метку.

Мне вдруг жестоко захотелось ямайского рома. И потому я изрядно приложился к очередной фляге. Спасибо Брунгильде, перцовка получилась славная!

Дальше ехали медленно, аккуратно, чтоб чего не случилось. Я бы пешком нас обогнал, причем вразвалочку. Душан и Эмир, брюнетистые моджахеды, так сильно прониклись

соседством с опасным грузом, что побледнели на зависть арийцам-альбиносам. Будто, если рванет, зацепит только их. Нет уж, парни, нам всем мало не покажется.

Метров через сто нам попались сначала два «трамплина», а потом две «жарки».

Во-первых, ни я, ни Ворон не припомним, чтобы сдвоенные аномалии встречались так часто. А во-вторых, что особенно приятно, мы без труда их миновали — зазоры между ловушками были внушительные. Определив границы аномалий с помощью гаек и болтов, сталкер и я провели остальных карателей почти без риска для жизни. Почти — потому что Зона не любит самоуверенных.

А когда на дорогу перед нами выскочил кабан и, склонив голову, попер на мой мотоцикл, Сван первым же выстрелом прошил череп мутанта насквозь. Я добавил пару очередей, чтобы радиоактивное мясо не восстало вдруг из мертвых.

Патроны теперь можно не экономить. Таскать с собой фонащие боеприпасы — радости мало. Если уж обзавелся наследством предков, трать его быстрее, пока оно не отправило тебя к праотцам. Мне пришлось вырубить счетчик Гейгера в своих часах, иначе от бесконечного писка я сошел бы с ума. Ворон и Сван сделали то же самое, а у братьев вообще не было часов.

Небо заволокло тучами. Я и Ворон сошлись во мнении, что скоро начнется дождь. Сван заявил, что в прогнозе, присланном на ПДА, об осадках ни слова. Братья в обсуждении участия не принимали.

— Командир, синоптикам нельзя верить и за Периметром. А уж в Зоне...

Ворон кивком подтвердил верность моих слов:

— Нам надо найти укрытие.

Дождь в Зоне весьма отличается от дождя, к примеру, где-нибудь в Воронеже или в Риге. Лучше попасть под грозу в Харькове, чем под робкие капли на Милитари или у Янтая. Почему так? Да хотя бы потому, что за Периметром вы рискуете промокнуть и слегка простудиться, а в Зоне непогода грозит химическими ожогами. Были бы каратели как следует экипированы, имело бы смысл прокатиться под косыми струями. Покрышки протянули бы километров несколько благодаря специальному составу, которым их смазывают «Ангелы». Но у нас не было элементарных ОЗК, не говоря уж о правильных «скафандрах».

Говорил я Свану, что надо было затариться по полной из закромов покойной старушки. А он все надеялся на Кажана...

И вот теперь нам жизненно необходимо найти крышу над головой. Да такую, чтобы не протекала. И от теплой перины я бы не отказался, но сгодится и топчан. Да что там, я могу спать на полу, не принципиально. Лишь бы не на нарах.

— Укрытие? — Сван притормозил, чтобы сориентироваться по карте. — Если надо, обязательно найдем. Но сначала выйдем в точку встречи. Иначе все напрасно.

В его словах было рациональное зерно. Если мы не уничтожим караван, можно смело раздеться и выйти под прохудившиеся облака. В детстве я любил гулять под теплым летним дождем, когда всю светило солнце...

Но это было в детстве, когда я был счастливым, и добрым. А сейчас у меня депрессия и я злой. Так что суицид отменяется, никаких прогулок.

— Бог с тобой, Край, я тоже еще пожить хочу, внуков понянчить. Конечно, никаких прогулок голышом! — категорично заявил Ворон, а я открыл рот от удивления и не потому, что, как выяснилось, опять рассуждал вслух.

Внуков? Значит ли это, что у сталкера есть дети? Я поймал себя на мысли, что меня чересчур уж интересует личная жизнь самого известного беглеца Зоны. Прямо какое-то болезненное любопытство. Надо обратиться к своему психоаналитику. Именно это я тут же и сделал — изрядно отхлебнул «Хиросимы».

— Ты слишком много пьешь, — заметил Душан, выдувая через нос струйку дыма.

— Зато я не умру от рака легких, — сострил я.

— Я тоже. — Черногорец сказал это так, будто смирился с неизбежностью.

После того злополучного подвала он изменился. Я вдруг подумал, что причиной его бледности может быть вовсе не панический ужас. В голову лезли страшилки о вампирах в длинных плащах и с зализанными назад волосами. Мол, если тебя укусит вампир, ты и сам станешь кровопийцей. Жаль, меня нельзя назвать верующим человеком, а то достал бы сейчас крестик да прогнал нечистую силу.

Командир и сталкер изучали карту и о чем-то спорили. Мне не хотелось вникать в их дела. Куда больше меня волновал настрой Душана.

— Ты, это... может, тебе хочется вцепиться мне в горло?

Черногорец щелчком отбросил оплавленный фильтр.

— Когда ты начинаешь молоть ерунду, еще как хочется.

Надо бы раздобыть зеркало. Я вспомнил, что вампиры не отражаются в зеркалах. А еще терпеть не могут серебра. Или это не вампиры, а оборотни?...

— Не бойся, тебя я съем последним, — безрадостно улыбнулся Душан.

— По машинам! — скомандовал майор. — Если поднажмем, через полчаса будем на месте.

— Вот это правильно: поднажать надо. Ведь скоро сверху полет. И еще... Мне показалось, или глаза у Душана действительно стали светлее? Были же карие, нет?...

* * *

Пришлось переть через зараженный участок.

Хоть убейте, я отказываюсь понимать, как такое может быть: одна долина фонит так, что там не растет ни травинки, а соседний яр — чистейшее местечко, сплошь в лютиках и васильках? Вся Зона — одна сплошная аномалия.

Иногда мне кажется, что погоны из Министерства обороны предлагали вовсе не ерунду. Не надо было строить Периметр. Надо было жахнуть сюда парой-тройкой нейтронных бомб. Чтоб вообще ничего живого не осталось. Может, когда-нибудь вояки так и сделают, но будет уже поздно, взрывы лишь создадут новых мутантов, таких жутких, что мне не хочется дожить до тех времен.

Минут через двадцать мы наткнулись на окопы, вырытые много лет назад. Я слышал об этих местах. Еще до второго взрыва здесь проходили совместные учения украинских инженерных войск и натовских спецов по оружию массового поражения. В те времена Украина еще собиралась вступить в Альянс и поддерживала с США дипломатические отношения.

— Отлично. — Сван был доволен, как кот, объевшийся сметаны. — Вот здесь мы и подождем караван. Пусть скорей подъезжает, милости просим.

Вы знаете, что такое траншеи и ходы сообщений? Если служили, ничего нового я вам не расскажу. Если нет, то два слова для пояснения обстановки необходимы. Траншеи так называемого полного профиля роют глубиной в полтора метра. По нормативам один куб земли один боец должен перелопатить за час. Ломаное расположение фасов, по пятнадцать метров в одном, дает шанс уцелеть хоть кому-то, если снаряд или граната угодит в соседний фас.

— Эмир, Душан, на разведку по левому фронту. В ответвления не сворачивайте, бейте всю дрянь, что встретится на пути. И живее! Одна нога тут, вторая здесь же. Выполнять!

Хоть братья и не служили в спецназе ГРУ, они на редкость четко реагировали на приказы майора. Вот и теперь без разговоров прыгнули в траншею и помчались изучать расположение.

Конечно, за долгие годы края окопа кое-где обвалились, брустверы размыла вода, а от полутора метров глубины осталось дай боже две трети. Но все равно, это лучше, чем ничего.

Позиция располагалась на холме, который возвышался над нужной нам дорогой. Точнее, дорога одним флангом врезалась в уступ холма, а вторым проваливалась в глубокий кювет, заболоченный и густо поросший камышом.

Если верить карте, совсем рядом протекала небольшая речушка — безымянный приток Припяти. Речушку я в упор не замечал — от любопытного взора ее прикрывал частокол могучих ив. Деревья эти обходились без листьев — кроны им заменяли пучки «ржавых волос».

Гиблое место. Мне здесь сразу не понравилось. Почему — не знаю. Вроде и причин для подобной нелюбви не было вообще. Отличная ведь позиция. Сверху дорога как на ладони. Долби из автомата по всему, что движется, и только успевай менять магазины. И траншея готова: можно скрытно от противника перебраться на новое место, потому как сеть окопов разветвлена что твоя паутина. Из аномалий детектор Свана ловит только слабенькую «электрику» метрах в ста северо-западнее. Не место, а рай земной. А вот не по душе, и все! И хоть ты тресни!

Прикрывая копошащихся внизу майора и Ворона, я подстрелил пару слепых собак и крикнул, чтоб их убрали, потому что трупы лежат на пути следования каравана. Как бы не демаскировали нас.

Сван приказал Ворону заняться собачками. Сталкер задрал голову вверх и пригрозил мне кулаком. Мол, я ж не мальчик, чтоб фигней страдать. Побурчав для приличия, он таки убрал тузиков с дороги.

А потом на асфальт выбралась семейка кабанов — хряк, мамочка и десяток поросят. Я секунд несколько сомневался, стрелять или нет. А вот Эмир, заметив опасность, не колебался. Его пластиковая «штаер» AUG (спасибо бабе Наде) исторгла из себя все тридцать пуль, что помещались в магазине. Хряк упал и засучил лапами. Пятачок поросят порвало в клочья, остальные шмыгнули в кювет и спрятались в камышах. Овдовевшую мамашу шлепнул я.

Эх, столько мяса зря пропадает! Жаль, припять-кабанов нельзя употреблять в пищу. Или можно, но только один раз, ибо сильнейшее отравление с летальным исходом аппетиту не способствует.

Говорят, настоящий хохол за милую душу слопает сало от любой свиньи. Ну-ну. Говорят, козлов доят. Попробуйте откромсать себе на бутерброд кусок жира с заливкой псевдоплоти, и вы сразу поймете, что это полнейшая ерунда.

Зато Ворон утверждает, что любое существо в Зоне съедобно, если его правильно приготовить. По вкусу — дрянь, но ведь не в том вопрос, верно?

Мне почему-то не хочется верить сталкеру. Воображение сразу рисует Ворона, который разделяет зомбятину и жарит из отборных кусков шашлык. Кстати, где у человека ошеек?...

Семейку с асфальта убрали уже оба минера. Сам Ворон не справился бы с тушей кабана. Повезло еще, что самец оказался мелким — и центнера в нем не было. А то пришлось бы нам всем пыхтеть вниз.

— Где Душан? — спросил я, меняя магазин.

Надо будет с пользой провести время, оставшееся до встречи гостей, и нашить пустые магазины патронами. Благо у нас этого добра два полных цинка.

— Да что-то нехорошо ему, — буркнул Эмир. — Прилег он.

— Ну-ну, — не удержался от комментария я.

Эмир зло взглянул на меня и отвернулся. Брат ведь, а я вот так пренебрежительно. «Впредь выбирайте выражения, товарищ Край!» — скомандовал я сам себе. И сам себе пообещал: «Есть выбирать выражения!».

— Ты, это... не переживай, все хорошо с ним будет.

Эмир прикурил и глубоко затянулся.

— Нет. Не будет. Он говорит, что из-за упыря с ним что-то не так. Мы когда на разведку ходили, его черным вырвало. И зубы еще... вываливаются... Два выпали. И глаза светлее стали...

Глаза? Я напрягся. Значит, мне не показалось. А то я уже подумал, что тронулся умом. В Зоне полно психов, и я не хочу быть одним из них. У меня и так проблем выше небоскребов...

Вскоре вернулись Сван и Ворон. Они выглядели уставшими, но довольными, как подростки, потерявшие девственность на родительской кровати. Это ж любимое развлечение сапиенсов — сделать подлянку другим сапиенсам. В нашем случае — установить на дороге противотанковые мины.

— Они не пройдут! — пообещал Ворон, сжав кулак и приподняв руку.

— Отличная работа! — похвалил сам себя майор.

— Кажется, дождь начинается, — заметил Эмир.

И он оказался прав.

Хорошо, что мы обнаружили отличный блиндаж. Недаром Сван отправил братьев в разведку. Без блиндажа никак, если учения совместные, — для натовских гостей расстарались по полной программе. В блиндаж мы и загнали транспорт с нехитрыми пожитками в колясках. Там же остался ночевать Душан. Это была его идея: мол, за техникой присмотреть надо. Никто не возражал.

Выглядел Душан все хуже и хуже. Пятна, поначалу едва заметные на бледном лице, потемнели и превратились в черные родинки размером с горошину. К тому же у него ключьями начали вылезать волосы. Его постоянно рвало.

Эмир не хотел бросать брата, но мне удалось убедить его, что с Душаном ничего не случится: блиндаж сухой, а значит, дождь не затопит укрытие.

— Эти блиндажи строили так, чтобы они защищали от светового излучения ядерного взрыва, — сказал я и понял, что аргумент прозвучал весомо. — Накаты из бревен в два слоя, глина, еще слой грунта. Потом железобетонная плита, то есть две плиты. На плитах уложена водоизоляция из рубероида, гудрона и смолы. Ну, и сверху опять земля.

Эмир кивнул. Я убедил его, не соврав ни на чуть. Блиндаж действительно построен на совесть. Я бы смело пересидел в нем выброс. Но мне не хотелось ночевать под одной крышей с Душаном. Интуиция подсказывала, что парень опасен. Поэтому, когда Сван назначил местом ночевки капитальный ДОТ в полусотне метров за первой траншеей, я не стал возражать.

Ворон и Сван удалились, а мне пришлось провести разъяснительную работу с Эмиром. Натянув куртки на головы, к ДОТу мы мчались уже под довольно крупными каплями.

Вы знаете, что такое ДОТ? ДОТ — это долговременная огневая точка. Тут главное слово «долговременная».

Вообще, ДОТы бывают разные. Бывают простенькие коробки из бетона с одной амбразурой для пулемета. А бывают в несколько этажей, зарытых глубоко в землю. Наш сделан для совместных учений, а значит, наверняка он простенький. То, что нужно, чтобы переждать ливень и скоротать ночь.

Но все оказалось не так просто.

Глава 18. Дот

Успели мы вовремя. И отлично, ведь ожоги четвертой степени в походных условиях не лечатся. Их можно смазать йодом и забинтовать. А потом принять пяток колес тарена — чтобы умереть в безболезненных корчах и с цветным кайфом.

Но — успели, а о плохом не будем.

Странно, что командир вообще обнаружил ДОТ. Ведь над землей лишь слегка возвышались верхняя плоскость боевого каземата с бронированным боевым отделением УОС «Горчак» да оголовки вентиляционного оборудования и отопительной системы. Хотя Сван и пытался представить все как случайность, я ему не верил и не понимал, зачем командиру нас обманывать. Ну, знал он об этих траншеях, и что в этом секретного?...

Эмир и я бежали под первыми каплями дождя по ходу сообщения. Вот и бронированная дверь, ведущая в потерну, набранную из прямоугольных бетонных колец.

Если в каземате ДОТа шкафы для боеприпасов хоть наполовину не пустые, мы имеем шанс расхреначить в жезь и фарш весь караван за пару минут. Причем не подставляясь под

пули. И так мне эта мысль понравилась, что я, поскользнувшись, схватился за мокрую ручку. Зашипев от боли, я выругался.

И вот мы внутри.

Нам повезло: дверь оказалась не заперта, иначе пришлось бы всем ночевать с Душаном в блиндаже, а то и вовсе прилечь в ближайшей луже. Военные в спешке покидали эти места. Смотрители ДОТа, начальник караула — сержант — да три солдата, дернули отсюда при первой возможности, не теряя времени на длительную консервацию объекта.

В коридорчике горел свет, было сухо и тепло.

— А что, уютненько, — подмигнул я Эмиру.

Тот был мрачен, как ноябрьское небо, из которого вот-вот посыплет снег.

И стоило только мне оценить комфорт, как снизу послышались звуки выстрелов. Значит, под нами есть еще как минимум один уровень. И наши коллеги долбят там в два ствола. Ворон — очередями из М-16, Сван — одиночными из СВД. Надо очень сильно чего-то испугаться, чтобы вести огонь в небольшом помещении, ограниченном бетонными стенами. Реально можно нарваться на собственную пулю. Рикошет — штука непредсказуемая.

Не сговариваясь, мы сняли оружие с предохранителей. Эмир отворил вторую бронированную дверь, пропустив меня в тамбур. Я огляделся, поводя по сторонам АК. Эмир тем временем отворил дверь слева. Он решил проверить вентиляционно-силовой каземат, где располагались аккумуляторы аварийного освещения и электрощит с кабелями, которые расплзались по всем отсекам. Пары очередей из «штаер» хватило бы, чтобы ДОТ погрузился во мглу.

У каждого из нас был фонарь, но мне абсолютно не понравилась идея сражаться с неизвестным врагом в слабо подсвеченной темноте.

Эмир вернулся обратно в тамбур, где я его поджидал. Мы продолжили наш увлекательный вояж по ДОТу. Снизу все еще раздавались выстрелы.

— Надо помочь! — Убийца полицейских посмотрел на меня с такой неприязнью, будто я изо всех сил уговаривал его не делать этого.

— Надо, — согласился я. — Вот только сунешься — и сразу получишь пулю в лоб. Кто там в горячке боя будет приглядываться, куда долбит.

— И что ты предлагаешь?

— Осмотреть помещения. Если внизу затаился враг, то почему бы ему не спрятаться и наверху?

Эмир покачал головой, но таки послушался. Я юркнул во вспомогательный каземат и, осмотрев шкафы, убедился, что мы сорвали изрядный куш. О таком бонусе — полном боекомплекте для пулеметов и ПТРК — можно было только мечтать. На столе лежал съемный ствол от ПКТ. Между шкафами располагалась лестница к люку в боевой каземат.

Меж тем выстрелы внизу стихли.

— Спустимся? — нерешительно предложил Эмир.

— Здесь подождем, — покачал головой я. — Если наши справились, сами вылезут. А если нет... Подождем. А потом — по обстановке.

Насчет «потом» думать не хотелось. Без Свана нам и бонусы ни к чему. Надеюсь, Ворон справился с той напастью, что поджидала карателей уровнем ниже.

Из вспомогательного каземата через дверь мы попали в казарму ДОТа. Казарма — это, конечно, громко сказано. Здесь располагались нары в три яруса, стол с табуретом, железный шкаф для личных вещей и продуктов, на стене висел параллелепипед-бак для питьевой воды. На столе чернел дисковый телефон — я такие агрегаты только в кино видел. Чисто, аккуратно, ни малейших признаков пыли. Это потому что воздух в ДОТ проникает через систему угольных фильтров. Из казармы наружу выводился перископ наблюдения. В него-то я и увидел, что дождь льет подобно Ниагарскому водопаду.

Посреди казармы в пол был вделан люк, ведущий на нижний ярус. Или ярусы. Тут уж как архитекторами задумано. Странно, что для одноразовых учений вообще установили ДОТ. Понятно, что хотели поразить натовцев размахом нашей армейской мощи, но...

Выкрашенный в желтый цвет вентиль медленно провернулся. Мы с Эмиром тут же взяли люк на прицел, и когда он откинулся, я едва удержался, чтоб не открыть огонь. Извините, привычка: стреляй, а потом извиняйся, если будет перед кем. Эта привычка не единожды спасала мне жизнь.

Кто к нам спешит — хозяева природы или тварь дрожащая?...

Наружу высунулась голова Ворона:

— Ну и наладили мы там. Пусть проветрится, а потом уже...

Сталкер проворно выдернул свое тело из лаза. За ним сначала показалась снайперская винтовка, замазанная фиолетово-розовой слизью, а затем протиснулся и сам командир.

— Что случилось? — не удержался я от вопроса, заметив, что коллеги вовсе не собираются отчитываться о проделанной внизу работе.

— Да так, — отмахнулся Ворон. — Ничего особенного. Кровососов спугнули. Ячейку общества.

* * *

У кровососов тоже есть инстинкт размножения, как и у прочих существ Зоны. Они от сырости не заводятся. Правда, я всегда думал, что кровососы либо гермафродиты, либо... Либо даже не знаю кто. Меня мало заботили половые трудности мутантов. Если возникала необходимость, я уничтожал зверье, а не держал свечку.

Но! Представьте, что вы страстно занимаетесь любовью. Ваша подруга — секс-бомба с длинными ногами, шелковистыми волосами и большой упругой грудью. Тела переплелись, бешеный ритм приближает вас к точке наивысшего наслаждения. И тут в спальню вламываются двое грязных небритых мужиков, от которых пахнет перцовым самогоном! В руках у мужиков оружие.

Представили? Я — отчетливо, даже слишком. И какие ваши действия в таком случае? А?

Не знаю, как вы, а я бы сначала поцеловал подругу в сахарные уста. Затем выскользнул бы из жарких объятий и завалил на месте уродов, посмеявшихся прервать процесс. Или хотя бы попытался это сделать. У них ведь стволы, а у меня всего лишь напряженная крайняя плоть, ярость и кулаки. И этого уже не мало, но всё-таки...

Вот примерно в такой ситуации оказался кровосос-самец, которого Сван и Ворон застали во время соития с подругой. Как потом рассказывал Сван, мутанты застыли в углу, сплетя ротовые щупальца в сложный узел. То есть никаких фрикций, ахов и охов. Тишина, темнота и обмен генетической информацией. Хотя нет, не совсем так — кровососы сопели. Кто-то из сталкеров сравнивал дыхание кровососа со звуком из кухонного крана, открытого, когда в доме отключили воду. Так вот здесь открыли два крана сразу.

Какого хека каратели полезли на нижний ярус, для меня до сих пор загадка. Ведь казарма более чем подходила для ночевки на одну ночь. Но — полезли. И, врубив электричество, обнаружили парочку на месте преступления.

«Опаньки, — сказал Ворон. И добавил: — Сваливаем».

Но майор то ли не услышал, то ли, оценив обстановку, уже принял решение, отдал себе приказ и добросовестно его исполнил. У военных бывают подобные заскоки. Я не виню Свана — сам маршировал по плацу, знаю, каково это. В общем, вместо того чтобы подняться по лестнице и захлопнуть за собой люк, майор вскинул к плечу винтовку и нажал на спуск.

Пуля угодила в сплетение щупалец. То есть в органы, настроенные для ласк. Представьте, что вам... Чёрт, не надо этого представлять!

В общем, самец пришел в неопишемую ярость. Еще бы.

Сообразив, что без драки не обойтись, Ворон захотел угостить кровососа парой-тройкой маслин калибра 5,56x45 мм. Ведь мутант так замечательно стоял в профиль к карателям! Через височное слуховое отверстие виднелся двухцветный мозг. Но Ворон промазал. Пули угодили кровососу в толстую лобную кость, не причинив особых

повреждений. Кровосос только качнул головой, будто в глаз ему попала пролетающая мимо муха.

И вдруг его словно «трамплином» подбросило. Наклонившись, он прикрывал подругу от людей, но только по нему начали стрелять, мутант резко выпрямился.

Таких гигантов Ворон еще не встречал и не горит желанием встретить вновь. Свану не с чем было сравнить, но размеры мутанта его тоже впечатлили. Как-никак два с половиной метра ростом, не меньше. Череп кровососа упирался в потолок, и было видно, что мутант сутулится, что ему тесно.

Выстрелом из СВД ему наполовину отсекло одно щупальце из четырех. Оставшиеся три яростно вздыбились, и мутант попер на карателей, словно паровоз, который медленно, но уверенно набирает ход. Его и людей разделяли метров десять, не больше, так что всерьез разогнаться он не мог.

Сообразив, что карабкаться наверх уже бессмысленно, Ворон принялся поливать кровососа очередями из М-16. СВД подрагивала в руках Свана, выстрелы слились в один сплошной грохот.

Мышцы бугрились на теле мутанта, когда он шагал к карателям, широко раскинув лапы и растопырив длинные пальцы. Его обветренная кожа была коричневой, сплошь в прожилках вен. Кровосос сильно наморщил лоб — ни дать ни взять греческий мыслитель, познавший тайну бытия. Черные глаза мутанта сильно гноились, смрадная жижа стекала по морде, которую можно было бы назвать людской, если б не ротовой аппарат.

Говорят, кровососы тем и сильны, что прут прямо на стрелка, не обращая внимания на раны. Подтверждаю: так оно и есть. Но мутант, с которым встретились каратели, был из другой породы.

Внезапно он припал на передние лапы, резко уйдя из сектора обстрела, и прыгнул вперед, словно уссурийский тигр. Ударом плеча он отбросил Свана к стене, щупальца его устремились к лицу Ворона, но сталкер откатился в сторону.

К чести Свана, ударившись затылком о бетонную стену, он не потерял сознания и не перестал стрелять. Он выпустил в кровососа целый магазин, пока тот размахивал лапами, пытаясь зацепить верткого сталкера. И уж Ворону пришлось изрядно попрыгать, чтобы уцелеть. Тронь его мутант хоть пальцем, сломал бы сталкеру кости — всё-таки туша еще та, да и лупит от души, куда там боксерам-супертяжеловесам.

Показывая чудеса гибкости, Ворон не забывал стрелять в мутанта. Без толку! Как с гуся вода! Пули прошивали чудовище насквозь, вырывали куски плоти, но кровосос, казалось, вообще не замечал этого.

Походя он рубанул кулаком стену, где только что сидел Сван, раскрошив бетон, словно пенопласт. Майору в этот момент представилась прекрасная возможность ударить в слуховое отверстие кровососа, и он не преминул ею воспользоваться — ткнул СВД в нежную плоть и налег всем своим весом, проталкивая ствол вглубь.

И огромный мутант тут же — Сван никак не ожидал этого — упал. Грушник отпрыгнул от тела кровососа, которое содрогалось в конвульсиях. Напоследок попасть под горячую руку Свану не улыбалось.

Когда монстр затих, командир вытащил из его черепа винтовку, а Ворон на всякий случай разрядил в дыру целую обойму, превратив мозги чудовища в кашу.

— Живучий, тварь... — тяжело дыша, поделился своим наблюдением Сван.

— А то, — сплюнул сталкер. — Еще какой живучий. И они полезли наверх, ко мне и Эмиру. А уж мы-то взяли люк на прицел.

* * *

— А как он прыгал, а? Как он прыгал?! — Брызжа слюной, Сван тыкал пальцем в Ворона; лицо его побагровело после того, как он опорожнил флягу с «Хиросимой» на две трети. — Я вам говорю, парни, как кенгуру, блин! Как снорк какой-то!

— А сам?! — ревел в ответ Ворон.

Он тоже снял стресс алкоголем. Хотя сталкеру вообще-то не положено переживать из-за таких мелочей, как нападение мутанта. Ведь это часть рабочего процесса, бытовая мелочь.

— Цыц! Кто тут главный? Я тут главный! У нас субординация! — грозно нахмурив брови, заявил Сван и вновь поднес флягу ко рту. Кадык его величаво задергался, отмеряя глотки.

Полчаса назад Сван заставил меня готовить ужин, а Эмира — чистить СВД. Мол, раз мы не принимали участия в героической битве с монстром, то должны отличиться хотя бы на хозяйственном фронте. Эмир попытался было возразить, но майор в два счета подавил его сопротивление. Я же с удовольствием занялся готовкой. Нравится мне это дело. Если б нелегкая не занесла меня в Зону, на гражданке я стал бы поваром.

А что? Отличная профессия. Всегда в тепле и при продуктах. Пока сваришь супчик — пять раз пробу снимешь. Пока сделаешь кашку — из кастрюли целую миску откушаешь, проверяя на соль. Я уж не говорю про компот и котлеты. Эх, устроиться бы в заводскую столовку, жрать за казенный счет от пуза и греть у печи кости, застуженные в Зоне. Не жизнь бы у меня тогда была, а сказка. Хорошо бы, конечно, в ресторан пойти шеф-поваром. Но боюсь, там с судимостью не возьмут. А то я бы омаров готовил. Правда, я не знаю, как с них пробу снимать, но это дело наживное, я парень сообразительный...

— Слышь, Край, а что у нас на ужин? — Ворон снял куртку, затем стянул с себя свитер и остался только в майке, белесой от соляных разводов.

Я впервые видел другого сталкера неглиже. В Зоне, сами понимаете, раздеваться не приходится, а за Периметром я с мужиками в джакузи не парюсь, не моя ориентация. Окинув взглядом поджарую фигуру Ворона, я одобрительно хмыкнул. Ничего лишнего: жира нет, сплошные мышцы. Мне бы в его возрасте так хорошо сохраниться...

— Дык, это... Я сейчас очень вкусно открою четыре банки тушенки и нарежу хлеб. Можно начинать меня хвалить. Типа, спасибо нашим поварам за то, что вкусно варят нам!

Мою шутку не оценили. Надо же, сборище гурманов. Всего пара суток в Зоне, а уже носы воротят от консервов. И Ворон туда же, будто, скрываясь от двух кланов, он на привалах готовил себе лазанью и фаршированного лосося.

Считаю, с поставленной мне задачей я справился на «отлично». Кто умеет лучше, пусть сделает лучше или замолчит навек.

И кто тянул Эмира за язык, а? Он вдруг отодвинул от себя банку и сказал:

— Самца завалили, это я понял. Он внизу лежит. Мертвый. А его девушка? Ну, с которой он целовался?

Даже Ворон перестал чавкать. И у меня начисто пропал аппетит.

В мгновение мы откатились каждый к своему стволу. Снять оружие с предохранителей, боевая тревога! В подземелье вместе с нами переживает ливень вдова кровососа.

Это было словно наваждение какое-то. Радуюсь тому, что Сван и Ворон убили гигантского мутанта, мы упустили из виду, что монстров было двое. А уж самки кровососов ничуть не уступают в свирепости самцам. Особенно те, которые мстят.

СВД Свана резко пахла горячей смазкой, и я вдруг вспомнил, как майское солнце...

Глава 19. Прощание Славянки

Райское солнце жарило город на медленном огне. Выходные Королева и я решили провести на даче. В этот раз мы, как нормальные подростки, взяли билеты на автобус от Левады до Кургана, но вышли раньше, на повороте в Копанке. В единственном на всю деревню магазинчике купили пива.

До Червонной Горки отсюда три кэмэ. Обнявшись, смеясь и попивая ледяное «хмилънз», мы топали вразвалочку, нам было некуда спешить.

— Я люблю тебя, — вдруг сказала Королева.

— Я тоже, — улыбнулся я.

Мало ли, что означает «я тоже». «Я тоже люблю себя»? В общем, я ничуть не соврал. А вечером мой мобильник выдал ненавистную «Лунную сонату». Этот рингтон у меня выставлен на вызовы доктора Парфенова.

Парфенов — мой куратор, мой лечащий врач. Я по жизни очень больной человек. Мне просто необходимы постоянные обследования в частной клинике на улице Пушкинской, в самом центре Харькова. Так считали мои родители, и я не смел им перечить.

— Здравствуйте, молодой человек, как поживаете, как ваше самочувствие, надеюсь увидеть вас завтра в половине первого, до свиданья, — скороговоркой выдал доктор и, не дожидаясь моего ответа, отключился.

— Вот гадство... — пробормотал я.

— Не надо к ним ходить, — вдруг сказала Милена.

— К кому — к ним? — нахмурился я.

Я не рассказывал ей о своих визитах в клинику. Я почему-то стеснялся.

— Ты знаешь, к кому.

Утром мы поднялись ни свет ни заря. Едва успели на автобус в 6:45. Через полтора часа были на вокзале в Харькове. А ведь я хотел пойти с Миленой на рыбалку. В заливе отлично клюет плотва и цепляется на крючок довольно крупный жерех. Эх...

— Зачем ты к ним ходишь? Не надо тебе... — продолжала отговаривать меня Королева, но объяснить, почему мне не следует этого делать, не смогла.

Я списал ее поведение на всплеск женской логики накануне тех самых дней. Физиология, ничего не поделаешь.

Ровно в половине первого я вошел в вестибюль клиники. Высокий потолок, белые колонны, мраморные ступени. Старинное здание, сейчас так не строят. Вместо мрамора нынче используют гипсокартон, стеклопластик и пеноблоки. Легче и дешевле вместо надежней и красивей.

Парфенов принял меня в своем кабинете, ослепляющем белизной и хромом. Доктор сидел за большим пластиковым столом. При виде меня озабоченность на его физиономии сменилась голливудской улыбкой.

— Присаживайтесь, молодой человек, кофе, чай, впрочем, как хотите, приступим сразу к делу, сегодня обойдемся без тестов.

Выдав все это одной фразой, Парфенов посмотрел на меня так миролюбиво и доброжелательно, что у меня по спине пробежали мурашки.

— Поступаете, молодой человек? Желаете получить высшее образование?

— Да, послезавтра экзамен. В политех хочу, на кафедру энергомашиностроения. Буду турбины проектировать для атомных электростанций.

— Серьезный выбор. Эта профессия налагает на вас особые обязательства... — Доктор сверкнул безукоризненной улыбкой и шагнул ко мне.

И тут же будто кто-то выключил свет в моей голове, наступила мгла и тишина. Сколько ни пытался, я никогда не мог вспомнить, что со мной происходило во время визитов в клинику...

А вечером дома Максимку Краевого ждал неприятный сюрприз. Мама вручила мне повестку из военкомата и ушла на кухню разогревать ужин.

— Ничего нельзя сделать? Объяснить, что это ошибка? — Я никак не мог поверить, что это случилось со мной. — У меня ведь послезавтра вступительный экзамен. По физике. Может, заплатить кому-то?

Котлеты остывали, к жареной картошке я даже не притронулся.

— Ты ведь знаешь, сейчас с этим строго, — сказала мать. — В военкоматах недобор. Деньги совать бесполезно, можно в тюрьму загудеть за взятку. Ничего, сынок, послужишь. Авось за пару лет о лярве своей драной забудешь.

Верно, я знал. Гребли всех: кривых, косых и убогих. Украина ввязалась в десяток миротворческих миссий, чтобы получать финансирование на «ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС». Проще говоря, Периметр стоил конкретных денег, а давать

сомнительные кредиты просто так нам не хотели. Вот страна и торговала пушечным мясом. Который год уже...

Но одно дело — знать, а другое — самому угодить в жернова государственной машины.

— Мама, меня ведь на войну заберут. Ты понимаешь это, мама?! Я могу погибнуть!

Мать вытерла руки о передник и отчеканила с невозмутимым лицом:

— А если она залетит? Ты представляешь, какие у вас будут дети?!

Ночью у нее случился сердечный приступ. Отец вызвал «скорую», в квартире потом резко пахло лекарствами.

Утром я отправился в военкомат. В актовом зале парни рядом со мной шушукались о том, что раньше были комиссии, определявшие, пригоден ли призывник к армейской службе. Бред какой-то. Отец мне ничего об этом не рассказывал. А ведь он умирал непокорных уйгуров. Батя прекрасно провел время в Урумчи, поливая демонстрантов из брандспойтов и пиная ногами особо ретивых азиатов. Службу в армии он неизменно вспоминал с тихой ностальгией.

Седой подполковник с трибуны побожился, что «дорогих призывников» ждет не дождется банановый рай, населенный длинноногими мулатками. На выходе из военкомата меня, переодетого и побритого налысо, в компании таких же новобранцев закинули в автобус.

Терминал встретил нас морозящим дождем. Громадный транспортник стоял на погрузке, грохотал марш «Прощание славянки».

— Не посрамите Родину, сынки! — молодежато гаркнул генерал в форме аэромобильных войск. — От-трахайте в задницы этих папуасов!

А потом, разогнавшись по взлетной полосе, авиалайнер сомнительной комфортности унес меня к черту на кулички. Вот там-то я и должен был увлекательно провести лучшую часть своей жизни. Полстаградусная жара и возможность доблестно умереть за интересы транснациональных корпораций — что еще нужно настоящему мужчине?

За два года я не получил от Милены ни одного письма.

Глава 20. Гнездо

Что нужно настоящему мужчине? А чтоб ему не портили аппетит, задавая идиотские вопросы.

— Самца завалили, это я понял. Он внизу лежит. Мертвый. А его девушка? Ну, с которой он целовался?

Тишина завладела ДОТом. Я вдруг подумал о том, что в суматохе мы забыли про люк. Я закрыл его только после того, как Эмир едва не упал в дыру, пытаясь к нарам, чтобы с комфортом сесть и поужинать. А это значит...

Я громко сглотнул. Вот что это значит: самка запросто могла подняться сюда раньше и притаиться у меня за спиной. Врубила режим невидимости — и никаких проблем. Кровососы умеют передвигаться бесшумно даже по лесу, где полно сухих веток под ногами. А уж по гладкому бетонному полу...

Но глядя на бесстрастно жующего Ворона, я успокоился. Положив М-16 себе на колено, сталкер как ни в чем не бывало продолжил трапезу. Тоже верно. Зачем добру пропадать? Хоть один мутант, хоть целый выводок, аппетит от этого страдать не должен. Умирать на пустой желудок — плохая примета.

Запрокинув голову, сталкер поднес к губам котелок, жир от тушенки потек по подбородку.

— Что я вам скажу, господа... — величаво начал он.

— Господа в Париже все давно, — невпопад ляпнул я.

— Ах ты хренов бандеровец! — не оценил моей шутки командир, лицо его перекосило от злости.

Я ковырнул ногтем в зубах и сплюнул под ноги Свану. Для меня люди делятся только на две категории. Первая — те, кого легко могу убить я. Вторые — те, кто без проблем избежит от меня. Пусть первые живут и здравствуют, пока я добрый, а от вторых я держусь подальше. Жаль, я не могу ни убить майора, ни избавить его от своего общества.

— Не дури, командир! — вмешался Ворон. — Лучше послушай, какие у меня соображения. Мы живы еще. Значит, кровососка наверх не поднялась. Внизу она. А нам выпастся надо.

Я припал к визору перископа. Кислотный ливень закончился — уже хорошо.

— Наваждение какое-то... — прошептал Сван.

Наваждение или еще что, но самка спаслась. И она где-то рядом. Не знаю, как кого, но меня такое соседство нервировало. Я вряд ли засну, зная, что в любой момент бестия может свернуть мне шею и выпить мою кровь.

Подохнуть в Зоне?... Умирать надо дома, в чистой накрахмаленной постели! Так, чтоб детишки стояли, смиренно потупившись, а нотариус строчил завещание на многие миллионы купюр, заводов и пароходов.

Уважаемые Сван и Ворон, вы радовались, что завалили матерого кровососа? Ну так будьте добры, доведите дело до конца. Спуститесь вниз и прикончите даму его сердца. А то как-то нехорошо получается.

Конечно, я не сказал этого вслух. Ибо мы — каратели. Какая-никакая, но команда, связанная одной целью. И цель наша — выжить вопреки всем напастям. Выжить и победить.

Желание Свана — закон для нас.

— Мы спустимся вниз и уничтожим тварь.

— Все? — на всякий случай уточнил я. — Может, имеет смысл отправить Ворона и Эмира? А мы подождем их здесь? Иначе группа останется без прикрытия сверху. Что опасно.

— Отставить! — Командир заткнул рот не только мне, но и сталкеру, который начал возмущаться распределением ролей. — Идем все. На сборы две минуты. Время пошло.

Проверяя оружие и затягивая потуже шнурки, я проникся командирской мудростью. Нам позарез нужен этот ДОТ. Он повышает наши шансы выжить и выполнить задание. А значит, ничто не должно нам помешать.

Представьте: во время боя из воздуха появляется самка кровососа и атакует нас. Вряд ли, отвлекаясь на дамочку, мы сможем уничтожить караван. Мало того, боевое охранение каравана получает верного союзника в нашем стане. А следовательно — да, нам срочно надо вниз.

Две минуты истекли, люк с грохотом откинулся, и мы отправились на прогулку по второму ярусу подземелья. Как говорят в десанте, проверяй снарягу сейчас, обратно в самолет уже не впрыгнешь. В нашем случае все обстояло куда приятней: назад мы все же рассчитывали вернуться.

* * *

Один за другим мы спустились по металлической лестнице.

Первым шел Ворон, замыкал цепочку ваш покорный слуга. Последние пару метров сталкер преодолел в прыжке, крепко встав на ноги и вскинув штурмовую винтовку.

— Огонь! — скомандовал Сван, и Ворон с удовольствием подчинился приказу.

Пули пронзили пространство на уровне талии взрослого мужчины. Сто восемьдесят градусов сектора обстрела. Чтоб не зацепило, самке пришлось бы распластаться по полу, она ведь значительно крупнее человека. Пары маслин хватило бы, чтоб при попадании вывести чудовище из режима невидимости.

Внизу я огляделся. Помещение было просторным и пустым. Голые стены — ни полок, ни учебных плакатов. Вообще ничего. Стены выкрашены в зеленый цвет. Потолок побелен. Под потолком тускло — в режиме экономии — горели лампы, прикрытые сетчатыми

плафонами. Тут тоже совсем не было пыли. Я на это особо обратил внимание, так как по следам на полу хотел вычислить, куда ушла самка кровососа.

В центре дальней от нас стены располагалась дверь. Вот к ней-то мы и направились, ошестинившись стволами, словно рассерженный дикобраз — иглами.

Повесив «штаер» на плечо, Эмир схватился за запорный вентиль и попытался вывернуть его. К сожалению, силенок моджахеду не хватило, каши мало ел. Недолго думая, Ворон присоединился к нему. Вдвоем они так рьяно пыхтели, что хоть сейчас вывешивай их портреты на доску почета. Передовики производства! Но вот незадача — вентиль не сдвинулся ни на миллиметр!

— Может, он с той стороны зафиксирован? — подал идею Эмир, лицо его покраснело от напряжения.

— Может. Но кто это сделал? Обиженная вдова? — Ворон перевел взгляд на меня: — Край, помоги.

И я помог. Втроем мы разместились так, чтобы не мешать друг другу, и по сигналу Ворона начали резко дергать вентиль — надо было сорвать его с мертвой точки. И вентиль поддался — сначала один оборот, потом второй, третий... Я уже собирался отвалиться, мол, дальше вы и сами справитесь, как внезапно штурвал выскользнул у меня из пальцев, повернувшись в обратную сторону. Что за черт?!

— Налгай! — рывкнул Ворон, сражаясь с невидимой силой, укрывшейся за дверью.

Я схватился за металлический обруч. Вспотевшие ладони проскальзывали, но я не сдавался. Эмир сопел мне в ухо, ему не помешало бы почистить зубы. Впрочем, как и всем карателям.

Сван стоял метрах в трех, направив винтовку на тяжелую металлическую дверь. Как только она распахнется, майор выстрелит. А там и мы не подкачаем. Кто бы ни был с той стороны, он ответит за свои шутки.

— Есть! — Ворон навалился всей своей массой на дверь, та неожиданно легко провалилась в темноту соседнего помещения.

Сталкер упал, вспышка на миг осветила непроглядную тьму за дверью. Пуля Свана ушла в «молоко». Мгновенно сориентировавшись, мы включили фонари.

— Вперед! — Майор шагнул вслед за Вороном.

Не мешкая, я сорвался с места, направив свой АК вправо и осветив темноту вспышкой короткой очереди. Слева аналогичный маневр совершил Ворон. Эмир прикрывал наш тыл, ему стрелять было вовсе не обязательно.

Я позавидовал Душану, который спокойно дрых в блиндаже. Нестерпимо разболелась прокушенная зомби нога.

— Беречь патроны!

И то верно. У меня с собой было всего четыре рожка. Вроде и не мало, но если полоскать по сторонам просто так, надолго их не хватит.

Свет моего фонаря выхватил в темноте какое-то движение. А в следующий момент пустая жестяная бочка из-под трансмиссионного масла ударила меня в грудь, едва не сбив с ног. Удар был такой сильный, что у меня дыхание сперло и в глазах вспыхнули россыпи звездочек. Неужели ребра сломаны?

Но о медсестричках я помечтаю потом, сначала надо разобраться с теми, кто посмел швырнуть в меня бочку. Моя интуиция, весь мой опыт в Зоне подсказывали, что столкнулись мы сейчас вовсе не с самкой кровососа, но с мерзкими, очень опасными тварями.

— Бюреры, — весомо обронил Ворон в тишине, которая настала после приказа экономить патроны.

Они самые, карлики, обитающие в подземельях и обладающие способностью к телекинезу. У этих мутантов существует что-то вроде родоплеменного строя. Многие сталкеры считают их разумными, чуть ли не новой расой Земли. Но хрена с того, что они семи пядей во лбу? С бюрерами наладить контакт не удалось еще ни одному человеку в Зоне.

Мы ступали по мусору, который шелестел, хрустел и скользил у нас под ногами. Насколько предыдущее помещение было стерильно чистым, настолько же это — захлавленным. Чего тут только не было. Луч моего фонаря высветил глобус, большую куклу, диван без обивки, пивной пластиковый ящик, пару бутылок от шампанского «Советское», одну — от водки «Столичная», надбитую вазу, колченогий табурет... Табурет взвился в воздух, я инстинктивно дернулся, чудом избежав удара в голову. И тут же зашевелился в гряде мусора диван, сталкивая с себя бутылки. Диван медленно поднялся над полом и завис, словно определяясь, куда ему полететь.

Не один я впал в ступор. Ворон и Сван тоже не знали, что делать. Стрелять? Но диван — лишь предмет, управляемый силой чуждого нам разума, а не сам враг. Стрелять в него — значит напрасно тратить патроны.

Нам повезло, что Эмир так не считал. Пули из его штурмовки буквально в щепки распотрошили взбесившуюся мебель. Ведь та вознеслась в воздух вовсе не для того, чтобы покрасоваться. Не уверен, что я выжил бы, если б в меня угодила диван, брошенный бюрером.

— Где?! — Ворон вертел головой, луч его фонаря судорожно метался из стороны в сторону. — Покажитесь, сволочи! Только покажитесь, я вам бошки поотгрызаю!

Сталкер явно слетел с катушек. За время путешествия у меня пару раз возникала мысль, что с ним что-то не так. Сейчас мои сомнения подтвердились. Ворон брызгал слюной и скалился. От возбуждения он подпрыгивал на месте и облизывался, будто действительно собирался вцепиться зубами в горло мутанта.

Твою мечту! Только этого нам и не хватало! Где-то рядом бродит самка кровососа, бюреры вовсю атакуют, один наш товарищ недееспособен, а тут еще и у Ворона сорвало крышу. Все прелести в одном наборе!...

Что-то юркнуло под завал из картонных ящиков метрах в пяти от меня.

Не только я заметил это движение. Вчетвером мы одновременно открыли огонь, изодрав картон в клочья. От бюрера — а это он спрятался за ящиками — мало что осталось. Били мы почти в упор и патронов не жалели вопреки приказу Свана.

— Минус один, — сказал я, подойдя к телу и толкнув его носком ботинка. — Знать бы еще, сколько их здесь...

— Вряд ли много, — успокоил меня Ворон. Лицо его уже приняло нормальное выражение, приступ прошел. — Иначе нам бы не поздоровилось. Мебель — это так, детские шалости. Это работа двух, а то и одного бюрера.

Согласен. Стая в пару десятков особей уже похоронила бы нас под той дрянью, что захламляла помещение.

— ...м-мать! — завершил по-русски Эмир длинную гневную тираду на родном языке.

Он обо что-то споткнулся и едва не растянулся на мусоре в полный рост. А падать здесь я не рекомендовал бы никому. Уж слишком велик риск наткнуться на что-нибудь острое — осколки стекла, кусок арматуры, гвозди, щепки... да мало ли?

— Что там? — В такие моменты Сван напоминал ищейку, наткнувшуюся на след.

— Не знаю, сейчас... — Подсвечивая себе фонарем, Эмир принялся ногами разгребать мусор.

Я и Ворон не опускали стволов. Мы готовы были в любой момент отразить нападение.

— Люк! Еще один люк! — В голосе Эмира было столько восторга, будто он нашел как минимум золотой слиток.

— Ко мне! — скомандовал Сван.

С радостью. Мне не нравилось здесь. Слишком темно, слишком мрачно и грязно. И слишком под землей. У меня нет клаустрофобии, но и особой любви к замкнутым пространствам я не питаю. И ведь кто-то натаскал сюда весь этот мусор. Отнюдь не солдаты с поста приволокли ящики, бутылки и старую мебель. Нужно было совершить не один марш к ближайшему ПГТ, чтобы разжиться никому не нужным барахлом. А это километра четыре в одну сторону. И я очень сомневаюсь, что это бюреры предприняли десятки вылазок по территории, кишашей мутантами и аномалиями. Карлики — существа осторожные, они редко становятся добычей слепых псов.

— Открывай! — Сван перезарядил винтовку, Эмир схватился за вентиль.

И в этот момент мусор вокруг нас словно взбесился. В воздух поднялись прохудившееся ведро, системный блок от допотопного компьютера, игрушечный дед мороз, скоросшиватель, полный бумаг, бюстик Ленина... Все это, на миг зависнув над полом, ринулось на нас. Не дожидаясь команды Свана, мы резко пригнулись. Мусор промчался над нами и, врезавшись в стену, осыпался, как осенняя листва под порывом холодного ветра. И тут же вторая порция отбросов оторвалась от пола. Бюреры явно не хотели, чтобы мы спустились уровнем ниже.

Пока я прикидывал, что делать и куда стрелять, Сван дважды нажал на спуск, потом сместил ствол винтовки и еще раз выстрелил.

Обломки цивилизации так и не успели отправиться в полет — все упало на пол, в груды прочего хлама.

— Не дрейфь, открывай! — вновь скомандовал майор. — Карликов было трое, и они уже не помешают.

Эмир положил «штаер» в мусор рядом с собой и начал вращать вентиль, который безбожно скрипел, но в отличие от предыдущего шел без заметных усилий. Когда люк распахнулся, в лица нам ударило затхлой вонью. Внизу было светлей, там с электричеством дела обстояли куда лучше, чем здесь. Вот только вонь...

Эмир откатился от люка, его вывернуло. Неженка. Только ужин напрасно перевел.

— За мной! — Сван опять полез первым.

Я поморщился. Не нравится мне настрой командира. Ни к чему эти заигрывания со смертью. На привале придется провести разъяснительную беседу. Кстати, скоро нашим ошейникам захочется взорваться...

И опять я шел замыкающим. Когда я спрыгнул, не добрав до пола метра полтора, Эмир вновь прочищал желудок, и делал он это очень старательно. Нога моя угодила во что-то мягкое, я не сразу узнал в разложившемся трупe псевдопса. Откуда здесь взяться псевдопсу?...

Если уровнем выше располагалась дворовая помойка, то здесь было нечто вроде городской свалки. Сван шагнул к громадной куче мусора, что упиралась в потолок. Ноги его проваливались в гниль и грязь по колено, он с усилием делал каждый шаг.

Под потолком мерцала лампа дневного света. Не дойдя метров десяти до кучи, Сван принялся всаживать в мусорную гору пулю за пулей. После третьего выстрела куча будто взорвалась изнутри. Меня обрызгало вонючей слизью с головы до ног. Остальным досталось не меньше. М-да, а душ в ближайшее время нам не грозит...

Вот ведь как устроен человек. Я стою по колено в мерзкой дряни на третьем уровне заброшенного ДОТа, на меня прыгает разъяренная — невидимая! — самка кровососа, а я думаю черт-те о чем.

Лишь ошметки и огрызки, прилипшие к торсу, четко обрисовывали контур мутанта. Иначе невозможно было бы определить, кто нас атакует.

Я еще только соображал, что случилось, а палец уже дергал спуск автомата. Ни секунды на сомнения, спасибо рефлексам.

М-16 Ворона извергла из себя веер пуль.

«Штаер» Эмира, казалось, существовала сама по себе, плюясь огнем. А ведь хозяину винтовки все еще было нехорошо.

Сван всаживал в монстра пулю за пулей. И делал это мастерски. Если мои пули не причинили вреда твари, то после залпов Свана кровососка потеряла невидимость. Правда, мне от этого не стало легче — разметав кучу мусора и выпрыгнув из нее, самка приземлилась метрах в пяти от меня.

Максимка, ты не хотел пускать командира вперед? Хотел сам выйти на передовую и грудью защитить того, кто владеет волшебным пультом? Что ж, у тебя есть такой шанс. Вперед, не стесняйся!

Рожок опустел, я в одно движение сменил его на полный. АК завибрировал у меня в руках, выпуская на волю горячий металл. Кровососка, словно лошадь, которую дернули за уздцы на полном скаку, взвилась, подставив под огонь живот.

«Зря она это сделала, — злорадно подумал я, — очень зря».

Через пару секунд все было закончено. Самка больше не подавала признаков жизни.

— Глупое животное, — сказал я, — само открылось. А ведь могло бы доставить нам много неприятностей.

— Верно. — Ворон перезарядил винтовку. — Только не глупое.

— В смысле?

— В прямом. — Сталкер отвернулся, явно не собираясь объясняться.

— Иди сюда, Край. — Сван стоял у разворошенной кучи и манил меня к себе.

Я не мог отказать командиру, я встал рядом с ним. Господи, ну и вонь!...

— Она защищала их. Прикрывала. Собой прикрывала. От нас.

Сван показал на бочкообразные предметы, штук пятнадцать, которые были частично врыты в мусор. То есть до того, как самка разворошила кучу, ее выводок был полностью прикрыт. А что, отличная термоизоляция. Яйца — яйца ли? — самка отложила еще в холода, а заботливый папочка, ныне покойный, славно потрудился, чтобы свить достойное гнездо и обеспечить новорожденный молодняк пищей. Гниющими трупами псевдопсов, к примеру. А бюреры, значит, охраняли вход на этот уровень?...

Последний вопрос я задал вслух. Черт, это уже становится плохой привычкой.

— Вряд ли. — Сван поднял винтовку, грохнул выстрел, пуля угодила в крайнее слева яйцо. — Бюреры сами по себе, кровососы сами... Или нет?

Как бы то ни было, мы не собирались умиляться видом крохотных мутантиков, которые активно шевелились за полупрозрачными оболочками яиц.

Патронов не жалели. «Или мы их, или они нас», — твердил я про себя, стиснув зубы.

Или — или. Лучше уж мы, верно?

Глава 21. Караван

Утром, едва рассвело, меня разбудил Ворон. Скрестив ноги, он сидел на полу у печки и, покачиваясь вперед-назад, что-то бормотал. Вот для кого годы в Зоне не прошли даром. В последнее время поведение сталкера беспокоило меня.

Сван оглушительно храпел, Эмир укрылся собственным пальто с головой.

— Привет, — буркнул я и поднялся с нар.

В теле ощущалась накопившаяся усталость, короткий сон лишь самую малость разгрузил мой организм. Я потянулся за флягой, отхлебнул и вновь почувствовал себя человеком. Вот только надо слить дренаж, уж больно приспичило, сил нет терпеть.

— Слышь, Ворон, а где тут?...

— Удобства уровнем ниже. — Сталкер прервал свою «молитву», чтобы ответить мне.

— Угу, — выдавил я вместо благодарности.

Спускаться на помойку не хотелось категорически.

Уж лучше я как-нибудь так...

— Метров пятьдесят по траншее вправо, там тоже сортир есть. Капитальный. Еще в те времена сделанный, для учений.

О! Эта информация мне понравилась гораздо больше, чем предложение зарыться в мусор. Схватив автомат, я кинулся прочь из ДОТа.

После дождя, конечно, остались лужи. Но за прошедшие часы кислота в воде потеряла свои смертельные для всего живого свойства. И всё-таки я старался не ступать в лужи. Да, подошвы моих ботинок отлиты из кислотостойкого пластика, а их кожа пропитана специальным составом. И все же, рисковать обувью и ногами не имело ни малейшего смысла. Береженого, как известно, Хозяева берегут.

Не соврал Ворон: сортир оказался там, где и было указано. Надежное добротное строение из белого кирпича. Направив перед собой автомат, я заглянул в отхожее место. Жизнь в Зоне научила меня, что ничего нельзя делать впопыхах и уж тем более не стоит слишком быстро снимать штаны, обнажая свой тыл.

Пол в сортире провалился. Его сделали деревянным, доски сгнили в мягкую труху. Но не это смутило Макса Края. Меня пробрало от взгляда двух гноящихся глаз, что таращились из выгребной ямы.

Уж кого-кого, а зомби в форме ВС Украины я здесь никак не ожидал встретить.

* * *

Короткой очередью я упокоил прах воина и только после этого сделал то, за чем пришел. Мне надо было все обдумать. Как здесь очутился зомби из той же команды, что встретила нас у двойной «воронки»?

Взвод — тридцать человек, три отделения. Предположим, им выжгло мозги чем-то вроде Радара. Восемнадцать из этих зомби мы уничтожили на дороге возле складов. Я еще удивился, что они бредут слаженной группой. Никогда раньше не замечал у трупиков даже зачатков коллективизма, а тут чуть ли не в ногу шли, распевая речевку.

Похоже, они не сами по себе брели, но кто-то навел их на нас. Мол, раз солдатики погибли смертью храбрых, чего им в сырой земле валяться, успеют еще накормить ворон. Пусть напоследок совершат ратный подвиг — авось совладают с отрядом карателей.

Совладать не получилось. Да и не могло получиться, ведь зомби схлестнулись не с сопляками, впервые в Зону пролезшими. Нам убить, что в носу поковырять — на людях, может, и стыдно, но в принципе почему бы и нет?...

Предположим, изначально был взвод. И двенадцать покойников до «воронок» не дошли. Причин тут может быть масса. И главная — мутанты. Псевдопсы зомбятиной не брезгуют. Почему всех сразу не перебили, не погрызли? А зачем? Стая, вероятно, маленькая была, сколько могли — сожрали. А проголодаются — по следу пойдут. Зомби ведь не скороходы, едва-едва ногами шевелят.

Из двенадцати один остался на позиции. Ну, с этим понятно. Упал в выгребную яму, не смог вылезти. И чего он, скажите, в сортире забыл? Или у трупиков отходы продолжают выделяться? Ой, сомневаюсь. Видать, боец в яму угодил, еще когда человеком был, а уже потом его накрыло излучением и он стал зомби...

— Эй, Край, чего буянишь?! — Сван показался в фасе, когда я уже застегивал штаны.

— Зомби, — коротко пояснил я.

— Не шуми больше. — Командир опустил винтовку. — Караван на подходе.

Пока я топал вслед за ним к ДОТу, мысли об отряде зомби не давали мне покоя. Я слышал о специальных установках, которые способны имитировать действие Радара. Психотронное оружие, еще советские разработки. Верилось в это, конечно, с трудом. И всё-таки предположим, что есть портативные излучатели, которые могут воздействовать на кору головного мозга, напрочь оболванивая людей. В таком случае при чем здесь плоть? Ведь зомби — это гниющее на ходу мясо. Установки разрушают не только ЦНС, но и тела? Все может быть. Но точно одно. Бедолаги — если так можно назвать людей, которых послали убить нас, — заняли позицию и принялись обживать, рассчитывая на три-четыре дня боевого дежурства. Откуда я это знаю? По пути к сортиру я нашел разъеденный кислотой вещмешок с консервами. Зная суточную норму сухая, нетрудно высчитать, на какой период времени он выдан.

Хм. В последние дни было достаточно тепло, гниению ничто не мешало. Примерно так и выглядели бы трупы, которым пара-тройка суток. А значит...

Это значит, что как только каратели выдвинулись в Зону, сразу же сюда доставили группу военных. Предположительно — на вертолетах. Те, кто прислал сюда взвод, знали, сколько нас. И самое забавное — эти люди на все сто были уверены, что мы обязательно придем сюда.

Черт! И еще раз черт! Второй черт — потому что кто-то узнал о том, что нас поджидает засада, и, воспользовавшись секретным оружием, нейтрализовал угрозу. Или же просто так масть легла? Кто-то наткнулся на засаду и... Как вариант: взвод будущих зомби мог попасть под локальный выброс...

Но при любом раскладе тот, кто организовал засаду, каким-то образом смог направить на нас гниющее безмозглое мясо, которым стали его подчиненные. Или же наша встреча — совпадение?...

А теперь третий черт. И — внимание! — вопрос на засыпку. Какого хека люди, обладающие властью и огромными ресурсами, втавили в свои игры Макса Края, отставного майора ГРУ, товарищей из солнечной Черногории и ренегата-сталкера?!

Пока что у меня нет точного ответа на этот вопрос. Я могу лишь предполагать. Ясно одно: Кажан вовсе не обрадовался, когда ему поручили снарядить в Зону карательную экспедицию. Он — посредник, а не заказчик, который остался в тени. Кажан всего лишь майор, а тут чувствуется генеральская хватка. Но именно пан майор снарядил убийц, то есть нас, прекрасно понимая, что мы — свидетели его преступления. Перед своим начальством он чист: задание выполнено, группа ушла в Зону, а о том, что группа состоит из отборнейшего сброда, начальству знать необязательно. Кажан небось спит и видит, как мы подрываемся на минах и кормим собой мутантов. Если каратели сгинут в Зоне, он ничего не выиграет — просто останется при своих. А сохранить шкуру в такой игре тоже, согласитесь, немало. Вот так вот...

Короче говоря, решай проблемы, Макс, по мере их поступления. Но не забывай просчитывать ситуацию на два шага вперед. Иначе такому, как ты, в Зоне не выжить.

* * *

За ночь Душана словно подменили. Если накануне он был вялым, ему постоянно хотелось спать, то теперь энергия из черногорца так и выплескивалась. Он постоянно щерился, обнажая изрытые язвами десны. Черные «родинки» на его лице полопались, волосы почти все вылезли.

— Чего сидим?! Где караван?! — бегал Душан по позиции, приставая ко всем с этими двумя вопросами.

Успокаивали его как могли, но это мало помогало. В конце концов, чтобы хоть чем-то себя занять, он принялся швырять камнями в пролетающих мимо ворон. И получалось у него более чем отлично. Каждый бросок попадал в цель, вне зависимости от того, летела птица высоко или низко, медленно кружила в воздухе или спешила по своим птичьим делам. Поразительная меткость! И сила.

Душан успел набить с десятков ворон, прежде чем Сван сорвался и велел ему убираться в блиндаж. Черногорец замер на месте, ноздри его трепетали. В руках он держал нож, пальцы согнули каленую сталь в секунду. Не знаю, что случилось с моджахедом, но менее чем за сутки он стал в разы сильнее. Вот только выглядел паршиво.

А еще его постоянно рвало какой-то слизистой дрянью. Когда я смотрел на Душана, мне становилось муторно и, чего греха таить, хотелось избавить его от страданий. Пуля в лоб — самое действенное лекарство от любой хвори. Другое дело — я не был уверен, что попаду в него. Уж слишком быстро он передвигался по траншее. Реакция у него ускорилась неимоверно.

Сван и Ворон остались в ДОТе. Верное решение, двух человек вполне хватит для обслуживания боевого каземата. Да и под толщей земли и бетона майору безопасней. Но лучше бы я составил ему компанию, а не сталкер.

— Ты как? — спросил я у Душана, когда тот пробежал мимо. — Тормозни. Ну что ты в самом деле? Как самочувствие?

Привалившись спиной к стенке траншеи, Душан безучастно посмотрел в причудливое небо Зоны. Было видно, что он с трудом сдерживается, чтобы не помчаться дальше.

— А как выгляжу, такое у меня и самочувствие. Подыхаю я.

— Да ладно тебе... — Я знал, что нет смысла успокаивать убийцу полицейских, он действительно выглядел не лучше того зомби, которого я пристрелил в выгребной яме.

Издалека послышался гул моторов, и это избавило меня от дальнейшей беседы с Душаном, который тут же сорвался с места, стоило мне только отвернуться.

— Едут! — Эмир отправился к своей огневой точке.

— Ты, это... не расслабляйся... — типа подбодрил я его напоследок и двинул к ячейке на левом фланге. Там меня поджидали рожки для АК, аккуратно уложенные на земле.

Патроны решили не экономить, поэтому, чтобы не терять времени при смене позиции, в трех соседних ячейках я оставил по десять снаряженных магазинов для моего автомата, а в блиндаже, где мы спрятали мотоциклы, стоял открытый цинк. Точно так же поступили и черногорцы — каждый определил себе по две дополнительные ячейки.

Подтвердив ввод кода, пискнул крохотный динамик, встроенный в ошейник. У меня есть шанс прожить еще четыре часа, и я постараюсь максимально воспользоваться этой возможностью. Вот только немного раздражало то, что в бою каждый из карателей будет сам за себя. Что хочу, то и ворочу.

— Убейте их всех! — сказал Сван, прежде чем задраить наружную дверь ДОТа. — Мне все равно, как вы это сделаете!

Убить, да. А разве были еще варианты? Разве мы могли пригласить караванщиков за стол переговоров, чтобы прийти к консенсусу?...

«Бережок» шел первым. Его пушка мне сразу не понравилась. Пулемет тоже. От вида ПТРК у меня окончательно испортилось настроение, АГ-17 «Пламя» вызвал желание попроситься в ДОТ или спрятаться в блиндаже. Да, я был на войне, но я сражался с полуголыми повстанцами, которые только вчера слезли с пальмы и размахивали копьями. Это совсем не то же самое, что стрелять из АК в боевую машину пехоту.

Представляю, что сейчас чувствовали братья-моджахеды. Отрезать головы копам, полжизни потратившим на поедание пончиков, и воевать против регулярной армии — забавы как бы разные.

На всякий случай я перекрестился. Да, я атеист. Да, я уважаю Хозяев Зоны. Но мало ли, лишняя поддержка не помешает...

«Бережок» плелся на пятнадцати километрах в час, может, чуточку быстрее. Разумно. Его гусеницы пройдут где угодно, кроме крупных аномальных полей, а вот трем «ЗИЛам», что следовали за ним, любая рытвина на дороге — препятствие. Замыкал колонну оранжевый бронетранспортер научников — угловатое нечто, в контурах которого угадывался переделанный БТР-80.

Я потянулся за флягой, но усилием воли заставил себя не пить. Мне понадобится ничем не замутненная реакция. Радионуклиды из организма я выведу позже.

* * *

БМП «Бережок» — машина хорошая, проверенная в локальных конфликтах. А те аппараты, что поставлялись миротворцам Зоны, еще и оснащались новейшей системой химической, биологической и радиационной защиты — громоздким блоком со странным названием «Респект».

«Респект» спас много народу от излучения Зоны, но из-за его габаритов и веса машину-носитель пришлось модернизировать — установить более тонкую броню. Хотя, казалось бы, куда тоньше, ведь противоположная и противоосколочная.

В наших местах броневая защита миротворцам не шибко и нужна. Военных действий здесь не вели, конфликты между сталкерами и бандитами не в счет. И те, и другие проникали за Периметр нелегально и считались преступниками вне зависимости от рода деятельности и прошлых заслуг. Официально их вообще не было в Зоне.

Короче говоря, стоило только БМП наехать на мину — сразу гроыхнуло. Гусеницу перебило, она сползла с катков. Не завидую парням, что сидели внутри. «Бережок» сделал пару кругов на месте и заглушил движки. Колонна, следовавшая за ним, остановилась. Никто

не вышел из машин, никто не выскочил из десантного отделения. Именно в этот момент мы, каратели, не сговариваясь, начали долбить по каравану.

Нажимая на спуск, я хмыкнул: БТР научников похож на апельсин, который вырос бы в Зоне. Жалкое зрелище. Хорошо, что здесь не прижились цитрусовые.

В ответ на наш слаженный залп зашевелился народ в «Бережке». А ведь я надеялся, что при подрыве мины экипаж тоже зацепило. БМП начал обстрел высоты из пушки. Взрывы хлопали значительно ниже траншеи. У пушки угол подъема всего-то тридцать градусов, снаряды просто не долетали до нашей позиции. А значит, и спаренный с пушкой пулемет нам не угроза.

Но я рано радовался.

Сообразив, что боеприпасы тратятся без пользы, командир экипажа отдал приказ задействовать АГ-17.

Я прям вижу его, грязного, потного и злого. Он малость контужен после подрыва на mine. Все они там контуженные, все грязные и злые, я точно это знаю, сам бывал в подобной передрыге. Но воображение упорно рисует одного только командира. Он кричит что-то о долбанных павианах и парнях с нетрадиционной ориентацией. В ответ в наушниках его шлемофона раздается мат раненого механика, которому оторвало ногу. И ахает раз за разом автоматический гранатомет, ведь был приказ задействовать, вот вам.

Я не могу всего этого знать, но я точно в курсе, как и что внизу происходит. Эх, Зона, Зона, что ты с нами делаешь, а, проказница Зона?...

Грузовики один за другим пытались протиснуться между «Бережком» и кюветом. За рулем первого грузовика был опытный водитель, он сумел перегнать машину на другую сторону. Но следовавший за ним «ЗИЛ-4334» сшиб ограждение дороги и одним колесом повис над кюветом.

Целое мгновение мне кажется, что машина свалится вниз и перевернется на бок, но она лишь села на брюхо и окончательно перегородила узкую дорогу. В зазор между БМП и склоном холма не проехать. Там сможет протиснуться разве что мотоцикл или велосипед. Я представил себе карателей, путешествующих по Зоне на велосипедах, и нервно хихикнул.

Из первой и второй машин выскочили бойцы. Они протянули от одного «ЗИЛа» к другому стальной трос. Их задумка понятна: застрявшую машину надо вытащить, чтобы продолжить движение и уйти от засады.

Но такое развитие событий не входит в наши планы. Я высовываюсь из ячейки и стреляю, потом опять опускаю голову. Вокруг рвутся гранаты, выпущенные из АГ, установленного на боевой машине пехоты. Со свистом разлетаются по сторонам раскаленные осколки. В любой момент меня может накрыть сверху.

А ведь у караванщиков патовая ситуация, с удовлетворением понимаю я. Один грузовик и бэтэр научников могут оторваться от каравана и отойти назад. Точно так же зону боевых действий запросто покинет грузовик, который смог проехать мимо БМП. Но тогда две машины придется бросить, они обречены. В общем-то альтернативы нет: караван принимает бой.

ПТРК «Корнет» выпустил ракету — наконец-то Сван и Ворон дали о себе знать. Что ж, командир поступил вполне логично. Мы отвлекли на себя внимание парней внизу, они израсходовали на нас часть боекомплекта. Теперь, когда ДОТ рассекречен, по нему ударят с меньшей силой.

БМП представляла сейчас самую большую угрозу для нас, но Сван нацелил ракету почему-то в бэтэр научников. Возможно, майор хотел пресечь возможность к отступлению. Или же он знал что-то, чего не знали мы. В любом случае его задумка не увенчалась успехом — вспышка, хлопок, кумулятивная струя прожгла динамическую защиту, но сам оранжевый бронетранспортер не пострадал.

На «Бережке» сработала термодымовая аппаратура. Внизу за какие-то секунды все окутало клубами черного дыма. Мне пришлось стрелять наугад. Вскоре у меня закончились снаряженные магазины. Пригибаясь, я побежал по ходу сообщения к следующей ячейке, что

в соседнем фазе. Перезарядить автомат, высунуться и опустошить рожок в дым. Авось кого и зацепит. Опять перезарядить, высунуться... авось...

И вдруг мой взгляд — случайно! — выхватил в этом бардаке фигуру Душана. Я сразу понял, что черногорец окончательно рехнулся. Безоружный, он стоял на краю бруствера. Типа гордый одиночка в городской толпе. Вот только толпы здесь не было, а до ближайшего обитаемого города, который не стыдно назвать городом, десятки километров.

Я видел, как вокруг Душана рвались гранаты и свистели пули. Но он словно не замечал их. Смерть назначила ему свидание на изрытом траншеями холме, а заодно поманила и меня.

— Хрен тебе!!! — Заменяв магазин, я с перепугу высунулся слишком сильно, что-то ударило меня в плечо и развернуло на сто восемьдесят градусов.

Я едва устоял на ногах. А потом появилась боль. Меня зацепило осколком.

Душан сорвался с места и помчался вниз, в самую гущу боя. Безумец!

Даже сквозь клубы дыма я видел, как между «ЗИЛами» вибрирует трос. Застраивший грузовик вот-вот вытянут на асфальт. Этого никак нельзя было допустить. Пули, выпущенные Эмиром и мной, рикошетили от бронепанелей, закрывающих переднюю часть двигателя, дверь и лобовое стекло машины. Перед выездом экипаж озаботился дополнительными мерами безопасности: навесные блоки динамической защиты прикрывали колеса и заднюю часть движка. Но и это не спасло вояк.

Душан передвигался с нечеловеческой грацией. Казалось, только что стоял на краю бруствера, и вот он прыгнул метров на десять вперед — прям на зависть снайперу. На месте приземления остались глубокие следы. Ну не моджахед, а супергерой в маске из американского комикса. Откуда у него это? Неужели из-за укуса упыря? В людскую кровь попал какой-то особый фермент, какой-то жутчайший нейростимулятор?... Если б не прочие изменения, я сам бы не отказался спуститься в тот злополучный подвал. Но разве могут изменения в организме происходить с такой жуткой скоростью?

Да, я знаю: в Зоне может быть всё.

Склон мокрый после дождя. Тут такой угол наклона, что и по сухому сорваться немудрено, но Душан ни разу не поскользнулся. Оказавшись в зоне поражения пушки БМП, он тут же попал под огонь, грунт рядом с ним вспучился комьями глины и дерна. Протяжно зарокотал пулемет.

Грохнуло от боевого отделения УОС «Горчак» — это ушла вторая ракета. На сей раз Сван целился в «Бережок». Судя по времени, минувшему после первого залпа, он очень тщательно подготовился. Но целиться — еще не значит попасть. Ракета прошла слишком высоко и взорвалась в ивах, растущих у речушки, то есть минимум в пяти сотнях метров от дороги. Насколько майор отлично стрелял из снайперской винтовки, настолько же отвратительно ему давались залпы из ПТРК.

Все, Душан уже внизу. Быстро он.

На миг черногорец скрылся в клубах дыма, окутавших «Бережок». Если Сван хотел помочь моджахеду, то повторять прицельный залп не следовало, а то вдруг попал бы? А заодно и накрыл бы черногорца.

В следующий раз, когда я, заменив магазин, рискнул поднять голову над бруствером, черногорец еще был жив, здоров и действовал на благо общего дела.

Из дыма на Душана выскочили двое. Один в полевой форме пехотинца, второй в танкистском комбинезоне, шлемофон на голове. Парочку и нашего героя разделяли метров семь. Душан преодолел это расстояние за один прыжок. Он ударил танкиста кулаком в грудь. Тот взвился в воздух и шмякнулся на башенку бэтэра. В оптику, закрепленную на моем АК, я отлично видел, как ощерился черногорец. «Мазута» пролетел изрядно, ни один человек не способен на то, что сделал Душан.

Я похолодел. ПСО-1 — отличная штука, прям домашний кинотеатр, а не прицел. Но иногда лучше не видеть лишнего.

Рядом со мной разорвалась граната, выпущенная из АГ-17. Просто чудо, что на этот раз меня даже не зацепило. В ушах звенело. Обхватив голову руками, я упал на дно траншеи и тотчас позабыл о Душане.

От боевого отделения «Горчака» отошла третья, предпоследняя, ракета. И вот она-то как раз и попала в БМП, судя по взрыву и пламени, устремившемуся к небу. Да уж, баки машины были отнюдь не пусты. А ведь «коробочка» — это, считайте, сплошная емкость: без малого пятьсот литров залиты под задницы воинов-пассажиров и в двери десантного отделения.

Кстати, что-то не видно самих десантников. То ли они погибли при подрыве мины, то ли их вообще не было в БМП. Ну да ладно, не до того сейчас. Я пригнулся, в бруствер рядом с моим лицом ударила пуля, выбив комья грязи.

Водилы грузовиков, сообразив, что они остались без прикрытия «коробочки», заняли оборону, спрятавшись за бэтэром научников, и открыли огонь по нам из автоматов. Они уже не пытались вытащить застрявший грузовик, и правильно делали.

Я бы на их месте юркнул под броню оранжевого транспортера и валил бы отсюда побыстрее, пока Сван не использовал последнюю ракету. А ведь во вспомогательном каземате ДОТа, в шкафу, я видел еще два полных боекомплекта.

Словно прочитав мои мысли, майор поджег застрявший грузовик, и тут же загрохотал автоматический гранатомет «Горчака». А у меня закончились патроны. Распихав пустые магазины по карманам, я побежал к блиндажу.

И тут меня накрыло.

Нельзя к блиндажу. Вот нельзя, и все.

Я остановился, грудь моя тяжело вздымалась, мне не хватало воздуха. «Нельзя к блиндажу, — так и вертелось в голове. — Нельзя!».

Откуда-то слева возник Эмир. Он сбил меня с ног и гневно зарычал о том, что хрена я под пулями в полный рост, и так один уже добегался.

Я перебил его:

— В ДОТ. Скорее!!!

Что-то такое он увидел в моих глазах, что заставило его поверить мне сразу, беспрекословно. Ухал гранатомет, взламывая асфальт вниз, караванщики вяло отстреливались, а мы мчали к ДОТу что было духу.

Мы успели вовремя.

* * *

Вертолет завис над позицией, оборудованной для совместных учений. Мог ли в те времена кто-нибудь подумать, что спустя много лет здесь развернется настоящая битва не на жизнь, а на смерть?

Ка-50, он же «Черная акула», сбросил управляемый вакуумный фугас. Когда вертолет удалился на безопасное расстояние, фугас сработал. Тряхнуло так, что не дай боже. Я свалился с нар. Эмир побледнел. Сван крепче вцепился в стол. А Ворон лишь сильнее осклабился.

Как я уже сказал, мы успели вовремя. Пока я задраивал дверь, Эмир предупредил командира и сталкера, чтобы те покинули боевой каземат — на всякий случай. Я обожаю этих парней: когда надо, они умеют не задавать лишних вопросов.

Можно было спуститься на второй уровень и принять дополнительные меры предосторожности (интересно, какие?), и даже попытаться сбить вертолет из НСВТ, но мы поступили иначе. Мы просто принялись ждать. У нас было две фляги с «Хиросимой» на четверых. А много ли надо уставшим бродягам, чтобы захмелеть?

— А знаешь, что в нашей ситуации самое смешное, Край? — спросил меня Сван. Он поплыл от первого же глотка, лицо его покраснело, нос стал малиново-пунцовым, на глаза навернулись пьяные слезы, голос дрогнул.

Я опустил перископ и приготовился к тому, что вот-вот должно было случиться. Основательно пригубив перцовки, я ткнулся носом в рукав куртки. От нее все еще пахло кожей и машинным маслом, а не той мерзостью, по которой мы расхаживали двумя уровнями ниже, когда расстреливали гнездо кровососов.

Не дождавшись от меня проявления интереса, Сван продолжил:

— То, что за пару минут до того, как вы заявили, я отправил сообщение.

Я нахмурил лоб: сообщение?

— Подтвердил уничтожение каравана.

Услышав это, я открыл рот. Я хотел выругать командира за то, что он поспешил. Как говорят на моей исторической родине: «Нэ кажи гоп, поky нэ пэрэсочив». Плохая примета радоваться заранее, очень плохая.

— А следом на ПДА пришла сталкерская рассылка — стенограмма переговоров миротворцев, в которой говорилось, что в нашем квадрате обнаружено большое скопление боевиков незаконных бандформирований.

Похоже, всю нашу возню господа военные приняли за обычные криминальные разборки и решили одним махом прихлопнуть всех нарушителей Периметра. Однако быстро вертушку прислали, молодцы.

Сван еще хотел что-то сказать, но тут трянуло так, что я упал с нар.

Спустя двадцать минут, когда фляги опустели, я попытался поднять перископ, и у меня не получилось. Делать было нечего, майор скомандовал торжественный выход на поверхность планеты. Разве ж мы крысы какие, чтоб в подвалах отсиживаться?! Я прогулялся к пожарному щиту и снял лопату, выкрашенную в ярко-красный цвет. Хотелось бы, чтобы не пригодилась, но это вряд ли.

К моему удивлению, наружная дверь открылась без проблем, а зазоры между бетонными кольцами, из которых была набрана потерна, увеличились не настолько, чтобы коридор полностью завалило.

В общем, выбрались.

О том, что творилось на поверхности, скажу пару слов, хоть и не хочется. Вы видели когда-нибудь, что бывает после взрыва вакуумного фугаса? Если да, мои комментарии излишни. Если нет... считайте, вам повезло.

От позиции не осталось ровным счетом ничего. Ни одной траншеи. Почву слизало до меловых пластов. Причем в эпицентре взрыва образовался котлован в форме идеальной полусферы примерно в тридцать метров диаметром. Склон тоже ободрало основательно. От каравана остались, что называется, рожки да ножки: то тут, то там валялись искореженные куски металла. Тела обнаружить так и не удалось.

Когда я ковырял лопатой насыпь, где раньше располагался блиндаж, Ворон шутил, что мне захотелось продолжения банкета, ведь там наши припасы, там «Хиросима». Отчасти он прав. Но лишь отчасти. Я не собирался сдаваться. А чтобы выжить, мне нужны были патроны, пища и вода.

Работал я что-то около часа. Мне удалось выкопать один цинк с патронами, немного оружия и три мотоцикла. Два из них были непригодны к дальнейшей эксплуатации. Один — шутка судьбы: мой — оказался исправен и даже почти не поцарапан. Фляги с перцовкой и прочие необходимые вещи я не нашел. Воды тоже не было. Что ж, и на том спасибо. Все могло быть и хуже. Куда хуже.

Стоило лишь разок взглянуть на ДОТ, чтобы убедиться в том, что нам крупно повезло. Взрыв сорвал почти все настилы и погнул трубу перископа. Когда я говорю «почти все», я подразумеваю, что над нами остались лишь бетонные плиты потолка.

— Упокой, Господи, душу раба твоего Душана! — внезапно сказал Ворон, глядя на поломанные ивы.

Вот уж не знал, что сталкер — истовый христианин.

Мы спустились. Я сел прямо на асфальт, на котором совершенно не было пыли — все всосал в себя взрыв. Я принялся снаряжать пустые магазины патронами. Эмир сел рядом. Я мог бы сказать, что на нем не было лица, но это ложь. Лицо было. Но лицо это исказила гримаса боли. Я отвернулся. Патроны. Сначала патроны, а потом я подумаю о том, что дальше.

Щелк — это встал на место один блестящий от масла цилиндрок. Щелк. Щелк. Щелк. Не так все должно было произойти. Не так!

Я не сразу услышал шум двигателей. И неудивительно — после боя слух еще не восстановился.

— Все вниз! Бегом! — скомандовал майор.

Мы залегли в камыше, метров двести не добрав до поваленных ив у речушки. Из-за поворота показался оранжевый бэтээр, точная копия того бронетранспортера, мятый корпус которого затащило аж на середину склона. Бронетранспортер притормозил там, где еще недавно бушевал бой.

— Что за черт?! — оторвался Сван от прицела снайперской винтовки.

Я приник к наглазнику своего ПСО. Задние двери бэтэера распахнулись, наружу легко выпрыгнул научник в ярком комбинезоне. Голова его была спрятана под герметичным шлемом. Тоже верно. Зачем дышать отравленным воздухом Зоны? Но, похоже, научник считал иначе. Ему захотелось вздохнуть полной грудью, он снял с себя гермошлем.

Всего секунда с непокрытой головой. Лишь одна секунда, но я разглядел, что научник — девушка, светловолосая.

Она вновь нахлобучила свой головной убор и скрылась в бэтэере. Оранжевая машина резко сорвалась с места. Хорошо пошла, километров сорок в час. В Зоне так быстро мало кто ездит.

— Что за черт? — скопировал я манеру общения Кажана. — А я скажу, Сван. Вот это и есть наш караван. То, что надо было уничтожить. А «коробочка» и грузовики — так, подстава! Верно я думаю, а, Сван?

Я расхохотался и с минуту не мог успокоиться, а каратели смотрели на меня как на безумца. Даже Ворон, которому самому не помешала бы помощь психиатра.

А потом мы вышли к трассе. Сван достал из кармана ПДА, уронил на асфальт и ударил по прибору каблуком ботинка. Но крепкий пластик не так-то легко сломать. Хорошие детекторы — а у майора очень хороший ПДА, последний писк российских нанотехнологий — делают из прочных материалов. Отставник расвирипел, лицо его покрылось красными пятнами. И лишь выстрел из СВД помог ему справиться со стрессом — детектор разлетелся вдребезги и восстановлению не подлежал.

— Кто-то перехватывает наши сообщения, — пояснил Сван. — И отслеживает наше местоположение. Это больше нельзя допускать.

— А как же аномалии? — спросил Ворон. Уж ему-то не следовало беспокоиться об электронных штучках. Скрываясь, он много лет обходился без ПДА.

— К черту аномалии... — сквозь зубы процедил Сван. — Зато наши враги теперь уверены, что мы погибли.

— Ну и отлично, — вмешался в беседу я. — Если они уверены, что нас нет, то и наши наниматели того же мнения. Думаю, имеет смысл снять ошейники. ОСП ведь теперь ни к чему, верно? Трупы не могут выполнить задание. Разбежимся по домам, да и всё. А, командир?

Мне изрядно надоел ограничитель свободы. Чувство постоянного страха притупилось, теперь пластиковый обруч, начиненный взрывчаткой, просто натирал мне шею.

И вообще — какого черта?!

— Нет. — Сван одарил меня взглядом голодного кровососа. — Задание не выполнено. Караван не уничтожен. И вы, уроды, будете со мной до конца, пока не сдохнете здесь. Именно я решаю, кому еще можно пожить, а кому уже достаточно!

Я счел за благо отложить разговор об ошейниках на потом. Пусть командир отойдет от боя. А когда он остынет, я повторю попытку. И если он откажет мне опять, в третий раз я унижаться не стану...

Пора бы уже вытащить из плеча осколок и перевязать рану.

Глава 22. Надежное Плавсредство

За считанные дни в Зоне натовская форма сильно истрепалась, но Сван расхаживал перед нами с таким видом, будто на нем парадный мундир с аксельбантами и штаны с лампасами.

— Значит, так. Караван в составе одного бэтээра научных вот-вот переправится через приток Припяти. Вопросы есть? Нет вопросов. Слушай мою команду. Для преодоления водной преграды нам необходимо надежное плавсредство. — Лицо майора было каменным, будто он отдавал приказ не сброду, случайно оказавшемуся вместе, но элитному подразделению спецназа внешней разведки. — Край! Ворон!

— Тута, где ж нам быть... — Сталкеру не нравилась игра в дисциплину. Закоренелому анархисту претило любое подчинение. Попросите его, и он вам гору свернет. Если захочет. Но не надо кричать так, словно перед вами не человек, а собачонка, надрессированная подтаскивать к танкам взрывчатку.

— Выдвигаетесь к армейским складам за плавающей машиной. Ворон знает, где ее найти. Да, Ворон? Мы ее видели, когда за минами ходили. Берите ту, что с полными баками.

Ворон кивнул: видели, помню, чего ж не взять?

— На БАВ переправимся на другой берег речки. Где и нанесем противнику сокрушительный удар. Задача ясна?

Мы со сталкером кивнули.

— Выполнять.

Ворон решил порулить. А я, усевшись позади и вцепившись в него, обратил внимание на странную штучковину, опоясывающую его талию. И хоть Зона не терпит любопытных, отрывая им не только носы, как базарной Варваре, но и руки-ноги, я всё-таки спросил:

— Слышь, Ворон, а что это у тебя на поясе?

Любовно погладив шершавую чешуйчатую поверхность, Ворон ухмыльнулся, из-за чего лицо его покрылось рытвинами морщин, преобразившись до неузнаваемости. Лучше бы сталкеру вообще не улыбаться. В одно движение он снял с себя нечто упругое и гибкое. Что это? Хвост неизвестного мне мутанта? Судя по его длине, зверюга при жизни была солидных размеров.

— Хлыст. Им и зашибить можно, и за корягу зацепиться, если угодил в аномалию. Видишь, как с пояса снимаю быстро? Хорошая вещь, десятка артефактов не пожалел. Ну да оно того стоило, честно говорю.

Это уж точно, хорошая вещь. Но меня уже занимали другие дела. Надо взять с собой что-нибудь помощнее, чем штурмовая винтовка и автомат. Считайте, что на меня слегка накатило. Очень слегка, ничего конкретного. Я слез с мотоцикла и прогулялся к груде оружия, сваленной на куске брезента. Это все, что мне удалось откопать. Что взять, а? Я решил довериться интуиции. Закрыв глаза и ткнул наугад. Пальцы уперлись в цилиндрическую поверхность. Не открывая глаз, я уже знал, что именно выбрали для меня незримые Хозяева Зоны. Одноразовый гранатомет РПГ-18, он же «Муха». Гладкостенная телескопическая конструкция: две трубы — наружная из стеклоткани, пропитанной лаком, внутренняя — алюминиевый сплав. И реактивная граната массой почти в полтора килограмма, способная прошить броню толщиной в сто пятьдесят миллиметров. Интересно, на что намекают Хозяева? Мне придется столкнуться в рукопашной с танком?

Я взял «Муху» за ремень и повесил на плечо, перекинув через голову, чтобы тубус случайно не слетел с меня на ухабах.

— Разумно, — кивнул Ворон, когда я опять пристроился за ним. — В нашем деле лишнего оружия не бывает. Ну что, поехали?

Взревел мотоцикл.

* * *

Небо от края до края заволокло причудливыми тучами. Прямо скопление паров, а учебник по геометрии: треугольники, трапеции, овалы, эллипсоиды и параллельные прямые.

Это было бы забавно, если б на уровне врожденных инстинктов не вызывало отторжения. Зато я точно знал: из таких облаков не хлынут потоки кислоты.

По обеим сторонам дороги тянулись бетонные заборы, опутанные ржавой колючей проволокой.

— Вроде та дыра? — Ворон задумчиво жевал губу и хмурился.

— Она самая. Ты ж в нее лазил и не запомнил? — не поверил я.

— Думаешь, я сильно приглядывался? Их столько тут...

Дыр больших, маленьких и таких, что можно грузовик загнать, в складских заборах зияло предостаточно. Но я точно определил ту самую, в которую лазали за минами и патронами наши снабженцы. Вот и окурки, щедро разбросанные вокруг братьями-моджахедами. Обугленные до фильтров бычки размочило дождем, они превратились в бесформенные комочки.

— Пошли?

— Ты впереди, Ворон. Ты здесь бывал, тебе и вести.

Сталкер покачал головой и протиснулся в дыру. Я последовал за ним, стараясь ступать шаг в шаг. И стоило только, попасть на территорию склада, как у меня зачесалась спина и задергался глаз.

— Стоп! — крикнул я, замерев на месте.

— Чего орешь?! — шикнул на меня сталкер, но вторую ногу на асфальт не поставил, так и застыл восковой фигурой на полушаге.

Прищурившись, я огляделся и присвистнул.

— Не свисти, денег не будет, — сообщил мне Ворон старинную, но мудрую примету. — Заметил что? Опять предчувствие, как с вертолетом?

Верно, какие тут деньги? То, что мы собирались сделать, — мародерство, а не ограбление крупного банка.

— Заметил. Перед нами, друг мой Ворон, сразу три аномалии.

— Далеко? — недоверчиво спросил сталкер.

Похоже, он ничего такого не заметил. И как он продержался в Зоне столько лет?

— Полтора метра примерно. От тебя. — Мне самому слабо верилось в тройную смесь, но мой внутренний ПДА настойчиво жужжал, что так оно и есть.

— Близо. — Ворон поставил вторую ногу на асфальт так, чтобы не угодить подошвой в небольшую лужу. — Слишком близо. Я ничего не вижу. Как такое может быть? Три сразу — и ничего вообще?

Наверное, я должен был поспорить с ним, сказать, что в Зоне бывает все, даже то, чего не бывает в принципе, но... Как ни вглядывался перед собой, как ни напрягал глаза, я не мог различить ни единого признака опасности. Ни тебе свечения с молниями, ни пятен, ни дрожания воздуха — вообще ничего! И это было самым подозрительным.

Я достал из мешочка гайку и швырнул перед собой. Она упала, немного прокатилась и легла на бок. Я не заметил внешних воздействий. Никаких отклонений от нормы.

Позади нас на забор присела большущая ворона, черная, как ночь слепца. В Зоне эти птахи вырастают раза в полтора крупнее собратьев за Периметром и в десять раз наглее и агрессивней. Я не пожалел бы на падальщицу патрон, но не хотелось шуметь. Звук выстрела мог привлечь мутантов, а то и кого похуже — профессиональных мародеров, к примеру. Те, кто пасется на армейских складах, считают визиты сюда прочих бродяг оскорбительными. А за оскорбления в Зоне принято платить. И не деньгами, а кровью. Лучше бы, конечно, чужой, но тут уж как получится...

Я швырнул еще одну гайку. Та покатила и замерла четко там, где и должна была. Законы физики на складском дворе работали неукоснительно, что вовсе не типично для Зоны.

— Слушай, это точно та самая дыра? — Ворон с сомнением посмотрел на третью брошенную мной гайку и полез за своими болтами, намекая, что уж его-то метизы не подведут.

— Точно! — рассердился я. — Ты мне лучше вот что скажи: может, в прошлый раз здесь были аномалии, а вы их просто не заметили? Повезло, да?

— Ничего здесь не было, чистое место, — качнул головой Ворон швырнул свой болт.

Сквозь тучи прорвался одинокий луч солнца, шестигранная головка сверкнула отличным цинковым покрытием. До этого момента ворона на заборе сидела смирно, но болт показался птахе достойным того, чтобы расправить крылья и спикировать за ним.

И только птица оказалась в зоне действия аномалии, как ее буквально оципало — перья выдрало и расшвыряло в стороны. Голую тушку разорвало на части: крылья, лапки, филе. Так фасовщики разделяют кур в супермаркетах. А потом и части измельчило в мясную муку, которую по спирали потащило вниз. Самое странное, что к пятому кругу уже ничего не осталось. Была ворона, и нет ее. Говорите, а как же закон сохранения массы? Вот именно. Но я же видел собственными глазами!...

— Это что-то новенькое, — присвистнул Ворон. И добавил, немного подумав: — Слышь, Край, чувю, знак это мне. У меня прозвище, как у птахи. Не надо мне соваться на склад. Слышь, мне там кирдык.

Я не пожалел для аномалии еще одной гайки — и ничего. На металл нет реакции? Я поднял с асфальта обломок кирпича, швырнул — тот же эффект, то есть полное отсутствие эффектов. А может, новый вид «карусели» воспринимает только органику? Или только живую материю? Да еще и крылатую? Или...

— Хватит опыты ставить, — прервал меня Ворон. — Ты ж не научник, Край, ты бандит. Тебе что, в Гарвард захотелось? Будешь там преподавать курс молодого бойца или основы выживания в Зоне?

— Заткнись, — устало оборвал я сталкера. — Твоим языком перец бы молоть. А насчет чутья... Наоборот, Хозяева вместо тебя птицу взяли. Так что жить тебе, Ворон, до седин и маразма.

Зудела нога, болело плечо и жутко хотелось пить. Но мне удалось успокоить сталкера. И это хорошо. Одному соваться в пекло до рези в желудке не хотелось. Макс Край — существо коллективное. Мне нужна компания или хотя бы пара отмычек, которых не жалко послать вперед.

Итак, план такой: обойти аномалии, попасть на склад и отыскать там БАВ — большой плавающий автомобиль, он же «изделие 485». Этот стальной монстр способен за раз перевезти двадцать восемь солдат в полном снаряжении, оружие калибром 122 мм и армейский грузовик. БАВы сняли с вооружения в конце шестидесятых прошлого века. Часть отдали в рыбколхозы и геологам, остальные законсервировали на всякий случай, авось пригодятся. Как для нас прям старались.

Мы осторожно обошли модернизированную «карусель» и выдвинулись к складу.

На нашем пути встали высокие металлические ворота. Открыть их вручную не представлялось возможным. Придется искать пожарные выходы или еще какие дыры, чтобы проникнуть внутрь.

— погоди, Край, — без слов понял мои намерения сталкер. — Сейчас мы решим эту проблему.

Он подошел к бетонному столбу, подпирающему навес над входом, и, откинув крышку электрощита, клацнул белым тумблером, потом что-то нажал. В результате его магических пассов створки ворот с протяжным скрипом поползли в стороны.

Я шагнул вслед за Вороном, резонно прикинув, что лучше двигаться по проторенной тропе, чем ступать на авось. Из глубин полутемного помещения в лицо мне дохнуло теплым и затхлым, будто включили громадный кондиционер. А в следующий момент сработал инстинкт самосохранения. Спасибо Хозяевам, мои рефлексы до сих пор острее бритвенного лезвия.

Одновременно с Вороном я резко присел и опрокинулся на спину. Над нами пролетел клоч «ржавых волос». И еще один. И еще. И штук пять сразу следом... Их было не просто много, но очень много. У самого моего носа, извиваясь, словно змея, неспешно парила длинная прядь грязно-рыжего цвета. Чуть выше застыл на месте черный ком, похожий на

медузу, безжизненно опустившую щупальца. Прошла минута, две, а «ржавые волосы» все вылетали из склада и вылетали. Их там что, производят, что ли?

— Живой? — едва слышно прошептал сталкер, чтобы громким звуком не привлечь к себе «ржавчину». — Не бойсь, Край, скоро дальше потопаем.

Всем известно, что «волосы» реагируют на звук. Возможно, этим и объясняется примета о том, что Зона не терпит крикунов.

Спустя минуту массовый вылет «ржавых волос» закончился, и мы поднялись, для виду отряхнув куртки. У самого входа на склад притаился крохотный «трамплин», который дернул мою стопу вверх. От неожиданности я отскочил в сторону и едва не растянулся, угодив в лужу машинного масла. Мне повезло, я отделался легким испугом.

— Под ноги смотри, — пробурчал Ворон.

А я вдруг разозлился. Кого он из себя корчит, а?! Наставника молодых?! Пусть сам сначала жить научится. Нашел, блин, свободные уши!...

— Да ладно тебе, ишь, цаца, слова ему не скажи. — Сталкер со значением сверкнул глазами. — Вон туда идем, в тот ряд.

Представьте огромное, помещение, в котором запросто разойдутся два стратосферных «Туполева» и еще останется местечко для авианосца «Адмирал флота Советского Союза Кузнецов». Только кораблик надо подвинуть к стене, чтобы под крыльями не путался.

Так вот, армейский склад, в который мы попали, был в разы больше того помещения, что вы представили. Между рядами стеллажей, по высоте сравнимыми с девятиэтажными домами, тянулись ленты железнодорожных веток. Вертикальные подъемники в свое время здесь сновали очень активно — несмотря на многолетний грабеж, горизонталы ломались от контейнеров, паллет и ящиков.

Наши счетчики Гейгера пищали так, что мы, не сговариваясь, вырубали их. В курсе, что не в Майами по пляжу гуляем. Так зачем лишний раз портить себе настроение? Я опять пожалел, что в каморке бабы Нади не оказалось ни одного противогАЗа, чтоб старой перечнице вертеться в гриле вечно.

Прекрасно понимая, что рискуем нарваться на аномалию, мы побежали. Судя по всему, смертельных ловушек здесь великое множество, но попадем ли мы хоть в одну — еще вопрос, зато схватить дозу облучения, несовместимую с жизнью, у нас есть стопроцентная гарантия.

— Надеюсь, наверх лезть не надо? — на бегу спросил я.

— Надейся, — буркнул в ответ Ворон.

Зря он так. Я к нему со всей душой, а он... Изгнание ничему не научило сталкера. Даже если Ворон и пальцем не тронул тех «долговцев», все равно он заслужил свою участь. Есть такая примета: не надо людям хамить.

— Поворачивай! — коротко скомандовал Ворон, и я тут же юркнул за ним в аппендикс между контейнерами. В таких перевозят грузы по морю.

Сюда едва-едва проникал свет из коридора. Сам же коридор освещался громадными прожекторами, подвешенными у потолка. Я столько лет в Зоне, а все никак не могу привыкнуть к тому, что здесь нет проблем с электричеством, а лампочки вообще не перегорают.

— Неужто, — обернулся ко мне сталкер, — ты впервые здесь?

— Как-то раньше не доводилось. Не мой профиль — чужое брать.

— Да ладно тебе. Ты ж бандит. Считай, вор. Разницы-то никакой. Небось не зря в каталажку попал. У нас зря людей по тюрьмам не сажают.

Ворон однозначно нарывался. Как говорят образованные люди, он провоцировал конфликт. Причем делал это топорно. Но я не собирался отвечать на его оскорбления. Пока что. Избавлюсь от ошейника и разрулю пару срочных тем, вот тогда и обсудим наши разногласия.

— Ага, — ответил я. — Не зря, да. Вор я. Урка блатной. БАВ здесь?

— А где ж ему быть? — Ворон протиснулся в узкую щель между двумя контейнерами.

Я сунулся за сталкером и... застрял! А ведь я вовсе не толстяк. Мне казалось, что Ворон крупнее меня. Сразу вспомнился старый мульт о медвежонке, который слишком много ел, а потом не смог выбраться из кроличьей норы. Чем закончилась эта история? Не знаю, не досмотрел анимашку, но вряд ли хэппи-эндом.

Я похолодел. От радиации свербело чуть ниже спины и пересохло во рту, а я воткнулся так, что ни вправо, ни влево, ни вперед, ни назад — как последний плюшевый медведь. Это никуда не годится! Запаниковав, я дернулся изо всех сил, и еще, и еще... И ничего, ни на миллиметр не приблизился к напарнику!

Злорадно улыбаясь, Ворон наблюдал за моими потугами.

— Что, Край, проблемы? — Лицо сталкера превратилось в ту же злобную маску, что я видел, когда мы охотились на самку кровососа.

— Никаких! — фальшиво улыбнулся я. — Все отлично, просто отдохнуть решил!

— Привал, значит? — осклабился сталкер, замышляя что-то недоброе. Иначе зачем ему понадобился нож, который он сжимал в руке? Сальца порезать к завтраку? Или хлебушка, которого у нас не было?

— Точно, — не моргнув, сказал я. — Привал.

Надеюсь, голос мой прозвучал достаточно убедительно, чтобы псих оставил меня в покое хотя бы на пять минут. Мне нужно время, я должен выкарабкаться!

Но — увы. Ворон шагнул ко мне. Глаза прищурены, так смотрят на цель за миг до выстрела или удара. «Ах ты сволочь!» — вот что я хотел выкрикнуть ему в лицо, но из глотки раздался только невнятный клекот.

— А ведь тебе страшно?... — удивился сталкер.

И тут же в неярком свете блеснула сталь.

* * *

Я приготовился к жгучей боли, а вместо этого получил свободу.

Треснула вспоротая лезвием кожа. Сильные руки схватили меня и вытянули из ловушки. Сталкер, словно опасаясь, чтобы его не заподозрили в особых наклонностях, тут же отпустил мое обмякшее тело. Я упал на колени. Голова кружилась. После сильнейшего выброса адреналина начался отходняк. Меня било мелкой дрожью. Сейчас я вряд ли поднес бы ложку ко рту, не расплескав содержимого. Да я просто не смог бы ее взять!

На все сто я был уверен, что Ворон зарежет меня, как свинью. Я убиваю, меня убивают — такова жизнь. Но все оказалось иначе.

— Вляпался, как плотва в сеть! — хохотнул Ворон и по-дружески ударил меня в плечо, в то самое, куда угодил осколок. — Ну чисто как плотва! Карась, блин! В Припяти знаешь какие караси водятся? Зубастые! Не поймешь — то ли щука, то ли карась! Я ловил, я знаю!

— А плотва какая в Припяти? — Я с удивлением обнаружил, что тубус гранатомета все еще со мной, хотя автомат сорвался, когда Ворон протаскивал меня через щель.

— Лучше не спрашивай! Барракуды, а не плотва, что ты!

Своим ножом он испортил мне куртку. Да я не в обиде. Хорошо, что хорошо кончается. Но, как выяснилось, я поспешил с выводами...

В закутке, со всех сторон ограниченном морскими контейнерами, стоял БАВ, накрытый брезентом. Сталкер и я минут за пять справились с тяжелой «накидкой». Машина выглядела абсолютно новой, как только что с конвейера.

— Эх, поплаваем! — подмигнул мне Ворон.

Он стоял спиной к БАВ и поэтому развернулся лишь спустя мгновение после того, как заметил опасность. Откуда-то сверху на плавающий автомобиль упало нечто большое. Это нечто прорвало тент и погнуло дуги над транспортным отделением... Я отчетливо услышал, как хрустнули съемные листы палубы — многослойная фанера не выдержала веса псевдогиганта.

Если кто не понял, к нам пожаловал именно псевдогигант.

Этого монстра по праву считают медлительным и тупым. Но как гласит народная сталкерская мудрость, при его габаритах это не его проблемы. Вы можете попытаться убежать от псевдогиганта — он не чемпион мира по спринту, но что касается длинных дистанций, эта уродливая тварь даст фору любому существу в Зоне.

Разворачиваясь, Ворон сорвал с плеча М-16 и открыл огонь, еще не видя, в кого стреляет. Но вот ведь гадство — о неуязвимости псевдогигантов рассказывают байки. В большинстве своем это несмешные истории с печальным концом. Лишь однажды я слышал отличный анекдот в тему — о сталкере Петрове. Это было после того, как Пригоршня вытащил меня из крайне глубокого тыла. Помнится, я выставил спасителю выпивку в одном уютном заведении с ласковыми девушками. Жаль только, я запомнил саму шутку. В тот вечер я не только выводил радионуклиды из организма, но и снимал стресс.

Ворон только зря израсходовал магазин — пули увязли в плоти мутанта. Эффект от этого был примерно такой, как если бы вы кулаком надумали сломать бетонный столб. Лупите со всей дури, раздробите себе костяшки, но вряд ли это хоть как-то повредит столбу. И всё-таки лучше стрелять, чем задрать лапки кверху.

Пока сталкер перезаряжал штурмовую винтовку, псевдогигант надумал выбраться из плавающей машины. Два с половиной метра уродливого безобразия, которое на фото выглядит как ошипанный цыпленок-бройлер, перевалялись через борт.

Некоторых обманывает голова псевдогиганта, отдаленно похожая на людскую. Мол, это ж человек, просто с ним что-то случилось, он заболел. Гуманисты недолго остаются при своих убеждениях. Зона или тут же расправляется с ними, или заставляет изменить взгляды на жизнь.

— Твою мечту налево! — выругался сталкер и кинулся прочь от мутанта.

Я последовал за напарником. Налево так налево.

Наше положение можно было бы назвать забавным, если б все это происходило не с нами. Представьте себе небольшую площадку горизонтальной поверхности, со всех сторон окруженную металлическими контейнерами. В центре этой площадки стоит БАВ, та еще дура. А вокруг плавающей машины, спасаясь от псевдогиганта, бегаем мы. Представили? В общем, обхохочешься, вспоминая под стаканчик перцовки в баре.

— Аккуратней! — Ворон на бегу выдернул чеку и швырнул ребристую болванку под лапы монстру.

Вспышка, клубы черной копоти и громоподобный грохот? Ничего подобного, подрыв Ф-1 сопровождался отрывистым хлопком и жидким облачком серого дыма. Не на что смотреть, никакой пиротехники. И упала граната в скопление живой силы противника, врагов не расшвыряет ударной волной на десятки метров. Простите, не Голливуд.

Вот и псевдогиганту граната не причинила вреда. Черт. А ведь я уж было понадеялся. Мутант отреагировал на «лимонку» тем, что выпрямился во весь рост и остановился на пару секунд, словно его оглушило или он крепко задумался. Передние лапы его при этом резко били по воздуху, будто отталкивая невидимую опасность.

Мой автомат лежал в щели между контейнерами. Дайте мне миллион евро, я все равно не полез в ту щель. А вот Ворон запросто мог бы, подумал я. Так почему он медлит?...

Пока псевдогигант замешкался, притормозили и мы. Если придется и дальше бегать от мутанта, надо беречь силы. Хотя это и не выход из ситуации.

Выпученные глаза псевдогиганта вращались. Он раскрыл свою широкую пасть и заревел, словно буйвол, на которого напали львы. Вот только не мы напали на него, а он — на нас.

Извините, но чудовище не обладало специфическим запахом, как принято выражаться на форумах, посвященных Зоне. Ну уж нет. Давайте называть вещи своими именами. От псевдогиганта воняло. Мутант смердел. Хотите представить себе как? А без проблем. Вывалите на пол центнер живых карпов, добавьте бочку квашеной капусты и кастрюлю прокисшего борща. Остальные ингредиенты по вкусу. Главное, чтоб микс настоялся в непроветриваемом и хорошо отапливаемом помещении хотя бы три-четыре дня. Всё, вдыхайте аромат настоящего псевдогиганта.

Гнезда кровососов благоухают примерно так же.

— Ну и долго ты еще? — зашипел на меня Ворон.

— Что долго? — не понял я сути наезда.

— «Муха»! — Сталкер выразился более чем определенно, но лишь через секунду я сообразил, что речь идет о гранатомете у меня за спиной.

Толстые ноги монстра пришли в движение, мускулы вздулись, четче обозначились тросы вен. Мы продолжаем нашу утреннюю пробежку? Ну уж нет, надоело!

Открыть заднюю крышку, вытащить выдвижную трубу. Открыть переднюю защитную крышку. Ввести ударный механизм — повернуть предохранительную стойку вниз до упора и отпустить ее. Из боевого в походное положение «Муху» не вернуть. Теперь придется стрелять, хочешь ты этого, товарищ Край, или нет.

Только не спрашивайте меня, хотел ли я. Я просто пытался выжить. А для того чтобы выжить, надо нейтрализовать угрозу. Проще говоря, убить мутанта.

А «Муха» у нас одна. И если что не так — пиши пропало. И потому я, сосредоточившись на гранатомете, не заметил «птичью карусель». Надо быть слепым на оба глаза, абсолютно глухим и полным идиотом, чтоб ее не заметить! «Карусель» закружила такой смерч, что куда там торнадо в Техасе. Но я таки умудрился угодить в аномалию.

И откуда она взялась?! Вокруг БАВа мы успели сделать три круга — и ничего. А тут на тебе!

Но факт остается фактом. Только моя нога оказалась в зоне действия аномалии, как меня резко дернуло вверх. Секунду-другую я, ошалевший от силы «карусели», сопротивлялся. Даже не знаю, как у меня это получалось. А потом меня подняло над бетонным полом.

Во время первого витка смертельной спирали мои карманы топорщились, по штанам будто шлепали чьи-то ладони. Я готов поклясться на Библии — я же атеист, — что аномалия меня изучала. Что называется «пробовала на зуб». А вот на второй виток спирали я зайти не успел. Укушенную ногу обожгло болью. Что-то вцепилось мне в лодыжку. Или кто-то.

Псевдогигант ревел и неумолимо надвигался. Я висел в воздухе с гранатометом в руке и прощался с жизнью, собираясь посмотреть слайды из наиболее приятных моментов прошлого. Ворон внизу что-то кричал. Псевдогигант протягивал к нему передние лапы-обрубки...

«Производство выстрела осуществляется нажатием на спусковой рычаг шептала», — вспомнил я и тут же выстрелил. Ничего личного, просто доброе дело напоследок. Типа не поминайте лихом, дорогие товарищи!

Щелкнули перья хвостового стабилизатора гранаты, пыхнула реактивная струя. Отдачей меня отбросило в сторону, я ударился раненым плечом в контейнер. Жаль, но «карусель» не отпустила меня.

Я стрелял из сложного положения, и я попал! В груди мутанта зияла сквозная дыра размером с голову взрослого мужчины. Да уж, калиберная кумулятивная граната — это вам не Ф-1, это игрушка поинтересней.

На миг мне показалось, что псевдогиганту даже такая рана нипочем, что он шагнет к Ворону и разорвет его в клочья. Но случилось иначе. Мутант действительно шагнул к Ворону, а затем рухнул своим человеческим лицом вперед. Из отверстия в спине вился дымок. О, это ощущение полёта! «Карусель» играла мной, не спеша разделаться. Как кошка с мышкой. Но ведь я не мышка!

Меня вдруг резко потащило в сторону, и по плавной параболе я выскочил из аномалии в трех метрах от бетонного пола. Назвать мое приземление приятным — значит, нагло соврать. Я не мышка, но я и не кошка, чтобы вставать на четыре лапы из любого положения. Раненой ноге достался дополнительный бонус — хороший синяк и ушиб.

— Чего ругаешься? — прервал поток моего сквернословия сталкер. — А сказать спасибо слабо? И верни мой хлыст!

Только теперь я заметил, что лодыжка моя перетянута тем самым хвостом мутанта, который Ворон таскал на поясе. Значит, старый бродяга поймал меня, словно плотву, но не в сеть, а на удочку. Ворон вытащил меня из «карусели», не дав ей раскрутить мое тело.

Сталкер дважды спас мне жизнь. И теперь я у него в долгу.

* * *

Ста двенадцати лошадей, заточенных в движке, хватило, чтобы вытолкнуть в коридор контейнер. А пусть не стоит у нас на пути!

Этот контейнер давно разграбили мародеры. Но даже облегченный железный ящик сдвинуть с места не смог бы и тяжелоатлет. Да что там дутые качки — такие молодцы, как я и Ворон, оказались бы бессильны, попытайся мы проделать подобный трюк. Но у нас есть БАВ, так зачем же надрывать пупки?

Из склада выбрались без проблем. Оба топливных бака, по двести сорок литров каждый, оказались заполненными под завязку. Учитывая, сколько эта махина жрет, запас бензина не казался таким уж значительным.

По мелким «трамплинам» и «воронкам» водоплавающий агрегат шел как по проспекту Косиора в погожий день. Если бы Кажан расщедрился на бэтэр, мы бы за день нагнали караван. Все мучения карателей из-за того, что взрослые дяди в погонах — сплошь лживые сволочи. Они делают вид, что не понимают, кто против кого строит козни. Иногда мне кажется, что они так шутят. Иногда — что поступают всерьез.

Ничего, скоро я подкину им пару новых анекдотов. Обхохочутся.

— Меткий выстрел, — похвалил меня Ворон, когда мы, погрузив мотоцикл в транспортное отделение, завели машину и двинули на поиски ворот или достаточно большой дыры, чтобы выехать на шоссе.

— Ага, — кивнул я. — Умею, когда хочу.

Вроде и радоваться надо, что выбрались из передраги, что живы остались и не ранены даже, но... Словно сплетение гремучих змей, во мне шевелились сомнения, которые в дешевых романах называют смутными.

— Почему вы так далеко от входа забрались? Ты и Сван? Вы ж за патронами ходили. И за минами. Как вы БАВ нашли?

— Что?... — Ворон сделал вид, что не понял вопроса.

Мол, громыхает колымага, дорога-то под колесами — полное гэ. Так что ничего не вижу, ничего не слышу. И вообще, болтун — находка для шпиона. Да и не время, товарищ Край, разводить дразги и выяснять, что и куда. Ты не следователь, Максимка, ты — бандит. Вот и не майся дурью.

Ну и не маюсь... Я достал из индивидуальной аптечки радиозащитное средство №1, пенал малинового цвета. С трудом, но мне удалось протолкнуть в пищевод шесть таблеток цистамина. А вот этаперазин проглотить я не смог, пришлось выплюнуть.

Дожил! Чем приходится лечиться...

Глава 23. Там, Вдали За Рекой

Переpravляясь через приток Припяти, мы едва не утонули, наткнувшись на корягу и получив пробоину в борту. Только мощный насос, откачивающий воду, спас карателей от приветливых глубин и рыб-мутантов.

— Балласт за борт! — скомандовал Сван, и мой мотоцикл лег на дно. Это наша плата за проезд.

На берегу выяснилось, что лопнуло еще и колесо. Запаски не было. Дальше двинули пешком. Без детекторов аномалий. Без пищи и воды. Хорошо хоть есть патроны, но только это и хорошо.

И еще то, что Ворон оказался отличным следопытом. Он быстро выяснил, что за рекой обоз повернул на северо-восток. Видимо, научники хотели пройти мимо Радара через Рыжий лес. Оттуда до Припяти будет уже всего ничего.

Если они успеют, значит, все было напрасно. Мозоли от ошейников, смерть Душана и тех парней, которых отправили под наши пули, — все это зря. И потому, наплевав на риск и страх, мы гуськом бежали по Рыжему лесу. Следы протекторов бэтэра отлично пропечатались на песчаной почве.

Нам повезло, дорога в лесу только что и называлась дорогой: узкая колея петляла между темно-рыжими соснами, которые казались металлическими, окисленными, и проваливалась в странные ямы, непонятно кем вырытые то тут, то там. Ворон еще пошутил, что это кроты расстарались. Не хотел бы я встретиться с этими мутантами. Крот размером с африканского слона?... Надеюсь, сталкер шутит. И конечно же, по такой дороге бэтэр не мог гнать как по асфальту. Скорость научников резко упала. А значит, у нас появился хоть какой-то шанс. Ребятки, не надо спешить, мы хотим вас догнать и уничтожить.

— У меня от этого места... — начал Сван и не закончил — берег дыхание.

На разговоры уже не хватало сил. Люто хотелось жрать, язык во рту распух. Как-никак почти сутки без воды.

А пейзаж вокруг простирался весьма примечательный. Деревья выглядели так, будто они пролежали под землей лет тридцать, а потом их вырыли и заново вкопали корнями в почву. Прям деревянные зомби.

В далеком 1987-м, после первой аварии на ЧАЭС, умные люди приняли решение лес захоронить. А чего? На метр под грунт, и считай не было шишек-иголок. Всех проблем: пригнать полсотни путепрокладчиков БАТ-М и столько же инженерных машин разграждения ИМР-2, которые разрабатывались для устройства дорог на зараженных территориях во время ядерной войны. То есть мы, хорошие, бахаем мирным атомом по городам и весям плохих парней, а потом по руинам двигают ИМР-2, расчищая и трамбуя радиоактивный грунт. Зачем? А чтоб верной дорогой вслед за ними двигались колонны бронетехники освободителей-коммунистов.

Ядерная война с буржуинами отменилась вследствие полного и безоговорочного развала СССР. Но путепрокладчики и инженерные машины успели побывать в Зоне.

Схватить дозу внешнего гамма-излучения в десять тысяч рад — это вам не в карман чихнуть. Даже спустя много лет сосновый лес так и остался рыжим. Новые деревья выросли взамен прежним, вывернутым с корнем, но цвет хвои не изменился. Разве что иголки стали длиннее и острее и приобрели твердость стали. Ветви так и норовили нанизать зазевавшегося бродягу. Ну, это и понятно: любое зверье очень даже годится в качестве удобрения. А чем хомо сапиенс в этом смысле хуже припять-кабана или кровососа, который кинулся на нас из-за корней, нависающих над тропой, точно мангровые заросли над водой?

Кровосос оказался весьма расторопным. С невидимостью у него были проблемы, зато цветом наружных покровов он идеально соответствовал лесу. К тому же все тело мутанта покрывали встопорщенные иглы, которые он активно использовал при нападении. Чую, без ежей в генокоде местных «сосунков» не обошлось. Или они нашли возможность скрещиваться с радиоактивными соснами? Вряд ли это возможно, но всё-таки...

Перед тем как наброситься, кровосос развернулся к нам тылом, присел, обхватив передними лапами колени, и резко встал в полный рост. При этом десятка два игл сорвались с его спины и устремились к нам. Чудо, что никого не зацепило. Видать, Хозяевам Зоны еще нужны каратели.

От усталости меня качало. Как в замедленной съемке я поднял автомат, когда кровосос был всего в десятке метров от меня. Перед тем как нажать на спуск, я поймал взгляд плотоядной твари.

Вы смотрели когда-нибудь в глаза кровососу? Нет? Вот и не надо. Мутант обладает способностью к гипнозу, он мгновенно овладевает жертвой, не давая ей пошевелиться и лишая возможности бежать.

Вот только я слишком устал для того, чтобы бегать. Последние пару километров мы просто брели, все больше отдаваясь чувству безнадеги — расстояние между нами и оранжевым бэтээром увеличивалось с каждой минутой.

Да, мутант заблокировал мои ноги с помощью гипноза, но мне это вовсе не помешало расстрелять в него полный рожок. А когда кровосос на ходу принялся разворачиваться, чтобы вновь накрыть нас игольным залпом, я воткнул в его мозг с десяток пуль. Обожаю, когда кровососы показывают мне свой профиль.

Мы просто перешагнули через труп и двинули дальше.

А когда на тропу перед нами вышли двое бродяг, один из них поднял руку в мирном приветствии, у меня буквально выделилась слюна. Поэтому я ничуть не осуждаю Ворона, который тут же вскинул М-16 и нажал, на спуск. Всё-таки Ворон самый опытный из нас. Теперь я понимаю, как он сумел выжить в Зоне один.

— Зачем? — спросил Сван, глядя на сталкера с неодобрением.

Глупый вопрос. Глупый до неприличия.

— Затем, — ответил Ворон, осматривая вещмешок убитых.

Итак, наши трофеи: аж четыре банки тушенки, на резанный батон в вакуумной упаковке, парочка плавленых сырков, литр спирта в пластиковой бутылке, три консервы — килька в томате, сардина в масле и банка красной икры. А также нож, спички, батарейки для фонарей...

Главное, Ворон снял с трупов два пятилитровых бурдюка с водой. И обе емкости почти что полные! Видать бродяги очень недавно отправились в свое последнее путешествие.

Что ж, сталкеры частенько именно так и пополняют свои запасы. Пуля в сердце, в голову, еще куда-нибудь — самая конвертируемая валюта Зоны, платежное средство, от которого нельзя зарекаться.

Сталкеры презируют мародеров. Типа мы гордые, а они падальщики. Но извините, а чем сейчас занимался Ворон, а? Я не знаю ни одного сталкера (из опытных), которому ни разу не доводилось совершать нечто подобное.

— Почти вышли, — сказал Ворон, разглядывая карту Рыжего леса, найденную в кармане одного из мертвецов. Карта была запаяна в полиэтилен, что позволяло уберечь ее от влаги.

Вообще, куда удобней пользоваться отсканированными картами, залитыми в ПДА, но на трупах ни одного ПДА не обнаружилось. Совсем, что ли, салажата? Денег не хватило на самое необходимое, зато свежего хлеба с собой взяли, идиоты... Если Ворон и испытывал вину за убийство двух сопляков, то совершенно напрасно — эти двое все равно далеко не ушли бы. И патронов у них было всего два рожка. Самоубийцы, ёлы.

— Почти вышли? — Позабыв об офицерской чести, Сван первым испил из бурдюка, затем передал мне, а уж я попотчевал Эмира.

Потом Ворон отхлебнул — считайте, одного бурдюка с водой у нас уже нет.

— С километр еще, потом лес заканчивается. Там, если верить карте, ферма заброшенная. Все ж лучше, чем здесь ночевать.

Сван стащил с трупа черную вязаную шапку. А что, вполне достойная замена потерянной конфедератке. Больше пожить было нечем: свитера и кожаные куртки нас не заинтересовали — у самих такое же обмундирование.

Для поднятия боевого духа майор велел порезать плавленые сырки пополам и выдать личному составу. Пятьдесят граммов слизкой белесой массы на лицо — вроде и немного, но всё-таки пища.

— А праздничный ужин организуем на ферме. За мной, смертники! Не отставать!

* * *

Заночевали в старом коровнике.

Я думал, здесь будет пахнуть навозом, но оказалось, нет, все ароматы давно выветрились. Чтобы занять помещение, нам пришлось согнать с места псевдоплоть, которая

здесь обосновалась. Пугливая тварь суетливо удалилась через пролом в стене, резонно решив, что против четверых вооруженных бродяг ей не устоять. Она зачем-то поковыляла к опушке леса, где и нашла свою смерть — на нее напала стая слепых собак.

На ужин ели тушенку, разогретую прямо в банках на костре. Закусывали хлебом. Выпили по сто граммов спирта. На душе стало светлей, и мир вокруг показался всего лишь глупой пародией на фильм ужасов. Как же мало надо человеку для душевного спокойствия: комок говяжьих жил и наркомовская доза алкоголя.

Первым дежурил Ворон. Я в очереди был последним, поэтому не стал терять ни минуты, лег сразу после ужина и тотчас заснул.

Разбудил меня сдавленный хрип. Даже мертвецки уставший и осоловевший от спирта, я не могу расслабиться так, чтобы вообще отрешиться от всего вокруг.

— Что за?!... — только и смог сказать я, увидев Ворона в слабом свете догорающего костра. Сталкер зловеще навис над Сваном.

Сна как не бывало. Вскочив, я кинулся к бродяге, который прижал майора к земляному полу и водил лезвием ножа по шее жертвы. На лезвии блестела кровь. Сердце мое екнуло: неужто Ворон перерезал отставнику горло?!

— Говори, сука... говори!... — шептал сталкер. — Как отключить ошейник?! А?! Говори!...

Выпученные глаза Ворона сверкали, по подбородку текла слюна.

Я с ужасом понял, что сталкер себя не контролирует. Всё, сорвало резьбу. Безумие копилось в нем годами, и вот...

Ну почему именно сейчас, а?! Этот маньяк способен убить майора, так и не получив от него ответ на вопрос, который интересует всех карателей. А раз нет ответа, то смысла в этой смерти тоже нет. Никто из нас не хочет умирать! Даже Ворон. Без Свана операция провалится и все каратели погибнут. Неужели сталкер не понимает этого?

Объяснять и убеждать времени не было, я двинул безумца прикладом в затылок. Ворон на миг ослабил хватку, и этого хватило, чтобы майор сбросил его с себя.

Сталкер поднялся сначала на четвереньки, потом выпрямился в полный рост. Угли костра бросали отблески на его искаженное гневом лицо. Рука его сжимала окровавленный нож.

Что ж, если сталкер желает схлестнуться в ножевом бою, то здесь ему окажут достойный прием. Нет, я вовсе не собираюсь вытаскивать из-за пояса свой меч-кладенец, чтобы иметь возможность через секунду-две упасть со вспоротым брюхом. В армии меня обучали ножевому бою по системе УНИБОС, но с тех пор мне не доводилось применять полученные знания. Повстанцев мы расстреливали из автоматов, не опускаясь до личного контакта. А в Зоне я пока что не встречал мутантов с кинжалами в лапах. Так что вздумай Ворон вы звать меня на дуэль, я бы тут же, не раздумывая, нашпиговал его пулями.

— Не дури, Ворон!

Совет бесплатный, но от души. Жаль только, некоторые не умеют прислушиваться к голосу разума. Сталкер шагнул вперед. Я вскинул автомат, но меня опередил Эмир. Он сзади ударил Ворона ногой в висок. Вот уж не подумал бы, что черногорец способен на такое. Классический маваша-гери. У меня бы не получилось лучше. Сталкер обмяк и рухнул на бок. Я выбил нож у него из руки. Вдвоем мы связали Ворону руки за спиной его же ремнем, ноги — хлыстом.

Я чувствовал себя последним подонком, ведь Ворон дважды спас мне жизнь. И вот так я отплатил ему?! Не делай людям добра, и не будет тебе зла. Старая, очень верная мудрость.

Слава Хозяевам, рана на шее Свана оказалась пустяковой. Я осторожно перевязал надрез, хотя, если честно, мне очень хотелось стянуть бинт потуже. Но нельзя. Сначала надо сделать дело и решить вопрос с ошейником. Ворон слишком, поторопился.

Эмир вправил майору вывихнутую руку, при этом он не очень-то церемонился. Сван скривился, но промолчал.

Ворон очнулся через минуту. Извиваясь на полу, сталкер ругался, как пьяный прапорщик, и грозил нам жестокой расправой. Лично мне он обещал отрезать мужское достоинство.

— А потом ты у меня его съешь и попросишь добавки!

Тренер учил меня спокойно воспринимать подобные нападки. Поэтому я просто расхохотался, стоя над сталкером и размышляя, убить его сейчас или обождать, пока он выскажется в адрес Свана. Но майор не проявил интереса к своей родословной в изложении сталкера, он заткнул Ворону рот его же портянкой. Правда, для этого пришлось стащить с Ворона ботинок и взять портянку руками, но оно того стоило, поверьте.

— Если представление закончено, господа, я с вашего позволения прилягу. Эмир дежурит первым, а дальше как договаривались.

Сван вернулся к своему спальному месту. Я последовал его примеру.

К утру, когда мое дежурство подходило к концу, Ворон каким-то образом сумел избавиться от кляпа. Виноват, не досмотрел. Уж очень сильно хотелось спать.

— Слышь, Край... — тихонько, чтобы не разбудить карателей, позвал меня Ворон. — Развяжи, а?

— Не могу, — мотнул головой я. — Ты же знаешь, я тут не командир. Вон, как Сван решит, так и будет. Извини.

— Ах ты гнида!... — прошипел сталкер, в момент растеряв свое смирение. — Да я тебя!...

В общем, заново понеслось. Ворон потребовал, чтобы его освободили. Скажем так, в выражениях при этом он не стеснялся. Перебудил всех. Сван молчал. Эмир мрачно курил. Я же занялся завтраком.

У нас еще оставались три банки консервов и чуток хлеба. Сначала я хотел все это разделить по-братски: командиру выдать сардину в масле, Эмиру — кильку, Ворону (провинился) — хлеб, а себе, так уж и быть, оставить красную икру. Но, поразмыслив, я решил, что так дело не пойдет. Во-первых, Сван может принять решение шлепнуть сталкера, а в таком случае зачем на него тратить пищу? Во-вторых, красной икры в банке всего сто сорок граммов, а сардины — двести пятьдесят. Улавливаете разницу?

А если всерьез, то я понимал, почему Сван до сих пор не завалил сталкера. С каждой секундой бэтээр научников все дальше от нас и все ближе к цели своего путешествия. А мы, вместо того чтобы бежать вслед, надеясь на то, что научники задержатся, приметив у дороги какую-нибудь специфическую травку, занимаемся умирением друг друга.

Ситуация — хуже не придумаешь. Вот что, скажите, делать с Вороном? Развяжи его — и он набросится на кого-нибудь из нас. А мне очень дорого мое мужское достоинство, я предпочел бы не рисковать им понапрасну. С другой стороны, если убить его или связанного оставить в коровнике, отряд будет совсем ослаблен. Ведь нас, карателей, останется только трое. Причем я и Сван пусть легко, но ранены. А Ворон из нас самый отчаянный, решительный и смелый. Он — настоящий боец, практически лишен чувства страха и прекрасно владеет любым оружием. Без него нам будет нелегко. И в то же время мы не чувствуем себя в безопасности рядом с этим маньяком...

Куда ни кинь, везде клин!

В конце концов выход из положения предложил сам Ворон. Устав ругаться, он сказал, что без такого балласта, как мы, он сможет в одиночку обогнать бэтээр с севера, воспользовавшись старой узкоколейкой, которая проходит возле так называемого Госпиталя.

— Дайте мне нож, если боитесь вернуть винтовку. Отдайте мне мины. Я установлю их на пути бэтэера. Если сам не завалю всех, то хотя бы задержу так, чтоб вы успели подойти. Такое мое деловое предложение.

Вот оно как. Значит, дать ему мин, он знает, как с ними обращаться... И как же я раньше не сложил два и два?...

— Это ты заминировал подход к насосной? — вдруг выпалил я, озвучив мысль еще до того, как она успела оформиться. — Отличная работа. Там даже слепые псы пройти боялись.

Ворон криво усмехнулся разбитым ртом и кивнул. Накануне Сван, вставляя кляп, приласкал его кулаком. По мне, Сван слишком уж расстарался — когда он измывался над связанным сталкером, я поймал себя на мысли, что майору это доставляет удовольствие.

— Как догадался? — спросил Ворон; в голосе его сквозило уважение к моим аналитическим способностям.

— У подвала с упырями ты мотоциклы растяжками вмиг спеленал, помнишь? Вот тогда у меня и шевельнулось. Только я не понял, зачем ты это сделал. Чем тебя Кажан взял, сколько денег обещал?

— Денег? — едва слышно прошептал сталкер, и я понял, что ошибся: Ворон не стал бы работать на вояку ни за какие баксы. — У него моя дочь. Заложница.

Дочь? Вот те на! Мои догадки подтвердились. Ворон тщательно скрывал, что у него есть семья. Родственные связи такой колоритной фигуры были бы на виду. Да что там на виду — жену сталкера давно бы уже убили анархисты или «долговцы». Причем и те и другие передрались бы за право это сделать.

Есть у Ворона дочь или нет, но с самого начала он был человеком Кажана. Засланный казачок среди обреченных на гибель. Скорее всего, он должен был завести группу на заминированный участок у схрона и доставить пану Григорию доказательства того, что каратели погибли. У него был шанс вернуться назад, ведь схрон Кажана располагался относительно недалеко от Периметра. Но Сван что-то заподозрил и отправил на разведку меня и черногорца... Все усложнилось для Ворона. По пути у него была масса возможностей уничтожить группу, для этого достаточно было убить Свана. Но избавившись от грушника, он погиб бы и сам! А сталкер обязан был выжить, чтобы спасти дочь, от которой он удалялся с каждым шагом в глубь Зоны! И как, скажите, от такого расклада не сойти с ума?...

— Уверен, — в планы Кажана не входила торжественная встреча героя хлебом-солью. По возвращении тебя расстреляли бы на вполне законных основаниях как лицо, нарушившее границу Зоны Отчуждения... — Я не замедлил поделиться с Вороном соображениями.

— Ты думаешь, я не знаю этого? — невесело усмехнулся бродяга. — Еще как знаю. Но у меня не было выбора. У меня и сейчас его нет.

— Ах ты!... — побагровел Сван и потянулся за снайперкой.

— Командир, не надо! Ворон дело говорит!

Я вывел Свана из коровника и подробно, но негромко объяснил ему, что если и есть у нас шанс догнать караван, состоящий из одной-единственной бронированной машины, то только благодаря сталкеру.

— А почему бы нам самим не воспользоваться узкоколейкой? — спросил отставной майор.

Я глубоко вдохнул и посчитал про себя до десяти. Грушник явно служил не при штабе. А от оперативной работы и постоянных контузий ума не добавляется. Ну как ему объяснить, что при таком раскладе мы избавляемся от Ворона, что уже немало? И он останется нашим союзником. Да, Ворон работает (или работал до официальной гибели группы) на Кажана, но сейчас сталкер не в том положении, чтобы мешать нам. Ведь проблема ошейника в прямом смысле не снята. Мы все слишком зависим от Свана. Это во-первых. А во-вторых...

Предположим, мы воспользуемся узкоколейкой. И как мы тогда узнаем, если объект вдруг обогнет город Припять? Нет уж, лучше бы нам идти по следу. В идеале — раздобыть джип и догнать бэтэр.

Последний аргумент Свана вполне удовлетворил.

— Значит, мы возьмем научных в клещи! — На лице майора появилась хищная улыбка. — Край, развяжи Ворона.

Я исполнил приказ. Итак, два-один в пользу сталкера. С меня все еще должок.

Эмир швырнул Ворону нож и молча указал на вещмешок с противотанковыми минами. Последние три штуки. Проверяя свое нехитрое снаряжение, сталкер мурлыкал под нос прадедовскую песню:

*Там, вдали за рекой,
Загорались огни,*

*В небе ясном
Заря догорала...*

Перед тем как уйти, он остановился рядом со мной и, подмигнув, закончил:

*Ты, конек вороной,
Передай, дорогой,
Что я честно
Погиб за рабочих!*

Намек я понял, чего ж там не понять. Без проблем, Ворон, я привык платить свои долги. И тут без разницы, жив человек или труп ходячий, друг он мне или враг. Если суждено мне вернуться за Периметр, я найду твою дочь, сталкер. Обещаю.

* * *

К вечеру мы втроем вышли к деревушке в пять деревянных изб, стены которых снаружи были обмазаны глиной и кизяками. В нерешительности мы остановились на околице, прикидывая, стоит ли двигать напролом или же обойти поселение — от греха подальше и чтобы сберечь патроны.

Сван то и дело поправлял вязаную шапку на голове. Эмир после гибели брата вообще утратил интерес к жизни, ему было все до лампочки. А я... Мне до оторопи не хотелось встречаться с коренными обитателями этих мест.

Тогда, после первой аварии, людей из Зоны эвакуировали. Но далеко не все захотели уезжать. Шамкающие бабки и деды-пенсионеры не видели себя без привычного хозяйства и отчего дома, хоть радиоактивный он, хоть какой. Они прятались в подвалах и лесах, уходили в поля, когда появлялись эвакуаторы, оружие в мегафоны об обязательном переселении в благодатные места с горячей пищей и всеобщей электрификацией.

Они остались, и они выжили.

А потом наступили «веселые» девяностые. Конец прошлого века вообще оказался на редкость безрадостным для империи, которая перестала существовать — ее вмиг разодрали на десятки клочков. Заводы стоят, фабрики стоят, колхозы разворованы, работы нет, жизнь людская стоит ровно столько, сколько за нее готовы заплатить: хоть тысячу неконвертируемых, хоть стакан водки. Зона в масштабах огромной страны. Что там, что здесь терять уже нечего.

Те, кто остался без квартир, отписанных рэкетирам, кому до смерти надоели лживые политики-мафиози, кто просто не хотел зависеть от государства, ненавидящего свой народ, — все они потянулись на зараженные территории, где не было иного закона, кроме закона совести.

Вольница, страна анархистов и хиппи. Наверное, это были благодатные времена. Я родился в той стране. Я много лет ничего не знал об этом, но после тайной комнаты отца Милены моим родителям пришлось многое мне рассказать. В том числе о их жизни в Зоне.

После второй аварии отца забрали в армию, а мать перебралась к родственникам в Харьков. У меня было отличное детство...

Пять изб. Эти строения нельзя назвать украинскими хатами, уж слишком они отличаются от обычных мазанок, которые иногда еще можно встретить в деревнях за Периметром.

— Они что, живут здесь постоянно? — спросил меня Сван.

После того как от нас ушел Ворон, я — самый опытный бродяга среди карателей. Мнение мое авторитетно.

— Живут. И уже не первое поколение.

Есть два вида темных. Первые корчат из себя людей, собираются в баре «Сталкер» и кормят кровососа Стронглава, которому сто лет в обед. Вторые уже не считают себя ровней сталкерам и военным, они понимают, что телепатия, наличие лишней конечности или полового органа до колен вызывают у пришельцев из-за Периметра в лучшем случае безразличный интерес, в худшем... ну, вы понимаете.

Кстати, и католическая и православная церкви оказались на редкость едины во мнении, что порождения Зоны все как одно есть отродья Сатаны и подлежат полному и безоговорочному уничтожению. Ходят слухи, что церкви объединились, чтобы совместно организовать крестовый поход на Зону Отчуждения. Наверное, это просто байки пьяных стalkerов, хотя...

— Надо идти к ним. Все равно нам нужна вода. И еда. Стойте пока здесь. Незачем всем вместе.

И я двинул к поселку, повесив автомат на плечо и демонстративно подняв руки вверх.

* * *

Они оказались милыми, добродушными и гостеприимными... чуть не сказал «людьми». Их семья давно живет здесь, они не знают других мест. Он откликнулся на имя Олесь, а ее звали Наталка. У них было пятеро наследников — я избегал смотреть на их... выводок.

Денег с нас хозяева не взяли, зато накормили копченым салом псевдоплоти. Вот уж не думал, что когда-нибудь отведаю подобное блюдо, ведь я не поверил Ворону, когда тот рассказывал, что мутантов просто надо уметь готовить... И еще нам насыпали в алюминиевые миски борща с мясом слепых собак.

К моему большому удивлению, ужин оказался очень вкусным и сытным. Думаю, в дорогих московских ресторанах эти блюда имели бы успех. Я подробно расспросил хозяйку, и она с удовольствием поделилась со мной рецептами. Когда-нибудь я стану поваром. Мне нравится обманывать себя этой мыслью.

Мы заночевали у темных. И это была моя самая спокойная и приятная ночь в Зоне за все время, что я брожу по зараженным территориям.

Утром Олесь отозвал меня в сторону, к загону, где топтались в ожидании корма две молодые псевдоплоти. На вертикальные зрачки темного то и дело набегала мигательная перепонка. Он рассказал мне о том, что оранжевый бэтээр вчера утром проехал через их поселок, но остановился в двух километрах дальше по дороге. Какие-то проблемы с двигателем. А сегодня утром Олесь, выгоняя на выпас своих припять-кабанчиков, обратил внимание, что бронетранспортер до сих пор не сдвинулся с места.

Мы наполнили бурдюки и фляги очень вкусной, прохладной водой. Темные научились очищать воду от примесей и радиации. Не спрашивайте меня, как они это делают, я ничего не понял из объяснений Олесь. Главное, мы не умрем от жажды в ближайшие пару дней.

Я сердечно поблагодарил хозяина за теплую встречу и гостеприимство. Вытребовав у Свана денег, сунул в карман темному пачку сотенных купюр. Многодетному папаше не помешает пара-тройка тысяч евро, а нам эти деньги уже не сделают погоды. Он не хотел брать, но я настоял, я очень просил его купить что-нибудь жене и детишкам.

— Зачем ты это делаешь, Олесь?

— Що самэ?

— Зачем ты помогаешь нам? — Я действительно не мог понять.

Только мы переступили порог дома, я сразу почувствовал, что здесь рады гостям, если те разговаривают тихо и не пытаются отобрать еду силой. Не верь я темным, мы бы не остались у них на ночь.

— Навищо?... Як навищо? Як що мы одын одному нэ будэмо допомагаты, то воны... — Олесь кивнул в сторону Свана и Эмира. — Воны ж нас зныщать. Нам трэба пидтрымуваты своих, що б нэ сталося!

Точно. Нам надо держаться своих. И помогать друг другу. Наталка махнула мне на прощание рукой. Меж ее пальцев натянулись перепонки, а коса за ее спиной была сплетена из тонких длинных отростков, похожих на змей. Я отправился в путь, немного ошарашенный тем, что темный принял меня за своего...

Будем надеяться, что воз и ныне там.

И воз, то есть оранжевый бэтээр, оказался точно в том месте, где указал Олесь. Вот только он был пуст. Видать, поломка оказалась такой серьезной, что исправить ее в полевых

условиях не представлялось возможным. Судя по следам, команда из десяти человек в армейских ботинках отправилась дальше пешком.

Сван хмурился, рассматривая дорогу впереди в прицел СВД. Эмир хмуро пялился под ноги, а я полностью доверился своему чутью, издавек замечая то, что в принципе невозможно было заметить без ПДА.

По моим подсчетам, Ворон уже должен был добраться до Припяти.
Скоро и мы там будем.

Глава 24. На Пятой Планете От Солнца

Солнце клонилось к горизонту, когда мы вышли к окраине города. Нас приветствовал бетонный постамент с надписью «Припять», а чуть ниже — «1970». Бросились в глаза крупные буквы на крыше дома: «Миру — мир». Это уж точно, мы не грозим другим народам. Мы бьем себя сами, чтобы прочие боялись.

— Край?

Я изучал следы.

— Здесь прошли. Недавно. Минут пять назад, а то и три.

Майор внимательно посмотрел на отпечатки подошв:

— А откуда такая точность? Ты по глубине следов узнал? Или еще как?

— Ага, по глубине. И по размеру. Если сорок пятый растоптанный, то опоздали, если тридцать девятый, то все путем.

Сван недоверчиво покачал головой. Ну и пусть. У меня не было ни малейшего желания объяснять этому жлобу, что я нашел тлеющий окуроч тонкой дамской сигаретки. А значит, курильщица прошла здесь вовсе не вчера и даже не пару часов назад.

— Вперед. Шуметь не надо. — Майор всё-таки поверил мне.

Пять минут или того меньше разделяет нас и караванщиков. Предельная осторожность не помешает. В любой момент мы должны быть готовы вступить в бой и победить. Именно так. Зачем ввязываться в драку, если не надеешься наступить на грудь врага?...

— Привет, командир. Как дела, парни? — Ворон появился внезапно, он вышел из подъезда дома, мимо которого мы проходили.

Меня чуть кондрашка не хватил. Мои спутники, похоже, испытали те же чувства. Понадобилось несколько секунд, чтобы мы смогли отвести стволы от фигуры сталкера в темном проеме высотки.

— А ты чего здесь?... — только и выдавил из себя я, сообразив, что срочно надо разрядить обстановку, пока мои коллеги не разрядили магазины. Не хватало еще спугнуть караванщиков.

— А где мне быть? — удивился сталкер.

И то верно. О месте встречи мы не условились. Значит, Ворон имеет полное право быть где угодно.

— Что с бэтэром случилось? — спросил сталкер, выйдя из тени подъезда.

Представляю себе разочарование Ворона, когда он увидел, что команда транспортера топает пешком, а вовсе не въезжает в город на броне. Ведь сталкер тащил на собственном горбу три противотанковые мины, а это без малого двадцать шесть килограммов стали и взрывчатки. Конечно, впору разозлиться. А пехота по ТМ-46 пройдет и даже не почувствует. Чтобы мина сработала, надо надавить на нее ста двадцатью килограммами.

Но к чести Ворона, в Припять он явился не только с минами. Он подстраховался, установив на тээмках дополнительные детонаторы, подрываемые сигналом с пульта, очень похожего на тот, которым стращал нас майор. Всего три мины просто не могли перекрыть дорогу, а пропустить караван, доверившись случаю, Ворон не хотел и не мог. И вот теперь, когда наши враги лишились бэтэра, он готов был использовать мины против пехоты.

А еще сталкер где-то умудрился переодеться в пятнистый противорадиационный костюм с капюшоном. Голову прикрывала каска. На боку болтался подсумок с противогазом.

На шее висели ленты, укомплектованные патронами для СРМС, каждый третий патрон был помечен красным — трассирующий, для корректировки стрельбы. Сам пулемет висел на ремне через плечо. А ведь СРМС весит почти одиннадцать килограммов. Всё-таки Ворон — сильный мужик.

Интересно, это добро снято с покойника? Или Ворон наведался в личный схрон и достал заначку на черный день? Впрочем, без разницы. Главное, он с нами: сталкер явно не настроен палить в своих боевых товарищей. И всё-таки я не доверял ему. Нельзя поворачиваться спиной к безумцу.

— Ну и дура... — проворчал Сван, намекая на массивность пулемета.

— Нормально. С двухсот шагов очередь в голову укладываю, проверено.

— Сколько их? — решил уточнить я.

— Пятнадцать человек. Пять научных, двое бродяг, остальные — военсталы. Бродяги вперед ушли, на разведку. А научники с вояками прямо посреди улицы спор затеяли, вот здесь, где вы стоите. Нервничали, разговаривали громко, руками размахивали. Так и хотелось жахнуть по ним, чтобы мало не показалось.

Я мысленно выругался. Я-то насчитал десять караванщиков. М-да, следопыт из меня как из пипетки клизма, только по окуркам определяться и умею...

* * *

Десять профи против четверых карателей, истощенных прогулкой по Зоне, — вариант не из лучших, радоваться нечему. Если б мы могли незаметно обогнать караванщиков, которые уже показались в поле зрения, и устроить засаду по всем правилам партизанской войны! Уж я в эти засады попадал не единожды... Занять бы позиции в домах по обе стороны улицы, подпустить научных с охраной поближе да расстрелять к чертовой бабушке в упор и без сожаления. То есть зачистить на фиг. Каратели мы, в конце концов, или куда?!

Но — увы. Мы бежали вслед за караванщиками, мы двигались предельно скрытно, чтобы подобраться к нашим жертвам вплотную. Вот только к жертвам ли? Еще раз повторю: пятнадцать человек против четырех. Из этих пятнадцати двое, по всему, проводники-сталкеры, восемь — военсталы. А уж эти вояки и вооружены хорошо, и натасканы убивать людей и мутантов.

Один из научных внезапно обернулся. Почувствовал опасность? Я резко нырнул за куст шиповника, выросший прямо посреди раздолбанной дороги. Похоже, здесь недавно проехали на танке, асфальт изломан в крошево. И кому понадобилось раскатывать по Припяти на Т-90?

Колючий, зараза. Не танк — куст. За ним уже пристроился Ворон. В своем пятнистом противорадиационном костюме сталкер даже посреди голой улицы сошел бы за небольшое дерево. Эмир и Сван тоже не выдали себя.

Научник не поднял тревогу. Его отвлекло что-то другое, что-то более серьезное, чем подозрительное движение сзади.

Из переулка показались двое. Ага, это и есть проводники каравана. Я мысленно выругался. Это же Турок и Орфей? Они — лучшие следопыты Зоны, самые изощренные убийцы и удачливые наемники. Это не парочка грязных бродяг топает впереди, это сама Смерть вышла к нам из переулка. И я уже спешу на свидание к этой даме, робея, как подросток.

Турок — настоящий хохол, рожа у него типично полтавская. Говорят, прозвище свое он получил из-за присказки «турок — не казак», которую частенько употреблял не к месту.

Орфея же прозвали так, потому что он наполовину грек. На вторую половину он чечен, но чеченов в Зоне и так хватает, им обычно дают два прозвища на всех — Шамиль или Рамзан. А чтобы не путаться, добавляют номера — Шамиль Третий, Рамзан Седьмой, Шамиль Второй... А вот грек на всю Зону один, и эту особенность сталкера отметили с охоткой.

Угу, сладкоголосый Орфей. Тот, кто назвал его так впервые, был шутником. Голос у Орфея вовсе не оперный. Бывший инструктор-рукопашник французского Иностранного легиона, он имел привычку разговаривать очень неторопливо, даже вяло. И я никогда не слышал, чтобы Орфей пел. Зато стрелял он отлично и ножом орудовал без равных.

Турок в этом плане мало отличался от напарника. Разве что он разбирался в электронике — закончил университет с отличием и даже учился в аспирантуре. Какая нелегкая занесла Турка в Зону, никто не знал, да он и не жаловался. Здесь он чувствовал себя как форель в горном ручье.

Подумав чуток, я решил, что моим коллегам не стоит рассказывать о грядущих проблемах. Меньше знают — лучше воюют.

Что ж, дорогие мои Турок, Орфей и их товарищи, вас ждет приятный сюрприз, если Ворон не соврал.

— Слышь, Ворон, а как ты вычислил, что они здесь пройдут? — едва слышно прошептал я.

— А эти двое вчера вечером здесь уже побывали. Разведчики типа вынюхивали что-то. Мне они сразу не понравились, но я решил не устраивать шума. Мало ли кто такие...

Я кивнул. Оно и к лучшему, что без шума и пыли. Ворон, конечно, псих, но мне вовсе не хотелось увидеть его тело, повешенное на бетонном столбе у въезда в Припять. Орфей и Турок никогда не убивают просто так. Смерть для них — особый ритуал, который наполняет мир ощущением тоски. Причем сами они не боятся ни черта, ни бога. А при личном общении в баре — милейшие ребята: знают много анекдотов, хохмят без конца.

Два человека в плащах химзащиты шли легким пружинящим шагом. Мне почему-то вдруг показалось, что они вовсе не бродяги, но рыцари на прогулке. А закованные в сталь жеребцы ожидают их в переулке, из которого они вышли. Им только копий и мечей не хватало. Эти двое отлично смотрелись бы где-нибудь в Антиохии лет эдак девятьсот назад. И я бы несказанно обрадовался, если б Турок и Орфей внезапно туда перенеслись. Причем безвозвратно.

Наемники двигались к караванщикам, которые явно ждали их возвращения. И что-то такое караванщики уловили, какой-то знак им подали бродяги, ибо военсталаы ни с того ни с сего вдруг грамотно рассредоточились. Даже научники схватились за оружие.

Это не входило в наши планы. Неужели нас обнаружили так рано?...

Орфей что-то отрывисто крикнул Турку, который шел метрах в пятнадцати позади. Далеко, я не расслышал, что именно. Щекастую рожу Турка прикрывала маска противогаза — еще советского производства, но отлично сохранившаяся. По противогазу я и опознал Турка издали. Он всегда по Зоне ходит в ИП-4М. А еще «на работе» он никогда не снимает перчаток. Чтоб руки не испачкать. Интеллигент хренов. За это Турка многие недолюбливали. Так чего я должен его обожать?

Бродяги вдруг остановились. Орфей медленно достал из-за спины здоровенный самострел, основание которого — метровый обрезок четырехдюймовой трубы, распиленной вдоль. Наемник сам соорудил эту ручную пушку, рассчитанную под тридцатимиллиметровые выстрелы ВОГ-17М.

Эти двое вообще были мастерами на все руки. Странные ребята, могли бы и за Периметром найти занятия по душе.

Ворон выругался сквозь зубы, помянув чьих-то родителей. Мне стало не по себе. Какого фикуса, а? Парни, вам приготовлен сюрприз, приятный для нас. Ну так топайте вперед, псевдопес вам в печенку! Не заставляйте дядю Макса просить дважды! В конце концов, это невежливо.

Эмир и Сван притаились через дорогу от нас за лавочкой. В подъезд рядом нельзя было войти, потому что перед ним вырос тополь. Деревянные сиденье и спинка лавочки давно сгнили, остались только две бетонные боковины, врытые в землю. Между боковинами вымахал здоровенный куст сирени, укрытый молодой листвой. Из-за зелени куст привлекал к себе внимание. Нашли где спрятаться, блин! Кажется, Орфей их заметил и навел свою пушку на куст.

Как-то на спор грек выстрелил из своей самоделки по мотоциклу с коляской. Связку буквально порвало в клочья. Зато удобно было собирать мелкие куски в тележку, чтобы потом сдать на металлолом.

Меня поразили караванщики — своим спокойствием. Раз уж что-то пошло не так, им бы открыть беспорядочную пальбу по сторонам, а не нет. Они ждали приказа. Так долго не могло продолжаться.

Орфей опять что-то крикнул. На сей раз он обращался к военсталу в черном берете. Похоже, он главный у караванщиков. Усиленно жестикулируя, военстал объяснил своей команде, что необходимо отойти и очень быстро. Его послушали — значит, тот, в черном берете, всё-таки командир. Вот кого надо будет завалить в первую очередь. Я показал на него Ворону и ткнул себе пальцем в грудь. Ворон кивнул, намекая, что не претендует на мой трофей.

Время разговоров закончилось. Караванщики настороже. И они слишком близко от нас.

Ворон облизнул губы. У меня вспотели ладони, я и сам не заметил, как вцепился в цевье автомата так, что побелели пальцы.

И тут Орфей выстрелил. Но метил он не в куст сирени, как мне показалось сначала, а в кучу палых листьев на дороге в паре десятков метров перед караванщиками. Громыкнуло основательно, ничего не скажешь. Осеннюю икебану, собранную лет за тридцать и в секунду перемешанную взрывом с кусками асфальта и щебнем, расшвыряло в стороны. Впечатляюще, да. Наемник попал в мину, установленную Вороном, она рванула, а от энергии взрыва детонировали еще две ТМ-46.

Орфей поднял над головой самодельный гранатомет и что-то проорал, явно обращаясь не к научникам и военсталам. Он вызывал на бой нас, то есть тех, кто установил на пути каравана ловушку. Но как вы понимаете, каратели не спешили скрестить с ним ножи или хотя бы взгляды.

— Вот тварь! — недобро осклабился Ворон.

Да уж, облом полный. Зря, значит, ты старался, сталкер.

Взрыв заставил караванщиков присесть. Кое-кто схватился за голову и прикрыл уши ладонями. Тоже верно — барабанные перепонки зарастают не за пять минут.

— Ну, с богом!

Первая же очередь из ОРМС сбила с ног двоих караванщиков — Ворон попал им в бедра чуть выше колен. Странно, он же хвастался, что виртуозно владеет пулеметом. Захотелось поиграть в кошки-мышки? Ох, не нравится мне это...

Я нажал на спуск, целясь в военстала в черном берете. Лицом вперед вояку бросило на асфальт, покрытый палой листвой. Застрекотала справа «штаер» Эмира, проделав дыру в молодой листве. Ухнула СВД майора. Бой начался.

Тем временем Орфей успел перезарядить свою ручную гаубицу. Следующий выстрел он направил в куст сирени. Видать, Эмир слишком уж засветился со своей пластиковой винтовкой. Куст расшвыряло по всей улице. Зелени не место в Зоне, здесь даже молодая трава обязана выглядеть так, будто ее выжгло солнцем пару лет назад. Хорошо хоть парни успели откатиться к тополи, закрывающему вход в подъезд.

Ветвистая крона этого дерева подверглась сильным мутациям. Ни единого листика в сплетении ветвей. Вместо листьев — колючки, на которые то тут, то там нанизаны иссохшие трупы ворон. Что это тополь, я смог распознать лишь по коре.

Военстал в черном берете морского пехотинца лежал неподвижно. Зато прочие караванщики кинулись врассыпную. Действовали они вполне слаженно. Врассыпную — это не значит «с воплями и под пули врага», это значит «пригнувшись и спрятавшись за естественными укрытиями». Они сразу сообразили, откуда по ним стреляют, и направили на нас короткие стволы винтовок, скомпонованных по схеме «буллпап». Отличная команда. Для операции явно подбирали не абы кого, но людей проверенных, знающих — чтобы дошли до пункта назначения. Небось им схроны не минировали и зомби к ним не подсылали.

Ответные очереди из десятка SA-80 заставили нас вжаться мордами в гравий. Когда я выберусь отсюда, прежде всего умоюсь. Я намылю лицо так, что покажется, будто на него

насыпали центнер снега... Почему все караванщики вооружены британскими штурмовыми винтовками? Наверное, это что-то да значит, верно? Но у меня нет времени (и желания) вникать в подобную ерунду.

Еще раз ухнула снайперка Свана, и еще одно тело в униформе упало на асфальт без признаков жизни. Командир у нас — стрелок что надо, он умеет порадовать своих подчиненных отличными результатами. Правда, ему тут же пришлось спрятаться за ствол тополя, потому как его засекли и теперь кучно по нему работали, не давая возможности и носа высунуть.

Следующая граната Орфея разорвалась в кроне тополя, сбив на землю сухие трупы ворон.

Надо было что-то делать, но как же не хотелось подставляться под пули!...

Стоя в полный рост, Орфей неспешно перезаряжал самострел. Подняв автомат к плечу и прицелившись, я навел оружие на бродягу и... Стоп! А где же Турок?! Я принялся вертеть по сторонам головой, высматривая второго наемника. Его отсутствие в поле зрения меня более чем насторожило. От этого парня ничего хорошего не жди. Если он пришлет вашим детям подарки на Рождество, то это будут игрушки, посыпанные порошком сибирской язвы, или шоколадки, пропитанные тетрадоксином.

Кстати, Эмир тоже куда-то пропал...

Его заметили наши враги, и лишь потом увидел я. Караванщики открыли огонь, стоило только черногорцу перелезть с кроны тополя на балкон третьего этажа. Ну ничего себе, парень просто орангутанг какой-то! Так быстро и ловко вскарабкаться на дерево, от кроны которого мало что осталось после выстрела Орфея, по силам немногим. Я, к примеру, точно не справился бы. Я же всё-таки человек разумный.

Через минуту, даже быстрее, Эмир оказался на крыше. Оттуда вести огонь по людям внизу было куда удобнее, чем из-за куста сирени. Но где же Турок?!

Ворон поднялся в полный рост и, хохоча, двинулся по улице. Его пулемет вышвыривал пули и гильзы, взамен забирая жизни. Карму сталкера отяготили еще пять смертей, прежде чем в него попали. Пуля чиркнула по каске, и Ворон будто очнулся. Сообразив, что он — мишень, лучше которой не придумаешь, сталкер упал на асфальт, выставив перед собой СРМС.

Сверху ударила «штаер» Эмира.

Теперь, когда карателям удалось проредить вражеские порядки, смог высунуться из-за дерева и Сван. Выстрелив в лоб очередному караванщику, он в две короткие перебежки домчал до ржавого грузовика метрах в пятнадцати от подъезда. Пули разбрасывали листву у него под ногами, когда он бежал.

И всё-таки где же Турок?!

Эмир добил тех парней, которых Ворон ранил в ноги. Они валялись на асфальте и жалобно кричали. Надо было раньше их обезопасить обезболивающим. Неужто научники не в курсе, что такое *суп де грассе*? Все эти оранжевые умники на самом деле идиоты полнейшие. Ни хрена в жизни не понимают.

Ворон всадил очередь в парня, который попытался повторить его подвиг, прогулявшись в полный рост. Дурачок прошел ровно три шага, прежде чем пули из адской машинки сталкера отбросили его назад. Комбинезон бедолаги порвало в клочья вместе с грудной клеткой. При падении гермошлем раскололся, бронестекло осыпалось на еще теплое лицо мельчайшими осколками. Осколки были в глазах, во рту... Я усилием воли заставил себя отвести взгляд. Разве мало я повидал смертей, чтобы засматриваться на еще одну, не самую мерзкую?

— И где, черт возьми, Турок?!

Похоже, я проорал свой вопрос достаточно громко, чтобы Ворон услышал меня. Он повернулся и качнул головой:

— Извини, брат, я не знаю.

Его ответ я прочел по губам, потому что в этот момент рванула очередная граната, отправленная в полет самострелом Орфея. Взрыв не только заглушил слова, но и поднял

сталкера в воздух метра на два, не меньше. Ворон упал на асфальт, неестественно закинув ногу за спину.

Глядя на его неподвижное тело, я рассвирепел, как раненый припять-кабан.

— Ах ты тварь! — орал я на Ворона. — Чуть проблема, сразу в кусты?! А кто вместо тебя воевать будет?! Я?! Или Сван?! А может, Эмир?!

Не знаю, сколько продолжалось это безумие. Я пришел в себя, когда ветки шиповника над моей головой счесало автоматной очередью. Мне нельзя сегодня умирать, я почти достиг своей цели. И вообще, это же глупо, согласитесь: умирать вдали от дома, даже если вас там не ждут.

А вот и Турок. Он зашел к нам в тыл. Это он стрелял по мне. Странно, что не попал. Я слышал, он стрелок такой, что куда там Робину Гуду и камраду Теллю вместе взятым. Так почему я еще дышу не продырявленными легкими? Ах да, простите, я забыл, что для некоторых смерть — это мистический ритуал. И вообще, убивать в спину — как-то неблагоприятно, что ли.

Рукава Турок закатал до локтей. Он хорошо смотрелся в плаще химзащиты, в допотопном противогазе и с Maschinen Pistole 40 в мускулистых руках. Я слышал про любовь Турка к наследию последней мировой войны, более известному как «шмайссер».

Вот ведь как обернулось, думал я, глядя в бездонное дуло оружия, которому вдвое больше лет, чем мне. А ведь казалось уже, что мы победили. И вот тебе на, здравствуй, тыл мой, Новый год!

Меня спас странный звук. Звук был настолько необычным и страшным, что я обернулся посмотреть, чем он вызван.

Из-за бетонных блоков, сваленных у детской площадки, выскочила стройная фигура в оранжевом комбезе. Мое сердце на миг забыло, как это — биться в груди. Меня всегда поражала способность некоторых женщин в любой одежде, в любом самом неподходящем для дамы месте выглядеть не просто привлекательно, но сногшибательно. И не важно при этом, что лицо девушки перемазано копотью после третьей смены у плавильной печи, а то и вообще скрыто светофильтром гермошлема. Ведь сексапильность таится где-то глубоко, вовсе не в улыбке и не в очертаниях бедер. Говорите, феромоны? Очень сомневаюсь, что сквозь вонь пороховых газов я был способен унюхать аромат самки на расстоянии в сотню метров.

Но я отвлекся. Все проблемы из-за женщин — это закон природы. Если у вас появилась проблема, ищите женщину, точно говорю. Меня могут в любой момент убить — фашистский автомат направлен мне между лопаток, а я люблюсь красоткой в гермошлеме! Ну и как это называется?!

Женщина в оранжевом комбинезоне держала перед собой устройство с широким серебристым раструбом. Я тут же окрестил устройство патефоном — из-за раструба, хотя этим сходство и ограничивалось. Мы обожаем давать неведомому привычные имена.

Женщина держала патефон так, словно в руках у нее огнемёт или еще что, опасное не только для окружающих, но и для самой хозяйки. Я сразу понял, что это не позерство, ведь у меня в ушах вдруг зазвенело, стало тяжело дышать, голова закружилась.

Не обращая внимания на Турка, с которым тоже творилось неладное, я опустился на асфальт и расстегнул кожанку. Я расстегнул бы и рубаху, но под курткой у меня был свитер, а под свитером — тельняшка. Ни одной, в общем, пуговицы. Но разве это способно остановить меня? Я должен приложить максимум усилий, я...

Я понял, что со мной что-то не то. Чтобы прийти в себя, я вцепился зубами в руку — и зарычал от боли. Звон в ушах не прекратился, но стало чуть легче, я уже не пытался найти пуговицы там, где их нет и быть не может. Уже хорошо.

Сейчас не помешал бы глоток трофейного спирта, но сволочь Сван забрал бутылку себе. Ну и фикус с ним! Думать о лекарстве во время боя — плохая примета. Надо провести рекогносцировку, оценить обстановку и принять решение. Проще говоря, осмотреться, прикинуть, что и как, и действовать исходя из.

Когда, подброшенный взрывом, Ворон упал и нога его оказалось за спиной, я попрощался с боевым товарищем. Но он лишь потерял сознание. И если до этого момента в мозгах у Ворона и так был разлад, то чертов патефон выжег последние извилины. Вот Сван, к примеру, просто валялся на асфальте и тихо-мирно пристраивал ОВД, чтобы пустить себе пулю в рот. Меня изо всех сил толкало в движение, хотелось вскочить, раздеться догола и бежать куда глаза глядят, а лучше — еще дальше. Стоило больших усилий удержать себя от этого безумного порыва. Ворона же колбасило куда серьезней. Устройство подействовало на него сильнее, чем на остальных. Сталкер раз за разом приподнимался, опять падал и опять... И при этом он держался за голову, его коржило и выгибало под немыслимыми углами.

Но, по крайней мере, это означает, что он жив! Патефон реанимировал его!

Жаль, ненадолго. Очередь из SA-80 прервала брейк-данс Ворона на особо сложном па. Покойся с миром, сталкер. Я помню о своем обещании. Но чтобы его выполнить, мне надо выбраться из передраги. Слышь, Ворон, замолви за меня словечко перед чертями, ангелами или Хозяевами Зоны, ну, с кем ты сейчас общаешься. Моя жизнь — это и твоя проблема, если хочешь, чтобы я спас твою дочь.

— Хватит! Бегом! Они уже идут, нам надо успеть! — услышал я крик.

Разглагольствовал чудом выживший в этой кутерьме научник. Он схватил девушку с патефоном за руку и потянул за собой. Мне показалось, или звон в моих ушах действительно стих?

И вот тут началось самое интересное. Такое интересное, что я многое отдал бы, чтоб звон вернулся, но прочие шумы исчезли навсегда.

Со всех сторон раздались крики, визг, застучали по асфальту копыта, загрохотала тяжелая поступь сотен лап. С подобным мне уже доводилось сталкиваться, и я до сих пор под впечатлением.

Ну пожалуйста, не надо! Я больше не буду!

Я, как маленький мальчик, пытался хоть как-то предотвратить неизбежное. И конечно, не преуспел в этом. Ни сопли, ни мольбы не могут остановить лавину, которая начала свое движение вниз. Точно так же я бессилен против малого гона.

Не нужны семь пядей во лбу, чтобы сообразить, что устройство с раструбом — это охотничий манок. Только рассчитан он не на уток, а на мутантов. Научники давно должны были разработать подобный прибор, ведь местные охотники заламывают несусветные цены и вдвое берут за живое зверье.

Малый гон — это страшное, но величественное зрелище. В общем, помолитесь, если что, за меня и поставьте свечку...

Я вскинул автомат к плечу и нажал на спуск.

* * *

Картина маслом, не иначе... По улицам Припяти несутся кабаны и псевдопсы, по крышам домов скачут снорки. Среди этой живности мелькает фигура в пальто, больше подобающем сельскому учителю, чем мутанту. Черное лицо, красные горящие глаза, чудовище прыгает с крыши на крышу, со страшной скоростью приближаясь ко мне, Эмиру и Свану.

Очень жаль. Очень жаль, Душан, что ты не погиб на безымянной высоте при подрыве вакуумного фугаса.

Очень жаль, что мы не нашли твое бездыханное тело и не похоронили его с почестями. Ты вернулся, Душан. Ты опять с нами, но мы не рады встрече...

Эко меня закоротило. Будто со стороны себя увидел.

Я нажал на спуск, когда слепая собака уже распласталась в прыжке. Пули сшибли ее с намеченной траектории, и мое горло уцелело, его не тронули слюнявые клыки.

Я изрядно выкосил собак, несущихся прямо на меня, но остановить всю свору не хватило бы патронов. Турок исчез под завалом тел, обезображенных мутациями. Кинув взгляд через плечо, я увидел, что Орфей побежал прочь от небольшого стада кабанов. Он

свернул в переулок, но зверье не отставало. Припять-кабан, могучий самец, в холке с меня ростом, нарвался на очередь из штурмовки Эмира. Напрасно мутант выпал из живого потока, который несся мимо нас.

— Уходят! — Глаза Свана бешено блестели в лучах закатного солнца.

Я прекрасно понимал его. Задача практически выполнена, можно вешать медаль на грудь, а тут такой облом. Но в любом случае надо что-то делать. Поток мутантов, спешащих по улице, пока что относительно небольшой. На то он и малый гон. Твари вообще не интересовались нами. Но в любой момент ситуация могла измениться.

Патефон вызвал у мутантов чувство жуткой опасности. По крайней мере, принято считать, что малый гон — это попытка убежать от чего-то. Я испытывал странный прилив сил. Мне казалось, что я способен свернуть гору одной левой, а одной правой — разнести по камешку небоскреб, если таковой обнаружится на пути. Я совершенно не боялся сотен, тысяч тварей, которые вылезли из своих нор, чтобы пройти парадом по улицам заброшенного города.

Я подмигнул громадной псевдоплоти, бредущей через толпу мутантов подобно цапле, разгуливающей по речному мелководью. Передние лапы то и дело нанизывали собак и кабанов. — Чудовище дважды останавливалось, чтобы сбросить лишний вес. Я никогда не видел таких крупных особей. Я и представить не мог, что псевдоплоть способна вымахать до размеров двухэтажного дома. Всё-таки глубокая Зона очень сильно отличается от районов, прилегающих к Периметру.

А потом я заметил Душана. Он прыгал с крыши на крышу, он искал нас. Гон звал его, манил за собой, но Душану нужны были только мы. Извернувшись в воздухе, он грузно упал с пятиэтажки на асфальт. Секунд пять ему понадобилось, чтобы встать на ноги. Любой на его месте расшибся бы насмерть, но не Душан. Он сильно изменился. Лицо его вытянулось и почернело. Что-то случилось с пигментацией кожи. Жил когда-то певец-афроамериканец, который отбелил себя. Ничем хорошим это не закончилось.

Я побежал за Сваном. Мне еще так много надо сделать. По пути я поднял пулемет, оброненный Вороном. Авось в хозяйстве пригодится.

Эмир остался. Он стоял и смотрел, как то, что еще недавно было его братом, медленно, пританцовывая, приближалось. Я хотел крикнуть, чтобы Эмир стрелял, что это существо погубит его. Я вскинул пулемет, но меня остановил майор:

— Не надо. Ему уже ничем не помочь.

И то верно. Ничем.

Мы бежали по улице, прижимаясь к домам, а позади два брата сплелись в тесных объятиях. Одному из них суждено было умереть...

И только потом я понял, что горло Душана свободно от пластикового обруча.

* * *

Эмир погиб, Ворона больше нет. Охрана ученых полегла вся. А из самих ученых спаслись лишь двое: мужчина и женщина. Судьба играет людьми как ей хочется: кого-то убивает с шахматной доски, а кому-то без очереди разрешает сделать ход. Да, это не по правилам, но у судьбы свои представления о чести и бесчестии.

Двое преследовали беглецов в ярких комбинезонах по улицам Припяти, попутно отбиваясь от мутантов, которым вдруг вздумалось покинуть строй. И пока что нам и караванщикам везло: мы все еще были живы.

Сван трижды останавливался и наводил винтовку на парочку, и трижды что-то мешало ему пристрелить их. То снарок, которому вздумалось наброситься на нас, то внезапный порыв ветра, изменивший траекторию пули, то осечка...

Мы бежали все дальше и дальше. Оранжевые фигурки мелькали среди сосен. Впереди, за деревьями, виднелся корпус какого-то предприятия.

«Юпитер»? Что они забыли на «Юпитере»? Я не сразу понял, что командир говорил вовсе не о пятой планете от Солнца. Завод «Юпитер»? Тот самый? На этом предприятии

делали то ли бобинные магнитофоны «Юпитер», то ли роликовые лентопротяжные механизмы для киевского радиозавода «Маяк». Ну и без военки не обошлось, а как же. Времена такие были, что даже трансформаторная будка могла на самом деле оказаться важным оборонным объектом.

А потом случилась первая авария на ЧАЭС имени Ленина. И завод «Юпитер» передали в ведение ПО «Спецатом». До самого второго взрыва на заводе работали люди. Белые халаты, бахилы, респираторы, шапочки на голову под резинку, чтоб ни один волос... Стерильность полная. Всё-таки сборка микрооборудования для космической техники. Это если официально, а если нет...

Разные слухи бродили по Зоне, но я умею выделять крупницы реальной инфы из многотонного шлака домыслов. Я слышал, что на «Юпитере» производилось таинственное «изделие №62». А вот что это за изделие — не знал никто.

— Приплыли... — Сван внезапно застыл на месте.

Я по инерции сделал еще несколько шагов, прежде чем остановиться. Гон прошел стороной, мутанты кричали и визжали в сотне метров правее сосновой рощи, в которую мы попали, преследуя караванчиков. И скатертью дорога, хорошей пробежки. Жаль только, не всех мутантов патефон заставил мчать не разбирая дороги. По крайней мере одна тварь притаилась в хвойной кроне и, приметив спешащую к ней добычу — то есть нас, неспешно прыгнула на землю.

Химера... Красота ее движений завораживала. Резкие скачки вперед и в сторону чередовались с грациозными ужимками и неподвижными позами. Поначалу глаз едва поспевал уследить за мутантом. Ложная слепота, так это называется. Я крепко зажмурился и вновь открыл глаза. Стало чуть лучше, но все же тварь так и норовила слиться с окружающим пейзажем.

Встретить химеру возле завода «Юпитер» — плохая примета. Если честно, встретить химеру везде не к добру.

Сван тяжело дышал, он держал винтовку у плеча, нервно поводя стволом из стороны в сторону. Он едва контролировал себя, панический ужас овладел им. Ясно было, что майор вот-вот сорвется и начнет беспорядочно палить в пустоту. Я же страха не испытывал. То есть вообще. Прежний задор еще владел мною. Хотелось бежать, хватать, быть лучше всех, только бы не стоять на месте. Именно поэтому я, не целясь, бахнул по химере из СРМС. Трассеры прочертили линию огня, уткнувшуюся аккурат в гибкое тело.

Кошачьи глаза твари вспыхнули малиновым удивлением. Химера резко отпрыгнула в сторону, потом неуловимо отклонилась в воздухе, даже не коснувшись лапами опавшей хвои. Черный бок мутанта мгновенно заалел.

Следующая очередь ударила по лапам химеры. С перебитыми костями о грации придется забыть, верно? Я смотрел, как корчится и щелкает челюстью смертельно раненная тварь, и не испытывал ровным счетом ничего. Ну разве что желание добить. А то вдруг оклемается? Я еще раз нажал на спуск. Язык вывалился из пасти, химера затихла. Всё. Пулемет мне больше не пригодится — патроны закончились. Не использовать же его как дубину?

Голос Свана прозвучал хрипло, с уважением:

— Ты убил ее. Ты сделал это. Ты...

— Да, я убил ее, — я услышал себя будто со стороны. — Мы отстали. Надо догнать.

— И уничтожить, — кивнул Сван.

* * *

Бетонный забор «Юпитера» кое-где обвалился — плиты лежали на земле, их присыпало желтой от времени хвоей. Мы вошли на территорию секретного объекта.

Нас встретил ржавый, перевернутый на бок грузовик. С десятков бетонных П-образных блоков громоздились рядом с ним. Отличное место для засады. Я пригнулся и юркнул в

сторону, обходя большое черное пятно на земле, над которым дрожал воздух. И как только заметил? Ведь почти стемнело.

Вдруг над головой вспыхнул фонарь, следом за ним следующий — метрах в пятнадцати, и так далее, по цепочке, строго один за другим. Кто-то методично переключал рубильники освещения заводского двора. В тире надо хорошенько видеть цели.

Мы со Сваном оказались посреди отлично простреливаемого пространства. Спрятаться было негде. Если научники не дураки, они воспользуются шансом избавиться от нас. Громыхнула очередь из британской штурмовой винтовки — значит, не дураки.

— Ах ты!... — Сван упал — пуля угодила в бедро.

Я подхватил его под мышки и потащил к бетонным блокам.

Больше по нам не стреляли. Кость оказалась не задета, я перевязал грушнику ногу поверх штанины. Пока хватит, а когда закончим, расстараюсь получше.

На первом этаже располагался сборочный цех. За дверью, из-за которой по нам пару минут назад вели огонь, был небольшой вестибюль. Стены выкрашены в голубой цвет, краска поблекла. Лестница, ведущая наверх, нас не заинтересовала. Я был уверен, что караванчики в цеху. Зачем им забираться в коридоры, где раньше располагались бухгалтерия, БТЗ и прочие службы? Ведь это значит самих себя загнать в ловушку. Куда больше места для маневра среди станков.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом. За окнами, которые находились значительно выше людского роста, наступила ночь. А в цеху освещалась лишь дорожка, опоясывающая ряды станков. Где-то там, среди производственных мощностей, спрятан вход в бомбоубежище, которое по слухам в разы больше цеха на поверхности. Вот туда нам и надо.

Сван ковылял за мной. После того как я убил химеру, мой авторитет существенно возрос. Майор не спрашивал, как я определяю, куда нам идти, а я не уточнял что иногда полезно смотреть под ноги — можно заметить рубиновые капли через каждые пару-тройку метров. По крайней мере один из караванчиков ранен. Или одна. А значит, наши силы теперь равны.

Следопыт из меня сами знаете какой, но я сумел найти люк, за которым открылся спуск в подземелье — стальные скобы, вделанные в округлые стены бетонного желоба.

Отодвинув Свана, я начал спуск первым.

Да уж, внизу было очень безрадостно даже по меркам Зоны. Прямо антураж для фильма о последствиях ядерной войны. Только вместо тупых вырожденцев-каннибалов в этих подземельях, небось, обитают несметные орды бюреров или еще какая дрянь похуже. Мне от этого местечка стало не по себе.

Если хотите, назовите меня хлюпиком или маменькиным сынком, но я не испытываю кайфа от экстрима. Свой досуг я предпочитаю проводить у телевизора с бутылкой пива и с чипсами в шелестящей упаковке. Да, мне нравится шелестеть этой чертовой упаковкой!

В общем, не по мне прогулки в плохо освещенных неуютных местах, где ни за какие деньги не купишь «жигулевское» и чипсы со вкусом бекона.

Бомбоубежище переделали в лабораторию. Точнее — в несколько профильных лабораторий. Мы пробирались мимо стеллажей с пробирками, реактивами, банками, никелированными ящичками, какими-то приборами с датчиками, кнопками и цифровыми панелями. Не нравилось мне все это. Я словно вернулся в прошлое, в потайную комнату отца Милены.

Я остановился, майор уткнулся мне в спину и тут же отступил на шаг. Замедленная реакция. Ну-ну.

— Прежде чем продолжить путь, надо решить один вопрос, — сказал я.

— Какой? — У грушника явно проблемы с соображалкой.

— Введи код! — повернулся я, к Свану. — Скоро контрольное время.

Мне вовсе не хотелось, чтобы отставнику пришлось это делать под огнем противника.

— Зачем? — ухмыльнулся в ответ майор. — Думаешь, я сам не справлюсь с этими двумя?

— Введи код! — повторил я, лихорадочно соображая, как обосновать майору свою значимость на финальном этапе операции. Но в голову ничего дельного не лезло. Я заиклился на коде и ошейнике.

Сван продолжал растягивать рот в самодовольной улыбке:

— Скоро истечет срок в десять суток. И тогда твой ошейник, Край, взорвется. И мой код не поможет. Это заложено в самой программе ОСП-3.

— Потом, — прохрипел я. — Это будет потом. А сейчас введи код!

Я ни на мгновение не забывал о смертельной опасности, запаянной в пластик на моей шее. Я знал, сколько часов и минут до большого бума. Скоро Макс Краю оторвет башку, если он не напряжет свои радиоактивные мозги и не придумает, как спастись.

Я замер. Красная точка появилась на животе Свана и медленно поползла ко лбу. Секунду я сомневался, стоит ли вообще что-то предпринимать по этому поводу, но за миг до выстрела всё-таки оттолкнул майора. Очередь прошла над нами, брызнули осколки пробирок. Я поднял АК над столом, за которым мы спрятались, и выстрелил в ответ.

— Вставай, Сван! Ты туда, я здесь, между стеллажами, пройду. Стреляли слева. Мы возьмем их с двух сторон, никуда не денутся.

Но Сван лишь покачал головой:

— Нога. Я не смогу.

Повязка пропиталась кровью. Ранение оказалось серьезней, чем я думал.

— Ты должен! — Я попытался взять его на слабо. — Ты же офицер! Ты — мужик!

— Да пошел ты!...

Пока мы душевно общались, научники сами отправились в разведку боем. Мужчина в оранжевом комбинезоне выскочил прямо на нас. Похоже, он оторопел от неожиданной встречи. А пока он соображал, что ему делать, Сван выхватил кольт из кобуры на бедре и всадил пулю в центр гермошлема. Лопнуло бронестекло, упала на пол штурмовая винтовка.

Словно почуяв что-то, я откатился в сторону, пропуская мимо веер пуль из SA-80. Тело Свана задергалось, принимая горячий металл. Не глядя, я метнул нож и попал стрелку в плечо. Дамочка, ойкнув, уронила оружие и кинулась прочь.

Раненый Сван остался лежать на полу, а я кинулся вслед за девушкой в комбинезоне. Нельзя было ее отпускать, она могла вернуться или хорошенько спрятаться. А я не обладаю нюхом ищейки, чтобы по запаху найти ее в нагромождении лабораторных агрегатов и шкафов.

Я настиг ее у стены, держась вдоль которой, можно было выйти к лестнице, ведущей вверх. Я ударил ее сзади по ногам, она упала и жалобно заскулила. Но меня этим не проймешь. Если человек умеет стрелять в другого человека, то почему я должен относиться к нему как к невинному младенцу? И при чем здесь пол?

Привалившись спиной к стене, женщина сняла с головы гермошлем и посмотрела мне в глаза. Я поднял автомат, он загрохотал в моих руках.

* * *

Я вернулся к майору, из которого уже натекло, как из заколотого на Пасху кабанчика.

— Убил? — тихо спросил меня Сван. Ему было тяжело не только говорить, но и дышать.

И всё-таки рана не смертельная. Если вовремя оказать медицинскую помощь, грушник оклемается.

— Пристрелил, как слепую собаку.

— Это хорошо...

Я знал, о чем он думает. Мысли его отражались в морщинах на лбу, в застывшем взгляде и поджатых губах. «Задание выполнено, — думал майор, — выполнено!».

Эта была его единственная мысль. То, что двигало им последние десять дней, то, ради чего он жил. Зомби бывают разные. Совсем необязательно, чтобы с гниющего тела

отваливались куски мяса. Зомби — это прежде всего пораженный мозг. Некоторые не умеют жить без приказов.

Теперь надо обезвредить ошейник, внушал я Свану. Ошейник! Ну же! Ну!... До контрольного ввода осталось менее минуты!...

Не знаю, помогло ли мое внушение или майор сам решил проявить благородство, а может, сообразил, что без меня ему не выбраться из Зоны, но он достал пульт и просто ткнул в большую розовую кнопку — тут же ОСП-3 с меня буквально свалился. Еще не веря в свою удачу, я устоял на пластик, начиненный взрывчаткой.

А потом во мне словно развернулась туго сжатая пружина. Хватит, натерпелся! Ногой я отбросил винтовку подальше от майора и, наклонившись, вытащил кольт из кобуры. Я ударил Свана лбом в лицо (сломал ему нос), чтобы не сопротивлялся, и отобрал у него пульт.

— А вот теперь побудь в моей шкуре. — Я нацепил ошейник на майора.

Это оказалось просто: концы мгновенно схватились, будто только того и ждали, что их вновь соединят. «Чудо российских нанотехнологий, вершина прогресса», — хихикнул я, представив, как звучала бы реклама ОСП-3 по телевизору после передачи «Спокойной ночи, малыши!».

— Прощай. — Я сунул пульт в карман.

Сван что-то кричал мне в спину, пытаюсь сорвать с себя ошейник. Глупо. Глупо тратить последние секунды жизни на ненависть и суету. Надо было ввести код, когда я просил, Сван. Авось и прожил бы дольше.

Позади раздался взрыв.

Глава 25. Вопреки

Ну конечно, я не смог застрелить женщину. Припорошенная штукатуркой, выбитой пулями над ее головой, дамочка все еще сидела у стены. Сбежать не пыталась, уже хорошо. Это значит, что мы поговорим.

Мы не виделись так давно, что я почти забыл, как она умеет смотреть на меня: долго, пронзительно, будто оценивая, достоин ли я быть рядом, не стал ли хуже. Натыкаясь на ее взгляд, я чувствую себя куском сыра, который залежался в холодильнике. И теперь хозяину надо решить, что с этим куском сделать — срезать плесень и использовать очищенную массу для приготовления пиццы или же просто выкинуть в мусорное ведро, да и всех проблем.

Но когда она начинает улыбаться, наваждение исчезает без следа. Вот как сейчас.

— Привет, Макс. Ты скучал?

— Еще как. — И это правда, я всегда говорю ей только правду. Так уж повелось.

— Все мертвы, да, Макс? Только ты и я, и больше никого? — Она чертовски привлекательна даже в оранжевом комбинезоне, даже с плечом, пробитым моим ножом.

Я с трудом заставляю себя не обращать внимания на игривый тон.

— Что ты делаешь здесь? Ты ведь должна быть в Чернобыле-4!

Верно, черт побери, должна быть. Как верно и то, что к своим долгам Снежная Королева всегда относилась с пренебрежением. Пообещать и тут же забыть о том, что обещала, — вполне в ее стиле. Женщины так ветрены, говорят мне ее длинные ресницы и светлая челка, то и дело спадающая на глаза, разве можно полагаться на слово красавицы, а, Макс?

Нет. Нельзя. Я говорил себе это тысячу раз: Макс, оставь ее, забудь, она не доведет тебя до добра. Но разве можно отказаться от собственного сердца? Разве можно лишить себя руки, даже если она болит и нестерпимо чешется?

На лбу Королевы выступили капли пота.

— Милана, я же просил тебя... Это очень опасно, я же мог тебя убить... Да кто угодно мог тебя убить... — Я сел рядом с ней и притронулся к ее светлым волосам, пахнущим шампунем. Столько дней в Зоне, а они всё пахнут шампунем. И как ей это удается?

— Я не могла. Я хотела. Я...

Я не слышал ее оправданий. Я думал о том, что все, что ни случается, к лучшему. И уж если Хозяева Зоны хотели свести нас в лаборатории под «Юпитером», то так тому и быть.

— Хорошо выглядишь. Ярко.

Она почему-то смутилась:

— Мне выдали этот комбинезон. Я в нем похожа на гиппопотама.

— Ну что ты наговариваешь на себя? Ты же знаешь, тебе все к лицу. Миля, тебя даже драная фуфайка не испортит.

Поморщилась — до сих пор не любит, когда ее называет Милей кто-нибудь, кроме отца.

Я помню, как вернулся домой после двух лет в банановом раю. Худой, злой, я два дня просидел на кухне, плясая в рекламу по ящику и глуша с отцом перцовку. Батя так и сказал матери: «Надо». И мать без разговоров трижды бегала в магазин за выпивкой и маринованными огурцами. Люблю, знаете ли, под это дело похрустеть корнишончиками. Чтоб, значит, с пупырышками и зеленые, как крокодил Гена с бодуна.

А потом мне надоело пить, и я отправился на прогулку — подышать выбросами завода, на котором раньше тратили свою жизнь мои родители. И надо мне было увидеть, как она выходит из «бумера», притормозившего у соседнего подъезда?... За два года она не написала мне ни единого письма. Я просил родителей разузнать, что с ней, здорова ли, но отец молчал, а мать обходилась невнятными намеками о судьбе отца Милены, который якобы пропал с экспедицией в Зоне.

И вот — она. Она буквально выпала из машины. Хохоча, ее вышвырнули, словно надоевшую игрушку. Хлопнув дверцами, трое выскочили за ней следом. Я узнал этих парней. Именно они пытались избить меня много лет назад по просьбе Милены. Ее ручные псы. И псы эти вцепились клыками в руку хозяйки.

Милену повалили на асфальт сразу возле машины и принялись мутузить ногами, хохоча и матерясь. Багровая пелена упала мне на глаза... А дальше — суд, тюрьма, побег, Зона...

И вот я здесь, и она рядом.

— Я же просил тебя. Ты обещала мне!...

Она пожала плечами и поморщилась от боли; на комбинезоне сильнее проступило бурое пятно. Она не пришла на суд, и я никак не мог простить ей этого. Она не дала показаний, и меня не оправдали.

* * *

Однажды ко мне заглянул постоянный клиент, научник. Купив пару артефактов и обмыв сделку не отходя от кассы, он разговорился. Научник рассказал, что его лаборатория получила заказ на исследования «изделия №62» и теперь ассигнования потекут к нему рекой. Он наконец сумеет платить своим людям нормальные деньги, он получит Нобелевскую премию, он станет лауреатом, он...

Научник еще долго разглагольствовал о высоких материях, но я больше его не слушал. Я сразу смекнул, что наткнулся на золотую жилу и алмазную трубку. Чтобы не вспугнуть чудака, я удержался от расспросов, лишь попросил, чтобы он взял на работу одну молоденькую девушку, с образованием и симпатичную. Сиротку, кстати.

— Надо помочь. Пропадает бедолага... — Я проникновенно посмотрел в глаза ословевшего академика.

Когда на следующий день Милена явилась с трудовой книжкой к Александру Армановичу (у научника даже отчество было чудное), тот от восхищения не смог вымолвить ни слова. Королева, если хотела, могла произвести впечатление на самого отъявленного импотента с нетрадиционной ориентацией.

Остальное — дело техники. Спустя пару месяцев труда на ниве чистой науки, Милене удалось узнать, что в период между двумя взрывами «изделие №62» производили в подземных цехах завода «Юпитер». Вроде бы оттуда оно попало к научникам через двух или

трех перекупщиков. Финальную сделку заключил известный всей Зоне Бубна, допросить которого, к сожалению, у меня не было ни малейшей возможности. Но я знал, что Бубна снарядил две экспедиции к «Юпитеру» и ни одна из них не вернулась.

Эти сведения резко охладили мой пыл, ведь я всерьез планировал с небольшим отрядом верных людей прорваться к Припяти и с добычей вернуться назад. (Кстати, та самая группа «долговцев», которую вел Ворон, по моим сведениям, сгинула именно после визита на филиал киевского завода радиодеталей. Всю дорогу я хотел задать Ворону пару вопросов, но опасался это делать, памятуя о судьбе «долговцев» и последовавшей войне кланов. Но я должен был попасть на «Юпитер» раньше, чем кто-либо, и завладеть складом готовой продукции, если таковой там обнаружится! А уж в том, что подземелье завода меня не разочарует, я ни капельки не сомневался).

Милена продолжала мыть пробирки и строить глазки начлабу, а я зверел от бессилия придумать план, который имел бы шанс на успех.

А потом на связь со мной вышел Пельмень, помощник Сидоровича. И он произнес одно слово, после чего я едва не взвыл от радости. И слово это было... «Пиранья».

Артефакт, который иногда — далеко не всегда! точнее, крайне редко! — образовывается при распаде аномалии под названием «рыба-игла». Я первым открыл этот артефакт на озере Янтарь. Тогда предмет, похожий на маленькую серебристую рыбку, достался моим хозяевам, ментам Белоглазу и Петру, пусть будет мягким их ложе из стекловаты — эти подонки нашли себе последний приют в глубинах канализации Чернобыля-4...

«Пиранья» обладала поистине чудесной силой. Тот предмет, с которым она сливалась, на некоторое время становился практически неуязвимым для внешнего воздействия. Хоть стреляй, хоть жги, хоть режь — причинить заметный вред если и можно, то очень тяжело. Помнится, там, на Янтаре, я вытащил сразу два артефакта из воды. Одну «пиранью» у меня попросил Бегемот, убитый впоследствии Сваном. Бегемот, шутя, швырнул серебристую штуковину в огонь, рядом с которым мы, ныряльщики, грелись и на котором готовили ужин. Артефакт тут же расплавился и, превратившись в блестящую лужицу, испарился. А через минуту по нашему лагерю выпустил пару ракет вертолет миротворцев. И оба боеприпаса с тепловым наведением попали в цель. Взрыв, вспышка, грохот... А мы — ошалевшие — живы и здоровы. И ни царапины, ничего вообще... Это был шок! На следующее утро на окраине Чернобыля-4 в меня стреляли из АКСУ и дробовика — ни одной царапины! Вскоре слух о моих способностях распространился по всему фронтиру. Вот тогда я и сколотил свою первую банду, состоявшую из желторотых новичков. Продержавшись месяц, эффект «пираньи» исчез внезапно — во время поножовщины в баре... Я едва оклемался потом...

И вот, спустя несколько лет, еще одна «пиранья» всплыла у Периметра и оказалась в сейфе у одного из самых известных перекупщиков. Обладай я этим могучим артефактом, безопасный проход в глубь Зоны к «Юпитеру» и обратно был бы гарантирован.

Пообещав Пельменю золотые горы, я принял решение ограбить Сидоровича. Что из этого получилось, вы знаете. Все пошло наперекосяк. Моих поделщиков убили, сам я оказался в плену, а потом меня «наняли», чтобы преследовать и уничтожить экспедицию ученых, отправленную к «Юпитеру». Воистину судьба зло подшутила надо мной!

А дальше началась серьезная игра, в которой я до сих пор мало что понимаю. Сильные мира сего затеяли возню под ковром. С жертвами не считались. Караван из БМП, трех грузовиков и бэтэра был откровенной подставой. Целый взвод бойцов превратили в зомби... Похоже, ни одна из группировок не хотела, чтобы другая завладела «изделием №62». И уж тем более ничего не должно было попасть в руки ученых.

Но что стоило большим боссам снарядить военную экспедицию к «Юпитеру»? С танками и воздушно-десантным полком? Во-первых, Зона отреагировала бы выбросами, большими гонами — так что экспедицию попросту смело бы. Да и не факт, что вторая группировка не отправила бы свою армию. А это уже настоящая война. Большие боссы боятся нарушить баланс сил. Они ничего не хотят менять. Зона должна остаться такой, какая она есть, — бездонной черной дырой, в которую столько лет уже падает экономика моей

страны. Ведь на поддержание Периметра и пустопорожние исследования государство тратит половину бюджета и берет огромные кредиты за рубежом. Значительная часть этих денег оседает в карманах генералов.

Но я заткну эту дыру. Я знаю, что смогу это сделать.

* * *

— У вас была «пиранья»? — спросил я. — Не рыба, артефакт?

— Я знаю, что такое «пиранья». — Милена всхлипнула, когда я вытащил из раны нож и начал перевязывать ей плечо. — «Пиранью» влили в лабораторный бэтээр. Мне ничего не угрожало.

Я помню, как мимо нас, только вылезших из раскуроченного ДОТа, на скорости, запредельной для Зоны, проехал оранжевый бронетранспортер. Я еще подумал, что управляет машиной безумец-лихач, который не боится смерти. А чего ему было бояться, если он знал, что броня его крепка, как никогда?

Милене действительно ничего не угрожало. А вот с поломкой в движении названный брат Шумахера справиться не смог. А не надо было гнать по раздолбанной дороге. В результате ученым пришлось покинуть безопасную машину и топтать пешком по территории, полной аномалий и мутантов.

Ну а дальше все понятно.

— Ты знаешь, где расположен склад? — Сложив части в цельную картину, я захотел прикоснуться к тому, ради чего я здесь.

— Знаю. Идем, покажу.

* * *

Что еще за «изделие №62», из-за которого начался такой крутой замес? Не спешите, а то успеете, как шутил ныне покойный Бегемот и тут же аплодировал сам себе, захлебываясь от смеха. Все по порядку, расскажу чуть позже.

Я дал Милене кольт Свана. Майору оружие ни к чему, он уже на пути к своей ГРУшной Вальхалле. Я же предпочитаю отечественного производителя, меня американской игрушкой не заманишь. Ну не сложились у Макса Края отношения с забугорными хлопушками. Не верю я им, могут подвести в самый ответственный момент. А у меня ведь не будет возможности пройти уровень заново, я все должен делать с первого раза.

— Сюда! — Светлый локон упал Милене на лицо, движением головы она отбросила его назад. Мне нравилось, как она это делает.

Склад, куда меня привела Снежная Королева, нельзя было назвать огромным, но и камеркой он тоже не был. Массивная стальная дверь, искореженная взрывом, впечатляла. Вместо замка зияла дыра. Тот бродяга, который побывал здесь первым, явно не церемонился. Он был любопытным малым, он сумел пробраться внутрь. Надеюсь, ему повезло и он продал хабар по достойной цене. Ведь за подобный товар чаще платят пулей в лоб, чем полновесной монетой на банковском счету.

Метров на тридцать тянулись вдоль стен ячейки, заставленные гауссовскими винтовками. Это и есть «изделие №62». Принцип работы супермощного и очень дорогого оружия основан на технологии разгона пули не пороховыми газами, а электромагнитным полем. О подробностях меня не спрашивайте, я не ученый, у меня даже высшего образования нет. Когда нормальные мальчишки писали шпаргалки и сочиняли подругам стишки, я чистил свой АК от нагара и желал смерти всем человекообразным обезьянам, к концу второго года войны познавшим прелести автоматического оружия.

Я видел старый учебный фильм по применению винтовок Гаусса. Зрелище меня впечатлило. Я потерял покой и сон. Я понял, что это оружие способно изменить расстановку сил в Зоне и в ее окрестностях. Тот, кто завладеет этой лютой мощью, будет диктовать свои условия остальным кланам и группировкам.

Вооружив своих бойцов, я мог бы стать королем криминального мира, расширить свое влияние и выбить за Периметр конкурентов, а то и вообще всех сталкеров. Да что там бродяги, я бы выгнал из Зоны вояк. Царь Радиоактивной Пустоши, Император Мутантов — так отныне зовите Макса Края!...

Я крепко зажмурился и открыл глаза, стряхивая с себя наваждение.

Какой еще Император? Ты в своем уме, а, Максимка?! Очнись!

В дальнем конце склада стояло самое ценное из того, что здесь было: опытный образец небольшой самоходной установки, оснащенной гауссовской пушкой — угловатой, обвитой сегментами-кожухами изоляции, из-под которой к корпусу тянулись толстенные кабели. У серийного образца снаружи ничего не торчало бы. Стоит взглянуть на любую военную технику, чтобы понять: все, что можно спрятать, вояки обязательно спрячут и продублируют на случай отказа. Пятнистая камуфляжная раскраска, гусеницы прикрыты блоками динамической защиты, на башне, помимо пушки Гаусса, установлен НСВТ... Сразу видно, что работы по созданию прототипа шли полным ходом. Очевидно, гауссовская артиллерия впечатлила тогдашних генералов.

Над бортами возвышались уродливые миски экранов, якобы спасающих от аномалий. Я видел в Сети пару статей об этих современных разработках. Пока что экраны жрут слишком много энергии и малоэффективны...

Но всё-таки! На такую удачу я не мог и рассчитывать. Даже самые смелые предположения забулдыг в барах у Периметра не приближались по размаху к масштабам этой находки!

Стоп. Что-то здесь не сходится. Слухи о первых антианомальных разработках стали мелькать в Сети с год назад, не раньше. А «Юпитер» законсервировали сразу после второго взрыва. Позвольте, но это значит, что защитные экраны появились раньше самих аномалий. Как такое может быть, а?!

Я хорошо себя знаю, у меня есть одна проверенная годами примета: если у Макса Края нет ответа на вопрос, он в чебурек расшибется, но выяснит, что и куда. Не сейчас, не завтра, через пять лет — но обязательно!

Я залез в отделение управления гауссовского танка, осмотрелся. Все, как я и думал, было сделано на базе Т-72, который меня заставляли водить в учебке. А значит, я вполне справлюсь. У меня нет прав категории Б, зато в армии мне открыли категорию Т.

— Миля, надо бы закинуть внутрь десятка два гауссовских винтовок. Полежай, будешь принимать. И укладывай так, чтоб тебе и мне хватило места...

Я высунул голову из люка механика-водителя, и в лоб мне уперся ствол пистолета.

* * *

Когда она вошла в бар «Три таракана», впоследствии переименованный в «Зверь между ног», я не поверил своим глазам.

Примерно раз в две недели Белоглаз и Петро Могила вывозили «боевых пловцов Янтая» (так они нас называли) на прогулку за Периметр. Чтобы расслабились и сняли стресс. У нас были очень чуткие хозяева. Опять же за работу нам платили. Да, это были сущие гроши, но все равно не следовало позволять нам скопить хоть какую-то сумму. Поэтому нам давали возможность потратиться на выпивку.

Киска в очередной раз обещал Звездецу, что, когда найдет радиоактивное золото и разбогатеет, он сменит пол, его будут звать Брунгильдой и он купит с потрохами и фундаментом это заведение, где водку разбавляют водой и жутко не доливают в стаканы...

А я смотрел на светловолосую богиню, которая вошла в прокуренный зал. Настроение у меня было не ахти, ведь пришлось отдать боссам странный артефакт, который я назвал «пираньей». Но увидав Милену, я забыл обо всех обидах и неприятностях.

В баре повисла напряженная тишина. Только Киска, которому было плевать на дамские прелести, вещал о губных помадах разных производителей. И никто не решался заткнуть ему рот — уж слишком крупным он был мужиком.

Милена подошла ко мне и села рядом на высокий табурет. Алый маникюр цокнул по барной стойке.

— Привет, — кивнула она, будто мы расстались всего час назад. — Угостишь?

— Виски? С содовой? — неудачно пошутил я.

Она невозмутимо кивнула:

— Горилки. Перцовой.

Заполучив новый артефакт, Белоглаз невероятно расщедрился: в порыве чувств он сунул мне купюру в полсотни евро. Так что я мог себе позволить угостить даму и снять номер наверху.

— Как ты нашла меня? — спросил я под утро, крепко прижимая ее податливое тело к груди.

— Ты так и собираешься всю жизнь быть шестеркой у ментов?

Прищурившись, она взглянула мне в глаза.

Я не знал, что ей ответить.

— Ты должен решить свою проблему. — Милена протянула мне черный матовый пистолет.

* * *

...В лоб мне уперся ствол пистолета.

Что ж, я в курсе, милая, как ты привыкла решать проблемы.

Вместо грохота выстрела раздался сухой щелчок. Пуля должна была разнести мне голову. Всего лишь навсего. Вот только я разрядил кольт, прежде чем выдать его подруге в качестве средства самозащиты. У меня было предчувствие, Королева, что ты используешь ствол не по назначению.

— Ах ты!... — только и сказала Милена, глядя на оружие, которое ее подвело.

Я спокойно вылез из люка и отобрал кольт.

— Думаешь, Миля, я не знал, что ты с Новаком спелась? — У меня внутри все переворачивалось, когда я говорил это. — Думаешь, я не знал, что ты уже год трахаешься с бравым офицером ОМОНа, который с твоей подачи занялся работоторговлей? Решила, значит, завалить Максимку, а добычу нашу отдать ему?

Я никогда не видел страха в ее глазах. Даже когда бывшие ручные псы пинали ее ногами, она не боялась. Зато сейчас она что-то жалко лепетала, сползая с брони на пол и пятясь от меня.

Я спрыгнул следом и поднял автомат. Или всё-таки опробовать винтовку Гаусса?...

Милена умоляла меня не делать глупостей — она все объяснит, я просто неправильно ее понял, на самом деле все не так, она хотела как лучше, я должен выслушать ее, я...

«Я никому ничего не должен», — сказал бы я Снежной Королеве, но меня словно заклинило. Мальчишка по имени Максим вновь очутился в запертой комнате, а вокруг на полках стояли банки с заспиртованными мутантами. И выхода нет. Чтобы выжить, надо убивать. Вот только на этот раз у мальчика Максима в руках автомат Калашникова и есть пара запасных рожков.

Милена кричала и плакала, изображая из себя растерянную девочку. Но я знал, что это маска, очередная роль, выверенная до мельчайшей детали, а за личиной прячется холодная жестокая стерва.

Все эти годы я был слеп. Я не замечал очевидного.

Я опустил автомат, руки мои дрожали.

— Уходи, — просто сказал я.

— Можно я возьму оружие?... — Милена потянулась за винтовкой Гаусса.

Я покачал головой:

— Дважды просить не буду.

Остаться без ствола в Зоне — верная смерть. После малого гона мутанты очень проголодались, ведь пробежки способствуют аппетиту.

Милена, пятась, скрылась за стальной дверью. Надеюсь, она догадается вернуться в лабораторию и подобрать хотя бы одну SA-80...

Чую, зря я отпустил ее. Снежная Королева не прощает таких ошибок, она обязательно отомстит. Если выживет в Припяти.

«Всё-таки надо было испытать новое оружие», — подумал я, представив, как разогнанный электромагнитным полем крупнокалиберный патрон размазывает женщину по полу. Это самое малое, что она заслужила после того, как сломала мне жизнь...

Ну и кого ты обманываешь, Макс? Себя? Ты не способен на подобное. К тому же ты все еще любишь ее. Ведь любят не за что-то, а вопреки чему-то.

Скупно улыбаясь своим мыслям, я запустил движок гауссовского танка и раскатал в блин все электромагнитные винтовки, которые не мог забрать с собой. И только после этого я загнал танк на платформу подъемника. Со скрежетом отползла в сторону плита потолка. Врубились сервоприводы, подняв махину уровнем выше. Наверху, снеся пару-тройку станков и протаранив ворота, я вырулил из цеха. Вот и всё. Я сделал это.

В люк механика-водителя на меня смотрело ночное небо Припяти. Я подмигнул ему и сказал:

— Теперь всё будет хорошо.

Но прежде чем отправиться дальше, трижды сплюнул через плечо.

На всякий случай.